



АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮГА РОССИИ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 75-летию доктора исторических наук,
профессора Мусы Хароновича Багаева
г. Грозный, 16 ноября 2016 года*

Грозный – 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮГА РОССИИ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной
75-летию доктора исторических наук, профессора Мусы Хароновича Багаева
Грозный, 16 ноября 2016 года*

Грозный - 2017

УДК 902
ББК 63.4
А 87

Ответственный редактор: Магомаев В.Х.

Редакционный совет: Гапуров Ш.А., Магомадов С.С.,
Цуцулаева С.С., Мазаева Т.А.,
Абдулвахабова Б.Б-А.

Материалы конференции представляют интерес для историков, обществоведов, аспирантов и магистров, а также всех, кто интересуется историей.

Статьи публикуются в авторской редакции. **«Археология и история юга России», Всероссийская научно-практическая конференция, (2016, Грозный).** Всероссийская научно-практическая конференция «Археология и история юга России», посвященная 75-летию доктора исторических наук, профессора Мусы Хароновича Багаева, 16 ноября 2016 г., г. Грозный [Текст]: Материалы /ред. совет Ш.А. Гапуров [и др.]; отв. ред. В.Х. Магомаев. Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2017. 175 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора исторических наук, профессора Мусы Хароновича Багаева. В докладах и сообщениях представителей Москвы, Санкт-Петербурга, Калмыкии и Северного Кавказа отражены вопросы археологии и древней истории народов Северного Кавказа, этнографии и каменного зодчества горной Чечни. Большое место в сборнике отведено: проблемам взаимосвязей России и Кавказа в XVI–XIX вв.; истории и культуры народов Северного Кавказа в контексте истории и культуры России XX- начале XXI вв.

ISBN 978-5-91127-231-9

© Авторы, 2017
© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Козенкова В.И. Веги славного пути (к 75 - летию Мусы Хароновича Багаева)	3
Гануров Ш.А., Магомаев В.Х., Магомаева Ф.В. Страницы истории российско - кавказских отношений (XVI - XVIII вв.)	10
Багаев М.Х. У истоков советского археологического кавказоведения (к 80-летию северокавказских археологических экспедиций)	15
Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда чеченцев по материалам наземного склепа аула коротх (горная чечня) XVI -XVIII веков.....	20
Афаунова Д.Ф. Деятельность терской сословно - поземельной комиссии.....	25
Бдаева Л.А. Человек долга.....	28
Бацаева И.С. Эпохальная встреча на Эльбе офицеров советской и американской армий.....	33
Бегуев С.А. Деятельность временного терско - дагестанского правительства в конце 1917 - март 1918 гг.....	36
Газалиева З.Б. Южно - Сухокумск - особенности развития города.....	39
Гарсаев Л.М. Из истории возникновения города Шали	42
Гарунова Н.Н. К вопросу о формировании историко - археологической карты низовий Терека.....	48
Гелаева З.А. Чечня и чеченцы в издании м.н. Чичаговой «Шамиль на Кавказе и в России»	52
Джахиева Э.Г. История Кизляра через призму веков: XVIII - XXI вв.....	55
Журтова А.А. Российско - чеченские взаимоотношения в XVI - XIX вв. в советской историографии.....	58
Ибрагимов М.М. Геха - наиб имама Шамиля из селения Гуни.....	64
З.С. Исакиева Труд женщин и подростков в угледобыче Казахстана в 1940-1960 гг.....	67
Кафар - заде Л.Р. Роль глав азербайджанской и чеченской республик в развитии российско - азербайджанских отношений в постсоветский период.....	70
Кольцова К.П. Родовые могильники средневековых кочевников на территории северо - западного Прикаспия.....	75
Лиджеева К.Ф. Развитие школьного образования в СССР с середины 1960-х до конца 1980-х годов (на материалах Калмыкии)	85
Лысенко Ю.М. Экспедиционная деятельность ученых - археологов в Дагестане в 60-е гг. XX в.....	91
Мамаев Р.Х., И.С.-Х. Дачаев Археологические фонды Национального музея Чеченской Республики (работа по восстановлению коллекций)	97

Манаев М.А.	
Из истории культурного строительства в Чечне в 20-30-е годы XX в.....	101
Матагова Х.А.	
М.Х. Багаев - педагог, учитель и наставник: 75 - летнему юбилею Мусы Хароновича посвящается.....	104
К.З. Махмудова	
Европейские и отечественные авторы XVIII - XIX вв. о религиозных верованиях вайнахов.....	106
Нарожный Е.И.	
«Забывтый мавзолей» (Чечня) и его возможные атрибуции.....	110
С.А. Натиев	
К вопросу о сословии языческих жрецов по данным этнонимике чеченцев.....	119
Олчанова Ц.В.	
Национальная интеллигенция юга России в кон. XIX - нач. XX века: основные проблемы изучения (на материалах Калмыкии)	123
Осмаев А.Д.	
Село Старые Атаги в исторических источниках первой половины XIX в.....	127
Очиров У.Б.	
6-я гвардейская танковая бригада в боях на территории Калмыкии в 1942 г.....	147
Суздальцева И.А.	
О влиянии железнодорожного строительства на развитие Русского переселенческого движения в Дагестан на рубеже XIX - XX вв.....	150
Тахушева И.С.	
Публикации по археологии юга России на страницах «отечественных записок» (1818 - 1845 гг.)	153
Хасбулатова З.И.	
Обрядовая функция одежды в обряде с «ряженым» в традиционном народном календаре чеченцев в XIX - XX вв.....	158
Цуциев А.А.	
Новые находки из Даргавского катакомбного могильника (христианский крест и его аналогии)	159
Цуцулаева С.С.	
Проблемы восстановления национальных автономий репрессированных народов.....	164
Шавлохова Е.С.	
Процесс формирования централизованного управления на Северном Кавказе в начале XX в.....	168
Шереужев А.Ж.	
Теоретические аспекты изучения традиционного кабардинского общества с позиции «тотальной истории»	172

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 93/94

**ВЕХИ СЛАВНОГО ПУТИ
(К 75 - ЛЕТИЮ МУСЫ ХАРОНОВИЧА БАГАЕВА)**

**VEHICLES OF THE NICE WAY
(TO THE 75TH ANNIVERSARY OF MUSIC HARONOVICH BAGAYEV)**

В.И. Козенкова,

д. и. н., ведущий научный сотрудник

Отдела скифо - сарматской археологии Института археологии РАН

V.I. Kozenkova,

doctor of historical Sciences, leading researcher

Department of Scythian - Sarmatian archaeology Institute of archaeology Academy of Sciences

С Мусой Багаевым меня связывает более чем 50-летнее научное творческое сотрудничество и искренняя дружба. Наше первое знакомство состоялось в 1963 году, когда для участия в раскопках ныне знаменитого в европейском масштабе археологического памятника - древнего поселения кобанской культуры эпохи бронзы - раннего железа у аула Сержень-юрт Шалинского района прибыла группа студентов из Грозного. На первый взгляд этот худощавый стройный паренёк ничем не выделялся среди голосистых, весёлых и задиристых молодых людей. И только в процессе работы обнаружился его особенный, по сравнению с другими, интерес к тому, что выходило из-под лопаты землекопов. Это позволило довериться ему, кроме лопаты, тонкую расчистку выявленных объектов. И, тем не менее, даже близко не приходило в голову, что перед нами будущий известный кавказовед, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Чеченской республики, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, академик Российской академии естественных наук, кавалер ордена «Знак Почёта» Президиума Верховного Совета СССР.

Как и у большинства чеченцев на долю ровесников Мусы Хароновича выпала суровая судьба. У него же она особо трагичная. Он родился в военное время, 11 сентября 1941 года, когда отец уже был на фронте Великой Отечественной войны. Когда малолетнему Мусе было чуть больше года он лишился матери. Молодая женщина 24 лет умерла от инфаркта в декабре 1942 года. С отцом, ушедшим на войну в июне 1941 года, Муса впервые встретился только в 1946 году в Казахстане. Там юбиляр проживал с дедом, бабушкой и дядей вместе с другими чеченцами, высланных в 1944 году из родных мест. Кавказ Муса Харонович увидел впервые только после окончания школы десятилетки поселка Лубзавод Джамбульской области. Здесь проходило его детство и взросление. Здесь он совмещал учёбу с подработкой на конном заводе при основном предприятии поселка, специализировавшемся на производстве пеньки. Там же сформировались его основные природные и приобретённые черты характера: ум, доброта, исключительная порядочность, верность слову, верность дружбе, энергичность и работоспособность, творческое отношение к выбранному главному делу жизни. Ещё учась в школе, Муса находил время посещать неплохую поселковую библиотеку, любил книги с историческими сюжетами, но о существовании такой науки как археология, тем более о такой профессии, просто не знал.

Судьбоносный этап жизни юбиляра наступил с поступлением в 1960 году на историко - филологический факультет Чечено - Ингушского государственного педагогического института (ныне Чеченский государственный университет), который и окончил в 1964 году. Особый интерес к археологии проявился уже на первом курсе во время студенческой практики в полевых условиях работы Северо - Кавказской археолого-этнографической экспедиции (СКАЭ) Института археологии АН СССР. Начальником экспедиции был известный

кавказовед, доктор исторических наук Евгений Игнатьевич Крупнов. Целью экспедиции было не только широкомасштабная разведка и раскопки на всей территории Северного Кавказа, но и подбор и воспитание молодых перспективных научных кадров для Чечено - Ингушетии, автономия которой была восстановлена в 1957 году.

Разглядев в энергичном и любознательном студенте будущего археолога, Евгений Игнатьевич порекомендовал начальнику Горного отряда СКАЭ Владимиру Ивановичу Марковину включить его в работу отряда. Выбор его оказался точен. Муса, или как ласково звал его Владимир Иванович, Муссович, просто «заболел» археологией. За все полевые сезоны (исключая армейскую службу в Черноморском флоте) М.Х. Багаев успел поработать во всех отрядах экспедиции, постоянно учился, постигая полевые навыки раскопок самых разновременных памятников нашей трудоёмкой науки, много читал. Но главное был решен основной вопрос его специальности на всю жизнь. Он станет и стал археологом.

В работе Предгорного отряда СКАЭ, которым я руководила, Муса обязательно проводил часть полевого сезона. Он, можно сказать, был постоянным членом, как всегда весьма разного по возрастному составу коллектива, и моим незаменимым помощником. Его легкий в общении с разными людьми характер сплачивал участников отряда, создавая в экспедиционном коллективе дружественную, весёлую и в то же время нацеленную на работу атмосферу. Более надёжного, ответственного, приспособленного ко всяческим неожиданностям в горах человека, невозможно представить. Особенно мне запомнилась разведка 1975 года в высокогорья Аргунского ущелья по следам экспедиции кавказоведа конца XIX века В.И. Долбежева. В 1882 году он обнаружил древний могильник в окрестности аула Шарой. Вещи из могил, добытые В.И. Долбежевым, в основном женские бронзовые украшения, свидетельствовали о том, что могильник относился к периоду расцвета кобанской культуры. Целью нашей поездки было найти этот важный памятник.

После долгого и трудного подъема, до места мы добрались в полной темноте. Наверху ледяной холод, кромешная тьма, ни огонька, ни деревца. Только яркие звезды на небе. Помнится, как поразительно быстро Муса Харонович помог организовать привал и подбодрить весёлыми шутками унылых и уставших от подъема молодых участников похода. Эту жизнестойкость характера М.Х. Багаев сохраняет и поныне. На неё не повлияли даже самые драматические события его жизни. Особенно «роковые девяностые» в Чечне.

После окончания ВУЗа М.Х. Багаев в 1964 году становится сотрудником Отдела археологии и этнографии Чечено - Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Много времени уделяет экспедиционной работе, пополняет свой научный багаж. В 1967-1970 гг. он - аспирант очной аспирантуры при Институте археологии АН СССР в Москве. Его руководителем стал Е.И. Крупнов. При его почти отеческом внимании и требовательности Муса успешно и в срок закончил аспирантуру по теме средневековых древностей. Годы, проведённые в Москве, одни из самых плодотворных в наращивании квалификационного научного опыта. В это время, как вспоминает Муса Харонович, Институт археологии стал для него вторым родным домом. Здесь, благодаря своим доброте, отзывчивости и весёлому нраву, он приобрел много друзей, помогавших его профессиональному росту. На долгие годы таким другом оставался для него доктор исторических наук В.И. Марковин. Большим ударом для М.Х. Багаева стала безвременная кончина Евгения Игнатьевича Крупнова, бывшего не только его учителем в науке, но и по жизни. Тем не менее, в 1971 году он достойно завершил учёбу в аспирантуре защитой диссертации на звание кандидата исторических наук по теме «Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии (V-XII вв.)».

С 1971 года по настоящее время М.Х. Багаев - один из лучших преподавателей исторического факультета Чеченского (ранее Чечено-Ингушского) государственного университета, где успешно совмещает преподавательскую работу с научной деятельностью. За отличную подготовку молодых кадров в 1986 году был награжден Орденом «Знак Почёта» Президиума Верховного Совета СССР. И уже в новой России в 2008 году он был удостоен диплома лауреата премии в номинации «Образование 2008» Общественной организации

«Интеллектуальный центр Чеченской республики» с вручением ему мудрого символа «Серебряная сова».

В самое трудное время - трагические военные годы М.Х. Багаев оставался верен своей alma mater. В 1994 и последующие годы, потеряв дом, лишившись собранных за многие годы книг научной библиотеки и архива археологических рукописных источников, он остался в Грозном и не впал в отчаяние. В 1997 году его на конкурсной основе избирают деканом исторического факультета ЧГУ, и параллельно с налаживанием учебного процесса М.Х. Багаев был вынужден добывать строительные материалы для устранения в стенах здания университета пробоин, нанесенных ракетами.

В настоящем Муса Багаев - высококлассный специалист широкого профиля, глубокий знаток древней и средневековой археологии, истории, мифологии, этнографии и культурологии не только Северо-Восточного Кавказа и Дагестана, но и всего Кавказа. Студенты и аспиранты истфака с восторгом слушают его лекции по «Истории Древнего мира (Восток, Греция и Рим)»; «Политические институты в древнем мире»; «Социальный конфликт в древнем мире»; «Сравнительная история мировых цивилизаций»; «Археология Кавказа» и др.

Начало его археологической деятельности положили первые самостоятельные разведки и раскопки в 1966 и последующие годы в разных районах Чечено-Ингушетии. Работы СКАЭ пополнились открытыми и исследованными Мусой Хароновичем памятниками, относящимися ко II тысячелетию до н.э. - II тысячелетию н.э. Это уникальное поселение Саади-Котар эпохи бронзы, в слое которого оказалась великолепная глиняная антропоморфная пластика. Это высокогорный средневековый могильник у сел. Дай, в одном из погребений которого оказалась уникальная мужская бронзовая пряжка от ремня. На пряжке изображена гравировкой сакральная сцена: танцующий мужчина в обрамлении солярных свастических символов.

А ещё были исследования археологических разновременных памятников в районе Майртуп, Элистанжи, Бетти-Мохк, Алхазурово, Харачой, Галайты и многих других. Наиболее значимы по своей новизне поселение и могильник близ упомянутых выше сел. Саади-Котар, элементы материальной культуры которых напоминают куро-аракскую культуру, а также могильник Галайты-2 с его антропоморфными стелами VI века до н.э., изображавшими скифских воинов. Стелы были повторно использованы для сооружения более поздних каменных гробниц сарматского периода. Все эти материалы позволили раскрыть многие страницы древней и средневековой истории горцев Северо-Восточной части Кавказа.

Полевые и источниковедческие поиски М.Х. Багаева легли в основу более 170 опубликованных им научных работ, в том числе и монографического характера. Но особое внимание в большинстве работ уделено проблемам взаимоотношений коренного горского населения региона с миром кочевников разных хронологических периодов, обитавших в предгорной зоне. Этому аспекту посвящена целая серия статей юбиляра. Главные из них: «Праваянахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа (Махачкала, 1988), «К истории взаимоотношений номадов и аборигенов Северо-Восточного Кавказа» (М., 2003), «Место ландшафта в истории автохтонов и номадов (М., 2004), «У истоков русско-чеченских добрососедских взаимоотношений» (Назрань, 2008) и другие. Важное в перечисленных работах - полученное на основе источников доказательство существования в сознании местных горцев единства бытового уклада гор и прилегающей к ним равнины как зоны их обитания по крайней мере с IV тысячелетия до н.э. Причем материальная культура населения развивалась в горах и на равнине как единое целое, несмотря на деструктивную роль инокультурных включений, будь то ранние кочевники I тысячелетия до н.э. или все разрушающие на своём пути татаро-монгольские орды и войска Тамерлана.

М.Х. Багаев - соавтор около десятка коллективных монографий по Северному Кавказу, таких как «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (Т. 1. М., 1988), «Происхождение вайнахского народа» (Махачкала, 1996), «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (Т. I. Грозный, 2006), «Русская и советская историография

древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев» (М., 2002; 2006) и других, вышедших в 1991, 1994, 2004 гг. Востребованными оказались и книги просветительского характера, опубликованные в эти же годы: «Тайна имен» (Грозный, 1994), «Мифы народов Кавказа» (Махачкала, 1996), «Источники исторического краеведения Чечни» (Грозный, 2006).

Знаменательной вехой в судьбе М.Х. Багаева было решение работать над подготовкой и написанием диссертации на степень доктора исторических наук. Я не ошиблась, именно, подготовкой, поскольку прежде предстояла колоссальная работа по восстановлению сгоревших материалов личного археологического архива. В 2001 году он временно оставил должность декана и в качестве стажера (докторанта), в возрасте 60 лет (!), направился в Москву в Институт археологии Российской академии наук. Благодаря помощи дирекции и лично директора института члена-корреспондента РАН Мунчаева Р.М. юбилюру удалось восстановить научный архив для работы. Поскольку для разработки был привлечен широкий круг материалов от сарматского периода до средневековья, Муса Харонович был прикреплен тематически к Отделу скифо-сарматской археологии. Консультантом научной темы диссертации «Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. - XII в. н.э.)» была назначена известный специалист по сарматской эпохе Северного Кавказа, доктор исторических наук Мая Павловна Абрамова, а после её безвременной кончины в 2004 году - кураторство перешло ко мне. В тот последний год перед защитой, в период окончательной отделки текста, охватывающего более 15 веков истории, меня поражала удивительная трудоспособность диссертанта, с какой тщательностью многократно переписывался от руки, отделялся каждый фрагмент работы. В 2005 году Муса Харонович с блеском защитил докторскую диссертацию на Учёном совете Института археологии РАН. Высокое качество проделанной работы позволило ему в краткий срок получить грант и опубликовать в издательстве «Наука» фундаментальную монографию «Культура горной Чечни и Дагестана» (М., 2008). Наиболее значимый итог этой книги - доказанная, в результате систематики огромного числа артефактов, глубокая связь, имеющаяся в материальной культуре, особенно горной зоны, двух соседних областей Северо-Восточного Кавказа Чечни и Дагестана, издревле населенных близкими по многим параметрам происхождения и жизни коренными этническими группами. Реконструкция древней и средневековой истории на основе археологических источников в свете современного подхода, яркая их ретроспекция на протяжении полутора тысяч лет - важная сторона этого полезного для широкого круга любителей труда.

После сложения административных должностей декана и заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков ЧГУ М.Х. Багаев полностью посвятил себя преподавательской деятельности и любимой науке. Он профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, член диссертационного Совета университета по защите кандидатских и докторских диссертаций своего профиля. Юбиляр по-прежнему полон творческой энергии. За последние годы опубликованы две монографии просветительского характера: «Страницы древней истории Чечни» (Грозный, 2012) и «Древняя и средневековая Чечня в исследованиях археологов-кавказоведов. Хрестоматия» (Грозный, 2012). Три рукописи учебных пособий подготовлены к печати. А еще руководство тремя аспирантами и многолетнее (с 2006 г.) руководство Постоянным оргкомитетом по проведению Международной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения». Её последние XXIX чтения на высоком уровне проведены в Грозном весной 2016 года. В Институте гуманитарных исследований при Академии наук ЧР при активном участии М.Х. Багаева завершается работа над публикацией 1-го тома 4-х томной истории Чечни.

Оберегая молодое население родного края от фальсификаторов и мифотворцев истории вайнахов, особенно от опасных идей ваххабизма и этноцентризма, ученый ведет принципиальную публицистическую борьбу в СМИ. Популярны его выступления на ГТРК «Вайнах» и «Грозный». Его нередко можно видеть при проведении «круглых столов» и «ток-шоу» по важнейшим проблемам жизни республики.

От имени всех друзей и коллег желаю Мусе Хароновичу Багаеву крепкого здоровья, долгой работоспособности, творческого долголетия. Как когда-то в старинной чеченской песне желали настоящему джигиту, так и мы пожелаем:

«Пусть белеет твой башлык в потьмах,
Пусть его концы трепещут длинные,
Пусть полощутся на всех ветрах
Полы бурки, как крыла орлиные».

УДК 94(470.66)

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКО - КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(XVI–XVIII вв.)**

**PAGES OF HISTORY OF THE RUSSIAN-CAUCASIAN RELATIONS
(XVI–XVIII centuries)**

Ш.А. Гапуров,

*д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

Sh.A. Gapurov,

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department
of Modern and Contemporary History FGBOU VO "Chechen State University"*

В.Х. Магомаев,

*д. и. н., профессор, декан исторического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

*V.H. Magomaev, etc. and. Professor, Dean of the Faculty of History
FGBOU VO "Chechen State University"*

Ф.В. Магомаева,

*н.с., Академия наук Чеченской Республики
n.s, Academy of Sciences of the Chechen Republic*

В статье рассматривается политика России на Кавказе в XVI-XVIII вв. Отмечается, что в зависимости от конкретной политической обстановки в кавказской политике преобладали разные формы и методы: политико - дипломатические, торгово - экономические и военные. В статье показано, что с середины XVI в. в борьбу за северокавказский регион наряду с Османской империей и Сефевидским Ираном, включается и царская Россия.

Военные экспедиции России на Северный Кавказ в XVI - начале XVII в. не принесли практически ощутимых результатов, царизму в тот период не удалось сделать сколько-нибудь серьезных территориальных приобретений. Царизму стало ясно, что для укрепления его позиций на Кавказе необходимо длительное время, и самое важное, необходимы другие политические и экономические методы. Именно эти методы стали преобладающими в кавказской политике России вплоть до середины XVIII в.

Ключевые слова: *Кавказ, Петр I, Османская империя, Сефевидский Иран, северокавказские горцы.*

The article considers Russia's policy in the Caucasus in the 16th and 18th centuries. It is noted that depending on the specific political situation, different forms and methods were prevalent in the Caucasian policy: political and diplomatic, trade and economic, military. The article shows that from the middle of the 16th century, along with the Ottoman Empire and Safavid Iran, tsarist Russia joined the struggle for the North Caucasus region.

Russian military expeditions to the North Caucasus in the 16th and early 17th centuries did not bring tangible results. Tsarism did not manage to make any considerable territorial acquisitions at that time. It became clear to tsarism that it took a long time to strengthen its positions in the Caucasus, and most importantly, other political and economic methods were needed. It was these methods that became predominant in the Caucasian policy of Russia until the middle of the 18th century.

Key words: *Caucasus, Peter I, Ottoman Empire, Safavid Iran, North Caucasian highlanders.*

Со времени образования Российского централизованного государства его правители постоянно вели захватническую политику на западных, восточных и южных границах. «Россия всегда жила завоеваниями, присоединяя себе новые земли, - отмечал Ю. Афанасьев. - В истории России не было даже относительно продолжительного периода без войн. Завоевывали или обороняли. И никогда не думали о том, как лучше обустроить эти территории, а только как их больше захватить» [1, с. 49]. Относительное быстрое завоевание Казанского и Астраханского ханств создало у московских царей впечатление, что в результате военных походов за короткое время удастся присоединить к России и территории Северного Кавказа. Результатом явились походы И. Черемисинова (1560), Хворостинина (1594), графа Засекина (1596), Бутурлина Плещеева (1604). Однако все эти экспедиции кончились безрезультатно для царизма. Покорение северокавказских земель оказалось для России чрезвычайно сложным и длительным. Такого сопротивления, какое оказали российским войскам горцы, московским правителям еще не приходилось встречать при подчинении других территорий.

Россия на Кавказе в XVI - XVIII вв. стремилась к расширению империи путем присоединения части его территории. Впервые задачу экономического освоения кавказских земель, использования их для извлечения торгово-экономической прибыли поставил лишь Петр I. Но и он главной целью своего Персидского похода в 1722 г. считал захват Каспийского побережья для того, чтобы не допустить его перехода под турецкое господство в связи с распадом Сефевидской державы. Однако после смерти Петра I при его преемниках, в XVIII в., экономические задачи в кавказской политике России, не успев претвориться в жизнь, отошли на второй план. Реальные выгоды от колониальной политики царизма на Северном Кавказе со второй половины XVIII в. получала лишь земельная аристократия России, дворянство. По мнению Ф.П. Тройно, в тот период, «проводя политику, колониальную по своей сущности, царизм исходил из военно - стратегических соображений» [2, с. 84].

Многовековая политика России на Северном Кавказе может быть разделена хронологически на следующие четыре периода: 1) вторая половина XVI - конец XVII в., когда происходит закладка ее основ, намечаются стратегические цели, путем «проб и ошибок» идет поиск оптимальных форм и методов установления российского влияния в крае, форм взаимоотношения с местными народами, Россия закрепляется на дальних кавказских рубежах; 2) XVIII в. - переходный период в кавказской политике России, когда она явственно начинает одерживать верх в борьбе с Турцией и Ираном за Северный Кавказ, а в отношениях с горцами происходит постепенный переход от «политики ласканий» к политике силового давления. 3) Первая четверть XIX в., когда царское правительство начинает устанавливать (с перерывом на войны с Францией) свое реальное господство на Северном Кавказе предельно жесткими, военно-силовыми методами, что явилось основной причиной Большой Кавказской войны в 30-50-е годы XIX в. И наконец, четвертый период, конец 1820 -х - 1864 г., вояремя российско - горской войны, закончившийся окончательным присоединением Северного Кавказа, полным установлением здесь российского господства и власти.

Методы и формы политики России на Северном Кавказе с XVI в. были разнообразными: политико - дипломатические, торгово - экономические и военные. Ю.Д. Анчабадзе подчеркивал, что российские политики, преследуя на Кавказе собственные политические цели, были достаточно гибкими для их достижения [3, с. 412]. В зависимости от конкретной политической обстановки в кавказской политике превалировали разные формы и

методы. В основу предложенной нами периодизации российско-кавказских взаимоотношений и положено преимущественное использование тех или иных форм и методов, целей и результатов этой политики. Хотя основная, долговременная цель у царизма в крае и была одна - полное его покорение. В тоже время Петербург, в разные исторические периоды, в зависимости от соотношения сил борющихся сторон - России, Ирана, Турции и горцев, - ставил более кратковременные задачи. Соответственно были и временные результаты.

В начале XVI в. разворачивается борьба между молодыми державами Среднего Востока - Османской империей и Сефевидским Ираном, находящиеся в зените своего военного могущества. С середины XVI в. в борьбу за северокавказский регион включается и царская Россия. Иран и Турция в рассматриваемое время были, несомненно, сильнее России в военном отношении, численно их армии намного превосходили российскую.

Россию того времени нельзя назвать сильной военной державой, к тому же ее регулярная армия была постоянно занята на западных и восточных границах. Царизм, в отличие от Ирана и Турции, не имел возможности направлять на Северный Кавказ крупные вооруженные силы. Россия больше использовала здесь местных казаков и прочих служилых людей, а также стремилась установить военно-политический союз с горскими феодальными владетелями и старшинами, чтобы использовать их военные силы в борьбе со своими противниками в регионе. В свою очередь адыгские (особенно кабардинские) и дагестанские феодалы, жестоко страдавшие с начала XVI в. от постоянных нашествий крымских татар, иранских и турецких войск, надеялись на помощь России в борьбе за независимость, а также в междоусобной борьбе. Однако, ни тогда, ни позже царизм не относился к горским феодалам как к равным политическим союзникам. С точки зрения Петербурга, с горцами можно было вести какие - либо переговоры и заключать политические соглашения на таких условиях и на такое время, на каких это нужно было России. Царизму, взявшему курс на полное покорение Северного Кавказа, здесь нужны были послушные исполнители его воли, а не союзники. «Уже первые действия царских отрядов на Северном Кавказе показали, - пишет Я.З. Ахмадов, - что московское правительство в своей политике в данном регионе не предусматривает защиту политической самостоятельности местных владений» [4, с. 29]. Особым постоянством своей внешнеполитической ориентации не отличалось и большинство северокавказских феодалов. Так, уже в 1563 г. черкесские князья Пятигорья «совсем отложились от Московского государства, воевали с царскими войсками и, наоборот дружили с Крымом и неприязненными нам ногайцами. Сибок и Канук обращались за помощью к Крымскому хану» [5, с. 22].

Военные экспедиции России на Северном Кавказе в XVI - начале XVII в. не принесли практически ощутимых результатов, царизму в тот период не удалось сделать сколько-нибудь серьезных территориальных приобретений. К тому же с начала XVII в. и затем уже на протяжении всего этого столетия основное внимание царского правительства было направлено на отражение с Запада и решение собственных внутривосточных проблем. Крупных военных мероприятий на Северном Кавказе Россия в XVII в. уже больше не предпринимала. Все это вместе взятое показало Петербургу, что для укрепления его позиций на Кавказе необходимо длительное время, и самое важное, необходимы другие политические и экономические методы. И действительно, именно эти методы стали преобладающими в кавказской политике России вплоть до середины XVIII в.

Политические отношения между Россией и горскими владельцами закреплялись подписанием различных соглашений о верности и подданстве горцев России. Как известно, первыми акт о вступлении в российское подданство подписали кабардинские феодалы. Они же в 1588 г. в условиях резко возросшей турецкой угрозы Кабарде заключили с Москвой соглашение, ставшее «образцом для последующих договорных грамот, заключаемых Москвой с северокавказскими феодалами» [6, с. 44]. В 1588 г. в Москве побывало и вайнахское посольство во главе с Батаем, которое просило Москву о подданстве и покровительстве. Ходатайство было удовлетворено, и под власть Московского государства отошла очень важная в плане дальнейшего продвижения на Северный Кавказ и в Закавказье территория окоцкой (т.е. чеченской - Г.Ш., М.В.) земли» [7, с. 15]. К концу XVI в. под покровительством

России признавалась территория равнинной и юго-восточной Чечни, а также имевший важное торгово - экономическое и военно-стратегическое значение район Ингушетии - Дарьял и Ларсов кабак [7, с. 17].

Политико - дипломатическая деятельность России в отношениях с горцами в XVI - XVII вв. принесла ей определенные успехи. Во второй половине XVI в. соглашения о вступлении в Российское подданство подписали ряд адыгских, дагестанских и вайнахских владетелей, в XVII в. обмен посольствами между горскими феодалами и Москвой принял почти регулярный характер. В результате российское влияние на Северном Кавказе значительно усилилось, хотя российско-сеveroкавказские соглашения о подданстве горцев России часто носили формальный характер. Обращавшиеся к России горские владетели, старейшины вовсе не были намерены полностью утратить свою независимость, тогда как царское правительство было заинтересовано в полном их подчинении [8, с. 55]. Почти все горские владетели воспринимали свои отношения с Россией как союзнические. Действительно, во второй половине XVI - XVIII вв. между горскими владельцами, обществами и Россией сложилась традиционная форма политических взаимоотношений, когда заключались договоры о вступлении северокавказцев в российское подданство и покровительство. Горцы понимали эти взаимоотношения как политический союз, направленный против общих врагов, в не акт их превращения в подданных России [9, с. 20]. В борьбе с Турцией, Ираном и Крымом Россия нуждалась в военной помощи или хотя бы в нейтралитете северокавказских горцев и потому до последней трети XVIII в. стремилась придерживаться осторожной политики в регионе. В тоже время кавказская администрация не всегда считалась с тем, как понимает горская сторона, подписанный с нею договор о подданстве и тогда взаимоотношения сторон осложнялись, возникала конфликтная ситуация, натянутость в отношениях с горскими правителями, порой доходившая до разрыва [10, с. 179].

И все же российско - северокавказские соглашения о подданстве горцев, при всей их непрочности, подготавливали постепенно политическую почву для будущего установления власти России на Кавказе, укрепляли здесь ее позиции. Эти соглашения позволяли горским посольствам решать дипломатическим путем многие свои проблемы и зачастую находили понимание в российской столице вплоть до середины XVIII в.

Таким образом, во второй половине XVI - XVII в. идет поиск и испытание путей, форм и методов политики России на Кавказе. Наиболее успешными и преобладающими в этот период оказались мирные, политико-экономические методы. В целом же результатом российской политики в регионе к концу XVII в. было то, что царизм закрепился в нижнем течении реки Терека, помешал полному осуществлению захватнических планов Турции и Ирана на Северном Кавказе.

Второй этап кавказской политики России - качественно новая страница в истории внешней политики России. Это время крупных ее успехов, роста международного значения России. Начало XVIII в. совпало с началом царствования Петра I - великого реформатора, поставившего своей целью превращение страны в сильную державу. Петр I был первым из московских царей, кто по-настоящему и по достоинству оценил не только стратегическое, но и экономическое значение Кавказа в деле создания Российской империи. Именно с Петра I Россия в борьбе за Северный Кавказ стала решительно ввязываться в крупные военные конфликты с Турцией, Ираном и горцами, чего она опасалась делать в предыдущий период. Активизации кавказской политики России в XVIII в. способствовал не только рост ее военного и экономического могущества, но и то, что с конца XVII в. Османская империя и Сефевидский Иран вступили в длительную полосу экономического и политического кризиса, ослабла их военная мощь.

С целью ознакомления с военно-политической обстановкой на Северном Кавказе в 1711 г. Петр I направляет сюда своего советника по кавказским делам, князя Бековича-Черкасского. Затем в 1715 г. ближайшего сподвижника царя Артемия Волынского. Изучив обстановку в крае, Артемий Волынский приходит к выводу, что России следует незамедлительно воспользоваться ослаблением Ирана и военным путем установить свое

господство на Северном Кавказе. Во взаимоотношениях с горцами он «указывал на оружие как единственное средство держать их в страхе и подчинении русским интересам» [11, с. 371]. Таким образом, ближайшие советники Петра I, а затем и сам он приходят к выводу, что в покорении Северного Кавказа военные методы являются в данных условиях наиболее действенными.

Готовясь к активным действиям на Северном Кавказе, Петр I решил продемонстрировать военную силу и решимость России любой ценой утвердиться в этом регионе. Первыми в крае жестокость царских карательных экспедиций испытали на себе чеченцы. По личному указанию царя в 1718 г. отряды донских казаков предприняли экспедицию в Чечню, где огнем и мячом прошли по селениям на Сунже и Аргуне. Через три года. В 1721 г. состоялись еще два похода российских войск в Чечню: в июле под командованием бригадира Ветерани и в августе - под начальством поручика Н. Кудрявцева. Был уничтожен целый ряд чеченских аулов, горцы понесли большие людские потери. В 1722 г. состоялась еще одна экспедиция донских казаков против сунженских и аргунских чеченцев [12, с. 21-23]. До этого народы Северного Кавказа не подвергались еще таким опустошительным карательным походам царских войск. Тем более, что разоренные в 1718 - 1722 гг. чеченские селения не находились в договорных отношениях с Россией и поэтому эти походы нельзя рассматривать как наказание за их нарушение даже формально.

Однако, усиливая в Кавказской политике России использование военных методов, Петр I не отказывался полностью и от политических средств. Еще в мае 1714 г. в именном указе Сенату он предписал своим советникам продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей стороне удержать владетелей Северного Кавказа» [13, с. 164]. Выполнение этой задачи было поручено Артемию Волинскому, назначенному Астраханским губернатором. По указанию царя он в 1719 - 1721 гг. вел переговоры с горскими владельцами, результатом которых явилось подписанием большинством дагестанских владельцев соглашений об их вступлении в подданство России [15 с. 27-45]. Попытки нескольких дагестанских феодалов оказать сопротивление (у Эндери, Утамышы, каракайтагских аулов) были жестоко подавлены российскими солдатами, и по приказу Петра I было начато строительство крепости Святого Креста и ряда других укрепленных пунктов, чтобы закрепить российское господство на Северо - Восточном Кавказе «всерьез и надолго».

Кавказский поход Петра I принес России серьезные успехи в овладении Кавказом. В результате Россия подчинила значительную часть Дагестана и закрепила на каспийском побережье; не менее важным был факт фиксации в международном акте - русско - турецком (Стамбульском) договоре 1724 г. - приобретения и утверждения российского влияния на Северо-Восточном Кавказе. С Персидского похода Петра I и последовавших за ним русско-иранских и русско - турецких дипломатических актов кавказский вопрос стал важнейшей составной частью международных отношений вплоть до завершения процесса полного присоединения Кавказа к России.

Литература:

1. Аргументы и факты. 1997. № 49.
2. Тройно Ф.П. Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война. Уроки истории и современность. Материалы научной конференции. 16 - 18 мая 1994. Краснодар, 1994.
3. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н. Кушева и русское кавказоведение XX столетия // Русско - чеченские отношения. Вторая половина XVI - XVII в. М., 1997.
4. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI - XVII вв. Грозный, 1988.
5. Потто В.А. Два века терского казачества. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991.
6. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI - XVII вв. Грозный, 1988.
7. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено - Ингушетии с Россией в конце XVI - первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено - Ингушетии с Россией и народами Кавказа XVI - начале XVII вв. Грозный, 1981.
8. Там же. С. 17.

9. Новосельцев А.П. Правдиво отображать историю взаимоотношений народов нашей страны // Вопросы истории. 1989. № 5.
10. Ходорковский М. В королевстве кривых зеркал (основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
11. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1963. Т. 17, 18.
13. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. В 6 ч. СПб., 1869. Ч. 2
14. История Кабардино - Балкарской АССР. Т.1.
15. Русско-дагестанские отношения в XVI - начале XIX в. М., 1988. С. 27-45.

УДК 902.6

**У ИСТОКОВ СОВЕТСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
(К 80-ЛЕТИЮ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)**

**IN THE ORIGINS OF SOVIET ARCHAEOLOGICAL CAUCASIAN
(TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE NORTH-CAUCASIAN
ARCHAEOLOGICAL EXPEDITIONS)**

М.Х. Багаев

*д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

M.H. Bagaev

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ancient and Middle Ages History
FGBOU VO "Chechen State University"*

Статья посвящена истории советского археологического кавказоведения. Северокавказские археологические экспедиции внесли большой вклад в изучении истории народов Кавказа.

Ключевые слова: *Археологические экспедиции, кавказоведение, археологические отчеты, археологические источники.*

The article is devoted to the history of Soviet archaeological excavations. North Caucasian archaeological expeditions made a great contribution to the study of the history of the peoples of the Caucasus.

Key words: *Archaeological expeditions, Caucasian studies, archaeological reports, archaeological sources.*

Тема моего выступления вовсе не говорит о том, что до 1917 года Кавказом никто не занимался. Наоборот, со времени завоевания Кавказа и присоединения его к себе, Россия уделяла пристальное внимание широкомасштабным изучением истории и культуры народов, включенных в состав Российской империи, особенно народов, проживавших на Севере, Сибири, Средней Азии и Кавказе. Для этого была организована, т. н., «физическая экспедиция» в 1768–1774 гг. В ее составе было 5 отрядов (3 Оренбургские экспедиции и 2 Астраханские) под руководством П. Палласа, Н. П. Рычкова, С. Гмелина, И. Гильденштедта и И. Фалька, которого позже сменил И.-Г. Георги. Экспедиция охватила в исследовании территорию от Закавказья до Белого моря и от Москвы до Забайкальских степей [1, с. 10].

По словам петербургских ученых Т.К. Шафрановской и Ю.Ю. Карпова, первоначально предполагалось обследование Кавказа в пределах Астраханской губернии, что и было поручено И.А. Гильденштедту. Однако, по предложению академика С.Г. Гмелина, программа

исследований была расширена: С.Г. Гмелин отправился обследовать побережье Каспийского моря, И.А. Гильденштедт - Северный Кавказ и Грузию. Поездки последнего по региону открыли новый этап в истории российского кавказоведения [2., с. 14]. До осени 1771 г. экспедиция посетила районы, заселенные терскими казаками, кумыками, чеченцами, ингушами, побывала в Малой Кабарде и Осетии. В сентябре 1771 г. И.А. Гильденштедт прибыл в Грузию [2, с. 15]. Кстати будет сказано, что материалами Гильденштедта и Палласа, очевидно, воспользовался знаменитый Иоганн - Готлиб Георги, который на Кавказе не бывал, но в своем оригинальном труде [3] оставил замечательные описания многих народов Кавказа [3, с. 17 и сл.], в том числе и нахских [3, с. 174-175].

Кроме того, два раза (1793 и 1794 гг.) Северный Кавказ посетил академик П.С. Паллас. Он составил подробное этнографическое описание горцев Северного Кавказа. А в самом начале XIX в. на Кавказе в течение двух лет, работала экспедиция академика Г.Ю. Клапрота. Ученый оставил ценные сведения о быте горцев Северного Кавказа и, в первую очередь, осетин и ингушей [5, с. 25].

Да, эти экспедиции не проводили археологических исследований, но после них начался бурный процесс собирания и накопления артефактов. Надо также учитывать специфику Петербургской академии, основанная волей императора Петра I. Уже в первые годы ее существования, в составе академии была создана Кунсткамера, ставшая в последствие родоначальником ряда академических музеев, в ее собрание поступали различные коллекции [3, с. 6] как этнографические, так и археологические. Вышеназванные экспедиции стимулировали на местах краеведческие и археологические изыскания. Наиболее значимые из них были проведены в конце 70 - начале 80-х годов XIX в. (V Археологический съезд в Тифлисе, раскопки В.В. Антоновича, В.Л. Беренштама, А.В. Комарова, А.А. Руссова, Штейна, Н.О. Цилоссани, К.Л. Бейера). В последующие годы, вплоть до Октябрьской революции, исследования восточных районов Северного Кавказа носили случайный, бессистемный характер (раскопки А.А. Бобринского, П.С. Уваровой, Ф.А. Афанасьева, А.Н. Грена, Г.А. Вертепова, В.Долбежева, Е.И. Козубского и других [6, с. 130; 5, с. 26-40]. К сожалению, как верно заметил Е. И. Крупнов, названными исследователями «не делалось даже попыток серьезно подойти к каким-либо историческим обобщениям или хотя бы к научной систематизации всего материала по эпохам и территориям» [5, с. 40]. Это сделают, причем с блеском, советские [7] и постсоветские, т.е. современные российские археологи с 1956 г. по настоящее время.

Таким образом, время, исчисляемое с XVIII века и до 1917 г. можно охарактеризовать как период накопления разновременных археологических, этнографических, фольклорных и других источников по древней и средневековой истории народов Кавказа [5, с. 40].

После установления в России советской власти, после окончания первой мировой и гражданской войн, советская власть развернула активные работы по изучению истории народов Северного Кавказа. Начиная с 20-го года во всех республиках Северного Кавказа были организованы этнографические экспедиции под общим руководством проф. Н.Ф. Яковлева [8]. В стране вайнахов работала экспедиция под руководством проф. Л.П. Семенова [9]. Их работа носила систематический и планомерный характер. В экспедиции Л.П. Семенова принимал участие и будущий выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов. Особенно плодотворной и результативной следует считать работу по обследованию горных районов Ингушетии. Проведенные здесь профессором Л.П. Семеновым и архитектором И.П. Щерблыкиным в 20-30-х годах работы по всестороннему изучению памятников (замков, жилых и боевых башен, святилищ, склепов и могильников X - XVII вв.) поставили районы горной Ингушетии на одно из первых мест, по степени их изученности, по сравнению с другими районами всего Северного Кавказа и Закавказья [10, с. 16-17].

Начиная с 1935 года, в исследовательскую работу по изучению археологии края включились и центральные учреждения (Москва, Ленинград). Инициатором этих начинаний явилась ГАИМК. В первой половине 30-х годов она, совместно с ГИМ, организует первую советскую археологическую экспедицию на Северный Кавказ. Сохранив

преемственность от начатых работ Л.П. Семеновым, экспедиция, под руководством Е.И. Крупнова продолжила и расширила объем исследований [10, с. 17].

Преемницей этой экспедиции во 2-й половине 30-х годов (1936) стала более крупная комплексная Северо - Кавказская экспедиция под руководством директора Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР) профессора М.И. Артамонова [11]. О серьезных намерениях Академии, в частности по изучению древних памятников Чечено - Ингушетии говорит нам и содержание письма ГАИМК от 10 мая 1936 г. под № 252 в Чечено - Ингушский научно-исследовательский институт языка, истории, литературы и искусства за подписью исполняющего обязанности Председателя Академии Ф.В. Кипарисова. В этом документе большое место уделено вопросу о малой изученности республики и в частности говорится: «Основным недостатком ранее производившихся изысканий является факт игнорирования наиболее важного источника исторического исследования, каким являются места древних поселений, которые не только не подверглись изучению, но для большинства районов области (республики) даже должным образом не зафиксированы и не выявлены, а небольшие раскопки, проведенные в конце XIX в. А.А. Бобринским, В.И. Долбежовым, А.С. Уваровым и Н.С. Семеновым в районе Ичкерии (Гудермесский, Ножай-юртовский и Веденский районы - М. Б.) не дают материала для выводов исторического характера. Ни один могильник систематически не изучался. Ни в одном случае могильник не увязан с одновременным ему поселением».

Таким образом, этот документ затрагивал актуальные вопросы археологического изучения края и являлся программным для экспедиции ГАИМК на 1936 и последующие годы.

Первостепенная заслуга этой экспедиции заключается в том, что ее отряды начали работать в горных районах Чечни и Дагестана, где впервые провели обширные археологические разведки, из которых наиболее результативными были по маршруту Грозный - Ца-Ведено - Ведено - Харачой - Макажой - Анди -Ботлих - Хунзах - Гуниб - Ходжал - Махи [12, с. 16], а также плодотворные работы в Ножай-юртовском районе Чечни [13, с. 102-108].

Основные же изыскания проводились в плоскостных и предгорных районах. Здесь были открыты могильники у селений Исти-Су (VI - IV вв. до н.э.), Алхан-Кала (III - VI вв. н.э.), Дуба - Юрт (VIII - IX вв. н.э.). В бассейнах среднего течения рек Терека и Сунжи было обнаружено и предварительно описано около двадцати поселений и городищ I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. В 1936 - 1939 годах А.П. Круглов и А.В. Мачинский провели основательные археологические разведки в Аргунском ущелье, где были зафиксированы средневековые памятники [14].

Таким образом, результатом предвоенных археологических работ было осязаемое квалифицированное наполнение и осмысление новых археологических источников по древнейшей прошлой истории края. Ежегодные экспедиции и разведки, публикация материалов и обобщающих статей выполнялись в те годы по предложению местного Чечено - Ингушского научно - исследовательского института истории, языка, литературы и искусства и в значительной степени финансировались им. Тем самым зарождалось тесное сотрудничество местных научно-исследовательских учреждений со столичными археологическими силами, сотрудничество, принесшее в дальнейшем блестящие результаты.

К сожалению, активная и результативная работа ленинградских археологов была прервана началом Великой Отечественной войны, на которой, при защите Ленинграда, в 1942 г. погиб Андрей Павлович Круглов, в возрасте 35 лет.

После окончания войны, в 1947 г. Северокавказская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР возобновила свою деятельность на Северном Кавказе. Руководителем был назначен Е. И. Крупнов, участник этой экспедиции со дня ее создания в 1936 г. К глубокому сожалению, к этому времени Чечено - Ингушская АССР была административно упразднена, а чеченцы и ингуши были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Тем не менее, выявление новых археологических памятников на территории, теперь уже Грозненской области, было продолжено, что объективно способствовало выявлению исторических корней вайнахов. Экспедиция собрала колоссальный материал, легший в основу многих

оригинальных статей по разным эпохам Северного Кавказа (Крупнов Е. И., Артамонова-Полтавцева О. И., Семенов Л. П., Нечаева, Милорадович). Однако, все они посвящены памятникам, обнаруженным, преимущественно, на равнинной части Чечни и Ингушетии. По-прежнему, в указанное время, совершенно не исследовались горные зоны края - подлинные заповедники ярких и самобытных памятников археологии и архитектуры, без изучения которых немислимо было воссоздание истории вайнахов.

В 1957 г. экспедиция Е. И. Крупнова была преобразована в более крупную объединенную северокавказскую археологическую экспедицию (СКАЭ). При этом основные работы СКАЭ были сосредоточены на территории Чечни, как наиболее слабо изученной в историко-археологическом отношении области Кавказа. В организации и финансировании СКАЭ приняли участие ИА АН СССР, Чечено-Ингушский краеведческий музей и вновь созданный НИИ истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР.

Е. И. Крупновым была намечена широкая, долговременная и комплексная программа археологических исследований в Чечне, прежде всего в ее предгорной и горной частях. В СКАЭ были привлечены, тогда молодые, а ныне всемирно известные археологи - Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В.А. Кузнецов, В. И. Козенкова, а также признанные к тому времени ученые как Н.Я. Мерперт и В.П. Любин. Они возглавили отдельные самостоятельные археологические отряды: палеолитический (В.П. Любин); горный (В.И. Марковин); предгорный (Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт, В. И. Козенкова); степной (Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт); разведочный и Бамутский (Р. М. Мунчаев).

Благодаря беспримерным по масштабам, а также целенаправленно-стационарным и разведочным работам, СКАЭ был осуществлен резкий научный рывок в археологическом изучении Чечни, что позволило более качественно и объемно исследовать главные вехи историко-культурного развития нахских народов с древнейших времен до позднего средневековья [15, с. 26-28].

Полевые работы всех советских СКАЭ стимулировали выход в свет сразу многих обобщающих монографий по древней и средневековой истории Северного Кавказа [15,16, 17] и отдельных материалов [12, 18], разных периодов - от ранней бронзы до средневековья.

Эти исследования вместе с археологическими отчетами руководителей отрядов СКАЭ явились основой при написании сначала очерков, а потом и многотомных историй народов Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана. Сейчас АН ЧР завершает издание 4-х томной истории чеченского народа. При этом откровенно отметить, что вся древняя, археологическая часть 1-го тома полностью написана на материалах СКАЭ, при этом два ведущих участника СКАЭ - это Рауф Магомедович Мунчаев и Валентина Ивановна Козенкова являются непосредственно соавторами тома. Это лучшее доказательство тому, что школа советского кавказоведения, основанная Евгением Игнатьевичем Крупновым, твердо стоит на ногах, продолжает научную деятельность и является ярким примером подражания для молодых, современных археологов-кавказоведов.

Литература:

1. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Изд. 2-е, СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с., 100 с. илл.
2. Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770 - 1773 гг. СПб: Петербургское Востоковедение, 2002. -512 с.
3. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 2007.
4. Багаев М. Х. Вехи становления археологической науки в Чечне// Ж. История науки и техники. № 3, М.: 2008, с. 27 - 28.
5. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
6. Круглов А. П. Северо - Восточный Кавказ во II - I тысячелетии до н. э. (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 29 сентября 1941 г.)// КСИИМК, вып. XIII, М.-Л., 1946.
7. Антология советской археологии в 3-х томах: Т. I, (1917 - 1933) М., 1995. 172 с. с 15

- илл.; Т. II (1930-е годы) М., 1995. 256 с. с 26 илл.; Т. III. (1941 - 1956) М., 1996. - 260 с. с 25 илл.
8. Яковлев Н. Ф. Новое в изучении Северного Кавказа// Новый Восток, вып. 5, М., 1924; Он же. Ингуши. М., 1925; Он же. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.
 9. Семенов Л. П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 годах. Грозный, 1963.
 10. Крупнов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено - Ингушской АССР. Грозный, 1961.
 11. Артамонова - Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период (по материалам экспедиции 1937 - 1938 гг.)// СА, № 14, 1950.
 12. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963.
 13. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Материалы к археологической карте. Грозный, 1966.
 14. Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено - Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1936. Он же. Археологические работы на р. Терек // СА, №, 1937. Он же. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИК, вып. V, 1940. Он же. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г.// Записки ЧИНИИЯЛ. Т. 1. Грозный, 1938.
 15. Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957 - 1968 гг.)// Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2002.
 16. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы// МИА, № 38., М., 1960.
 17. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА, № 100, М., 1961.
 18. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

УДК 39 (470)

**ОДЕЖДА ЧЕЧЕНЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ НАЗЕМНОГО СКЛЕПА АУЛА КОРОТХ
(ГОРНАЯ ЧЕЧНЯ) XVI - XVIII ВЕКОВ**

**CLOTHES OF CHECHENS ON THE MATERIALS OF THE GROUND BROKEN AULA
SHORT (MOUNTAIN CHECHNYA) OF THE XVI - XVIII CENTURIES**

Б.Б.-А. Абдулвахабова,

*к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории народов Чечни
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

B.B.-A. Abdulvahabova,

*Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of History
of the people of Chechnya FGBOU VO "Chechen State University"*

Статья посвящена анализу и обобщению археологических материалов по традиционной одежде чеченцев XVI - XVIII веков по артефактам из наземного башнеобразного склепа аула Коротх (горная Чечня). Цель статьи: подвергнуть всестороннему анализу имеющиеся источники, выявить локальные черты чеченского традиционного костюма, а также элементы, отражавшие ее половозрастные, социальные и прочие особенности; определить основные исторические, социальные, экономические, этнические и иные факторы, повлиявшие на формирование и эволюцию традиционной одежды чеченцев.

Ключевые слова: Чечня, чеченцы, традиционная одежда, этнические особенности, наземные склепы, артефакты.

The article is devoted to the analysis and generalization of archaeological materials on traditional clothes of the Chechens of the 16th - 18th centuries on artifacts from the ground-towered crypt of Korotkh aul (mountain Chechnya). The purpose of the article is to subject the sources available to a comprehensive analysis, to reveal local features of the Chechen traditional costume, as well as elements reflecting its age, social and other characteristics; to determine the main historical, social, economic, ethnic and other factors that influenced the formation and evolution of Chechen traditional clothing.

Keywords: Chechnya, Chechens, traditional clothing, ethnic features, land crypts, artifacts.

Сегодня тема традиционной одежды самая обсуждаемая в различных кругах нашего общества. Она актуальна и злободневна в свете модернизационных процессов во всех сферах жизни общества, в национальной культуре чеченцев. Идет иногда подмена отдельных элементов этнической культуры края, в том числе и традиционной одежды. Между тем, традиционная одежда чеченцев XVI - начала XIX века до настоящего времени всесторонне не исследовалась, за исключением отдельных исследований по данной тематике [1].

При исследовании традиционной одежды чеченцев основное внимание до настоящего периода уделялось одежде XIX - начало XX века. Более ранние материалы практически оставались вне зоны исследовательской практики ученых, объясняя это малым количеством доступных источников. Отчасти это соответствовало действительности: весьма скромный фонд изображений, описаний и музейных коллекций одежды чеченского народа жестко ограничивается материалами и впечатлениями XIX - первой половины XX века. По этому поводу известный этнограф Е.Н. Студенецкая (ныне покойная) отмечала в обобщающем исследовании по одежде народов Северного Кавказа, что хронологическая грань изучения вайнахского комплекса одежды не опустилась ниже последней четверти XVIII века, а полевые источники по одежде чеченцев и ингушей использованы заметно меньшей степени, чем по другим народам Северного Кавказа [2, с. 30].

В 1985 году в составе Предгорно-плоскостной археолого-этнографической экспедиции автору данной статьи удалось обследовать башнеобразный наземный склеп в ауле Коротх XVI - XVIII веков, в высокогорной Чечне (Чанты - Аргунское ущелье). Из указанного склепа был извлечен довольно богатый материал по мужской, женской и детской одежде, хорошей сохранности. Чистый горный воздух, наличие в склепах естественной вентиляции (строители

этих уникальных и интересных погребальных памятников в стенах делали специальные отверстия), происходила естественная мумификация и хорошо сохранялась одежда в указанных погребениях [3].

В силу ограниченности объема статьи, мы остановимся лишь на базисных формах традиционной (мужской) одежды чеченцев XVI - XVIII веков.

Традиционный мужской костюм чеченского народа формировался на протяжении многих веков под влиянием различных факторов. Археологически засвидетельствованные формы костюма, этнографические параллели, наряду с другими источниками показывают, что формирование базовых форм мужской одежды чеченцев происходило в общем процессе развития мужского костюма других народов Северного Кавказа.

Мужская нательная одежда из материалов склепа была представлена рубахой туникообразного покроя и длинными штанами с широким шагом. Это были основными элементами нательной одежды чеченцев («чухулаюхубедарш» - букв. «снизу надеваемая одежда»). Их нередко фиксировали в средневековых склеповых погребениях кавказоведы Л.П. Семенов, Е.И. Крупнов и некоторые другие исследователи [4, с. 93-95]. Судя по склеповым материалам, при изготовлении нательной одежды использовали ткани домашнего производства: холст, крашенина, полотно и др.), а также покупные: бязь, нанка и т.д. Нательные рубахи шились в основном из белой материи или неокрашенного холста. Цветная ткань использовалась редко. Добротный беленый холст стоил дорого и был доступен только представителям богатых семей. В основном рубахи изготавливали из неокрашенного холста или крашенины.

Мужские нательные рубахи в материалах склепа представлены двумя типами: 1) туникообразного покроя с перекидным плечом, прямыми рукавами с ромбовидными или треугольными ластовицами и боковыми клиньями. Ворот был горизонтальный с центральным пазушным разрезом, который застегивался (точнее завязывался шнурками); 2) туникообразная рубаха с выкройной проймой и длинными вшивными рукавами, зауженными книзу, с центральным или боковым (на левой стороне) пазушным разрезом. Вплоть до XVIII века нательные рубахи шили без воротника, наподобие древнерусских «голошеек». Подол подшивался. Шейный разрез соединялся на пуговицы из крученых ниток на воздушные петли. Использовались и пуговицы из бронзы, меди, серебра, причем самых разных форм: шаровидные или грушевидные полые с ушком, кашинные поливные и т.д. Многочисленные находки в средневековых погребальных сооружениях свидетельствуют о широком бытовании пуговиц в одежде чеченцев с древности [5, с. 15-71]. Описанный тип рубах наиболее древний в традиционной одежде не только чеченцев, но и многих народов мира [6, с. 318].

Характерным признаком древнего покроя данной одежды - вшитые в бока от рукавов до подола прямые или скошенные куски холста. Ширина ткани была недостаточной, и вставки расширяли рубаху книзу. Такой прием для «расширения» куска ткани, по всей видимости, был принят у многих народов. Известный факт, когда в XVII - XVIII вв. крестьянский холст шел на экспорт. Петр I также требовал изготавливать более широкие холсты, но для этого требовались другие ткацкие станы, которыми большинство крестьян - ткачей не располагали [7, с. 144]. Не было их и у горских ткачей, поэтому ширина ткани получалась узкой.

Мужские нательные рубахи по форме, покрою были аналогичны рубахам других народов Северного Кавказа. Но в манере ношения, в некоторых деталях наблюдались отличия. Для чеченцев были характерны в основном рубахи - косоворотки, на наш взгляд, получившие широкое распространение еще в период раннего средневековья. Для ингушей, к примеру, были характерны рубахи с разрезом ворота посередине груди. Чеченцы носили рубахи, не заправляя в штаны, навывпуск. Только в XIX веке, когда нательные рубахи намного укоротились, их начали носить поверх нижнего белья, заправляя в брюки.

Традиционные мужские штаны из склеповых материалов можно отнести к общекавказскому варианту. Для их изготовления употребляли ткани домашнего производства: холст, крашенина, сукно, шелк, покупные ткани, а также шкуры животных. В покрое мужских штанов можно проследить половозрастную специфику. Пожилые носили штаны с широким шагом. Верхнюю часть штанов подгибался, и в этот рубец вдевался плетеный шнур

(«хуьнжар») из цветных ниток, позднее носили широкий шелковый пояс - гашник. Подобного покроя штаны были повсеместно распространены в эпоху позднего средневековья по всему Северному Кавказу. Судя по материалам указанного склепа, в горной Чечне, поверх длинных нательных штанов, в холодную пору носили укороченные (типа шортов) войлочные штаны. По бокам, на каждую штанину пришивались в виде воздушных петель застежки из кожаных ремешков. С помощью этих застежек суконные или войлочные ноговицы («пезагаш») прикреплялись к штанинам. Образцы таких штанов были нами извлечены также из материалов башнеобразного склепа аула Коротх. Аналогии данному типу одежды мы встречаем только у некоторых народов Дальнего Востока [8, с. 45].

Молодежи были характерны штаны, более зауженные в шаг [9, с. 79].

Археологический и этнографический материал дают очень интересные образцы верхней мужской верхней (плечевой) одежды чеченцев XVI - XVIII веков: мужские длиннополые платья - рубахи, разных типов бешметы («Гювтал»), черкеска («чоа»), суконная накидка («маша», «кхоллар»), бурка («верта»), шубы, тулупы («кетар», «бекх»), безрукавки и т.д. Некоторые из перечисленных типов одеяний сегодня совершенно забыты. К таковым относится мужская нераспашная верхняя одежда туникообразного покроя - длиннополые рубахи. Фрагменты таких рубах были обнаружены нами в ходе археолого - этнографических исследований наземных склепов в горной зоне Чечни. Часть этих материалов были сильно фрагментированы. И они не поддаются полной реконструкции. Но сохранились относительно хорошей сохранности платья - рубахи, по которым можно судить об этом типе одежды, бытовавшей в указанный период. Опишем один из типов мужской рубахи из материалов склепа. Рубаха имела туникообразный покрой, рукава удлиненные, прямые. Ворот круглый, оформленный бейкой из коричневого шелка, с пазушным разрезом сбоку. Разрез ворота соединяется плетеными шнурами. Они комбинированы из красно - зеленых хлопчатобумажных ниток, наиболее часто встречающиеся в оформлении ворота у чеченцев в исследуемый период. Видимо, подбор цветов был не случаен. В эпоху средневековья многие народы Кавказа использовали красный цвет, красную нить в качестве оберега. Им придавали охранительную функцию во время различных эпидемий» [10, с. 77].

Подобного покроя рубахи встречаются у многих народов. Но вряд ли горцами такая форма заимствована. На наш взгляд, здесь прослеживается генетическая связь с одеждой средневекового периода.

Иногда данные платья имели подкладку из светлого холста. На манжетах рукавов делали разрезы, которые украшены вышивкой в несколько рядов линейным орнаментом. Ворот, застегнутый кручеными нитками на воздушную петлю, также украшен вышивкой из красных ниток в два ряда. Осевой вырез на груди выделен нашитыми горизонтальными застежками (58 шт.), а на фрагменте другого платья такого же типа их насчитывалось около 70. Горизонтальные застежки в мужском костюме выполняли не только утилитарную функцию, но и знаковую функцию. Многие фрагменты описанного одеяния были обнаружены в богатых склеповых погребениях, говорит о высоком имущественном статусе и привилегированного положения тех, кому они принадлежали. По всей видимости, горизонтальные нашивки являлись красивым украшением костюма имущественно состоятельных и привилегированных сословий.

Несомненно, описанные выше мужские платья - рубахи, судя по археологическим источникам, сохраняют бытовавшие в более ранний период (XIII - XV вв.) формы. Архаичность покроя данных рубах объясняется видимо тем, что они оказались хорошо приспособленными к местному рельефу. В современной этнографической одежде сохранились лишь приемы декорирования костюма: декоративные нашивные горизонтальные застежки. Подобные украшения встречаются в одежде многих народов Северного Кавказа, начиная с раннего средневековья. Но данное утверждение не означает, что в традиционной одежде чеченцев это - прямое заимствование. Чеченские мастерицы творчески перерабатывали многие иноэтничные элементы костюма, создавая тем самым неповторимые приемы убранства одежды.

По всей вероятности, данный вид одежды носили служители культа, старейшины, старцы, то есть мужчины, имеющие особый статус в семье, в обществе. Платья - рубахи шились в основном из добротного белого холста. Белый цвет, как и у многих народов, почитался средневековыми чеченцами как цвет благородства, чистоты. Языческие жрецы выходили на культовые праздники в белом одеянии. Но встречаются платья, сшитые из окрашенных в другие цвета тканей. Так, в материалах склепов Цой - Педы (горная Чечня) автором была обнаружена мужская двухслойная одежда. Нижний слой одеяния состоял из рубахи, сшитой из синего крашенина. Рубаха имела холщовую подкладку. Все горизонтальные застежки хорошо сохранились. Их одиннадцать: три нижние застегнуты.

Второй, верхний слой одежды состоял из накидки типа халата с отложным воротником, украшенным вышивкой и тесьмой. Покрой прямой, спереди сплошной разрез. Вместо рукавов короткие треугольные «крылышки». Чуть ниже горловины пришита одна горизонтальная застежка с пуговкой. По бокам, вниз идут глубокие разрезы. Длина «накидки» короче нижнего слоя. Хорошо сохранился ременной пояс. Он был сделан из сыромятной кожи с железной рамчатой пряжкой. На поясе висели ножны из тоже кожи (рис.). Следует отметить, что пояс был важным элементом мужского костюма чеченцев. Он был не только функциональным атрибутом, но и нес определенную информацию, обусловленную различными историческими аспектами. Народы Северного Кавказа, в том числе и чеченцы, с глубокой древности наделяли пояса охранительными функциями, как бы заключая человека в круг. В исследуемый период, встречающиеся в погребениях пояса, всегда были застегнуты на пряжки. Но, к примеру, в аланских памятниках встречается пояса, в которых отсутствуют пряжки. Этот факт исследователями связывают с идеологическими представлениями средневековых людей, которые таким образом обезвреживали покойника: висящее на расстегнутом поясе оружие невозможно было использовать против живых [11, с. 68].

Для многих народов мира пояса являлись отличительным знаком военного сословия. В раннем средневековье, когда происходили непрерывные передвижения многочисленных племен и военные походы, возникали различные союзы, появилась объективная необходимость неязыкового средства опознания, которое передавало бы максимум сведений минимальным количеством сигналом. Таковым опознавательным средством в раннем средневековье стал пояс с металлическим набором [12, с. 44]. Поясной набор указывал на заслуги и место его владельца в административной и военной иерархии. Традиция использования пояса, в качестве выделявшего человека знатного происхождения, сохранилось у чеченцев и в период позднего средневековья.

Традиционным, для исследуемого периода, был тип распашной одежды - бешмет («Гювтал»), часто фиксируемый в погребальном комплексе склепов. Известный археолог Е.И.Крупнов отмечал, что «мужчины были одеты в длинные до колен кафтаны или халаты, в большинстве случаев из цветной шерстяной ткани. Обычно на мужчинах две одежды...» [13, с. 94-95]. «Кафтаны» или «халаты», упоминаемые известным археологом, во всей вероятности, бешметы. Последующие изыскания археологов подтверждают это. Другой исследователь (Е.Н.Студенецкая) отмечал: «Мужская одежда, обычно именуемая бешметом, надевалась под черкеску» [14, с. 30]. Однако необходимо отметить, до широкого распространения черкесок на Кавказе (конец XVII - начало XVIII века), да и после, почти у всех живущих здесь народов, бешмет являлся самостоятельным типом верхней одежды. Но манера ношения была у каждого своя. Чеченцы и ингуши носили бешмет отдельно, поверх нательной рубахи, без черкески, как повседневную или праздничную одежду. Судя по археологическим источникам, их носили с самого раннего детства и до глубокой старости [15, с. 89-97].

Карманы («киса») на бешметах не делались вообще, они появляются в конце XVIII века. Роль карманов прекрасно выполняли изящные мужские кисеты, сшитые из различных тканей и кожи. Кожаные кисеты обычно шили овальной формы. Чаше встречаются мужские кисеты из черного и коричневого сафьяна (рис.). Они украшались древним орнаментом, в виде завитых рогов. Встречается и более сложный узор (мотив тот же: в центре - ромб, затканый красными шелковыми нитями: завитые рога и концентрические круги), что символизировало

изобилие, богатство и солнце. Сложная семантика орнамента позволяет констатировать, что подобные кожаные сумочки использовали в качестве амулетниц. Они завязывались тонким шнурком из хлопчатобумажных ниток и подвешивались к поясу с левой стороны.

Бешметы перепоясывались широким матерчатым кушаком («бухка») или же кожаным ремнем («добхка»), на котором висели, кроме всего прочего сумочка или кисет. В материалах склепов встречаются несколько типов бешметов. Первый тип был характерен пожилым, преклонного возраста мужчинам. Молодые носили в основном бешмет типа черкески. Возрастная особенность подчеркивалась и длиной бешмета. Длинные бешметы носили пожилые, более укороченные - молодежь.

Бешмет сочетал в себе функции летней и зимней одежды. Летние изготавливались на одной подкладке, зимние утеплялись шерстью или ватой, что подтверждается также археологическими источниками. Бешмет, обнаруженный в наземном склепе в горной Чечне, был утеплен на вате, с подкладкой из холщовой ткани. Верх бешмета был сшит из красного крашенина. Покрой - по типу черкески: с отрезной талией, подол расширялся с помощью треугольных удлиненной формы клиньев. К горловине был пришит стоячий воротник. Ворот, скошенный к груди, застегивался на пуговицы из крученых ниток на воздушные петли. К бортам, от ворота до подола пришиты клинья, с помощью которых запах углублялся. Рукава длинные и зауженные к кисти рук, с разрезами на манжетах. На бешмете сохранился пояс - кушак из домотканой холстины без окраски. На поясе висели мужская сумочка - кисет типа мешочка и ножны для ножа.

Бешметы были распространены на всей территории Чечни, как и у многих соседних народов, в качестве празднично-выходной и повседневной одежды. И бытовали одновременно с мужскими платьями - рубахами, являясь одним из основных элементов мужского одяния, корни которой имеют древние корни. Нет сомнений, что для чеченцев этот тип одежды характерен с глубокой древности.

Кульť головного убора широко был распространен в эпоху средневековья в Чечне. С глубокой древности мужская шапка - это элемент особого почитания, олицетворение мужского достоинства.

Анализируя самые разнообразные источники по мужским головным уборам, прежде всего археологические источники, мы смогли выделить по форме и материалу несколько типов. И они на протяжении определенного нами хронологического времени значительно трансформировались. Некоторые совсем исчезли из обихода.

Для шитья головных уборов мужчин использовались ткани, овчина, кожа, войлок, шерсть, мех и т.д.

К первому типу можно отнести шапки, сшитые из различных тканей. Ко второму типу - шапки из кожи, овчины и меха. К третьему типу - головные убory из войлока. Четвертый тип - это комбинированные из разных материалов головные убory мужчин. Внутри каждого типа встречаются разные варианты. Все они представлены материалами известных памятников средневековья - аулов Коротх и Цой - Педе.

В отдельный вариант первого типа можно выделить летние шапки («пес» - фески), сшитые из ткани и плотно облегавшие верхнюю часть головы. Образцы таких шапок широко представлены археологическими источниками. В исследуемый период широко были распространены по всей территории не только Чечни, но и соседних регионов. Некоторые исследователи высказывают ошибочное мнение, что подобные головные убory в Чечне появились только в XIX века [16, с. 113]. Образцы таких шапок представлены материалами из наземных склепов Цори (Ингушетия), Мизер - Гала, Мешы - хи, Коротх, Цой - Педа и др. (Чечня), что свидетельствует о том, что данный тип головных уборов были широко распространены как в Чечне, так и в Ингушетии в рассматриваемый период. Археологически они фиксируются на указанных территориях, по крайней мере, с XVI века. Возможно, истоки этого головного убора восходят к кочевнической эпохе, монгольской и тюркской традициям.

Среди головных уборов мужчин особое место занимали меховые шапки, истоки которых восходят к глубокой древности.

До середины XIX века у чеченцев бытовали овчинные шапки, сшитые мехом во внутрь, с широким меховым околышем. Верх таких шапок иногда покрывали сукном или покупной тканью. В отдельный, третий тип головных уборов, исходя из принципов кроя и материала, можно выделить головные уборы, изготовленные из войлока.

К четвертому типу мужских головных уборов можно отнести комбинированные из ткани и меха шапки. Они хорошо фиксируются археологически в самых разных вариантах.

Подводя итоги отметим, что в данной статье мы лишь показали только часть материалов из уникальных погребальных памятников горной Чечни - наземных склепов. Даже этот небольшой обзор показывает, насколько богатый материал дают они не только по традиционной одежде, но и всей материальной и духовной культуре народа. Всестороннем анализе основные источники и реконструкция по возможности архаичных форм одежды поможет выявить локальные черты традиционного костюма чеченского народа, а также элементы, отражавшие ее половозрастные, социальные и прочие особенности; определить основные исторические, социальные, экономические, этнические факторы, повлиявшие на формирование и эволюцию традиционной одежды чеченцев в указанный период.

Литература:

1. Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда чеченцев и ингушей XVI - нач. XIX в. (археолого-этнографическое исследование). Автореферат дисс. на соис. учёной степени канд. ист. наук. М., МГУ, 1992.
2. Абдулвахабова Б.Б. Детская одежда вайнахов XVII - начала XIX века (по археологическим материалам) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
3. Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушкино, 2001.
4. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено - Ингушетии. Грозный, 1989.
5. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001.
6. История и культура удэгейцев. /Под. Ред. А.И. Крушанова. Л., 1989.
7. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
8. Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов IV - IX веков как знаковой системы // Статистико - камбинаторные методы археологии. М., 1970.
9. Русские. Отв. Ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003.
10. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII - XX века. М., 1989.
11. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII - середина XIX века. /Отв. Ред. В.А. Александров. М., 1981.

УДК 94

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРСКОЙ СОСЛОВНО - ПОЗЕМЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

THE ACTIVITIES OF THE TEREK ESTATE - LAND COMMISSION

Д.Ф. Афаунова,

магистрант 1-го года обучения

*Института истории, филологии и средств массовой информации,
Кабардино - Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

D. F. Afaunova,

*postgraduate of the 1st year students of the Institute of history,
Philology and media, Kabardino - Balkarian state University. After H. M. Berbekov*

*Предметом исследования является Терская сословно - поземельная комиссия,
работавшая в области во второй половине XIX века. Цель статьи - проанализировать*

причины создания, состав, задачи и основные направления деятельности Терской сословно поземельной комиссии. В исследованиях рассмотрены попытки этой комиссии решить аграрный вопрос на Центральном Кавказе. В заключении показано значение работы Терской сословно - поземельной комиссии для изучения аграрных и сословных отношений в регионе во второй половине XIX века и роль Дмитрия Кодзокова в организации ее деятельности.

Ключевые слова: Терская сословно-поземельная комиссия, поземельные отношения, земельная реформа, нагорная полоса, сословный вопрос.

An of research is the Tersky estate - the land commission working in the area in the second half of the nineteenth century. An article purpose - to analyzes the creation reasons, structure, tasks and the main activities of the Tersky estate - land commission. In a research are considered attempts of this commission to resolve an agrarian question in the Centrally Caucasus. In the conclusion is shown the value of work of the Tersky estate-land commission for studying of the agrarian and class relations in the region in the second half of the nineteenth century and Dmitri Kodzokov's role in the organization of its activity.

Keywords: Tersky estate - land Commission, land relations, land reform, mountainous strip, class question.

В конце 1862 года новым начальником Терской области стал генерал М.Т. Лорис-Меликов. В 1863 г. существующие в каждом округе комитеты были упразднены и взамен их учреждена общая для Терской области «Комиссия по разбору личных и поземельных прав туземного населения Терской области», действовавшая под председательством чиновника особых поручений при наместнике Кавказа Д.С. Кодзокова.

По согласованию с новым начальником области М.Т. Лорис - Меликовым в комиссию вошли: старшие члены: 1) состоящий по армейской кавалерии, подполковник Затрапезный, 2) состоящий по армейской пехоте капитан Масловский. Делопроизводитель - Навагинского пехотного полка поручик Михайловский, помощник делопроизводителя - Кабардинского пехотного полка подпоручик Эвольский. Переводчики: прапорщик Бекмурзин Ногма, и отставной унтер-офицер Илья Кануков. Писцы: Денис Лизунов, Николай Первов и Иван Топилин. Служители: Христофор Мартель и Осип Сергеев. Казаки: Николай Задорожный, Григорий Ковалев, Антон Ковалев и Семен Турчин. Милиционеры: Николай Жукаев, Бру Тулатов и Артаган Химатханов [1, с. 55].

Т.Х. Кумыков отмечал, что начальник Терской Области придавал особое значение формированию этой комиссии, уделяя большое внимание подбору ее членов, поскольку считал, что комиссия должна быть «составлена из членов, практически и теоретически специально просвещенных не только в военном искусстве и в военной администрации, но, если не более, по крайней мере столько же, сведущих в правоведении, истории, географии и статистике... в политической экономии и в деле сельского хозяйства» [6, с. 73].

Известный советский историк Г.А. Кокиев, серьезно занимавшийся вопросами крестьянской реформы на Северном Кавказе, подчеркивал, что «Назначение Кодзокова председателем сословной комиссии не являлось случайным шагом. Царское правительство, выдвигая Кодзокова на этот ответственный пост, несомненно, руководствовалось, тем, что Кодзоков, происходя из высших горских социальных слоев, классово был вполне приемлем, а так же он как горец мог легче ориентироваться в сложной горской обстановке и легче, чем царский чиновник, расположить к учреждению, которое он возглавлял, доверие горских масс... Из целого ряда документов: докладов, отчетов и докладных записок, разновременных представленных Кодзоковым в различные административные инстанции, видно, что Кодзоков был широко образованным для своего времени человеком, а самое главное - он был глубоким знатоком быта горских народов Северного Кавказа. Его докладные записки по тем или иным вопросам горского быта и в наше время не лишены большого интереса» [4, с. 8-9].

Эта комиссия должна была стать самой эффективной из всех ранее созданных. Терская сословно - поземельная комиссия была призвана окончательно решить сословный и земельный вопросы в области. Программа комиссии касалась поземельных отношений в частности предусматривала:

1) Приведение в известность количества земли, занятой каждым племенем и обществом, нанесение этих земель на планы со всеми подробностями, необходимыми для точного распределения и разграничения земель, 2) Полное расследование и разъяснение всех спорных земельных вопросов между племенами и обществами, 3) Приведение в известность всех документов и других бумаг, принадлежащих туземцам области и касающихся предметов занятий комиссий, равно и всех разновременно состоявшихся распоряжений правительства, до туземного населения относящихся, 4) Распределения земель по племенам и обществам, а там, где населения того пожелает, и по фамилиям, с подробным описанием границ участка каждого, племени, общества и фамилии, с обозначением границ этих в натуре межевыми знаками, 5) Составление надлежащих документов на упрочнение за каждым племенем, обществом или фамилиями права владения теми землями, кои по надлежащим утверждениям предложений комиссий могли быть им предоставлены [2, с. 16].

Все поземельные и сословные вопросы комиссия должна была решать коллегиальным порядком, а постановления облекать в форму журналов. Если того требовали обстоятельства члены комиссий всем составом выезжали для личного осмотра и обсуждения вопроса на месте, или на место отправляли одного из старших или младших членов.

Для получения более полной и достоверной информации о местном населении комиссия предлагала им избрать доверенных или депутатов с условием что в выборе будут участвовать все сословия. Это был единственное требование, которое выдвигали органы власти, в остальном же местное начальство не как не вмешивалось в избрание депутатов.

Одной из главных задач комиссий было так же донести народу через публикации о своих обязанностях и целях, изложенных в программе, а также об обязанностях депутатов.

Для более эффективного и результативного выяснения сословных и поземельных прав горского населения, в каждом округе были образованы окружные отделы этой комиссии. Для ускорения работы в Кабардинском округе был создан специальный отдел комиссии, работавший под руководством членов Терской сословно - поземельной комиссии и в тесном контакте с окружным начальством. Чеченский отдел Терской областной комиссии по разбору личных и поземельных прав был образован в городе Грозном и функционировал с 1864 по 1869 гг. Комиссия и отделы непосредственно подчинялись начальнику Терской области.

Комиссия Д.С. Кодзокова занималась изучением сословно - правовых отношений горского населения и проведением земельной реформы в округах Терской области. Завершив размежевание земель в плоскостной части Терской области 31 декабря 1869 г. комиссия Кодзокова была преобразована во временную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» [5, с. 75].

С этого времени главной задачей комиссии стало решение сословного вопроса, то есть, наделять ли представителей высших сословий горских народов правами российских дворян. Уже в декабре 1871 администрация сделала первую попытку приступить к разрешению аграрного вопроса в нагорной Осетии. Поставленную задачу комиссия выполнила, но не смогла реализовать ее на практике без одобрения высшей власти.

В январе 1874 года Кодзоков представил итоги работы комиссии в докладной записке под названием «Исследование комиссии о сословном строе в Терской и Кубанской областях» [5, с. 74]. Разбор аграрного вопроса был изъят из ведения кодзоковской комиссии, хотя решение земельного вопроса на равнине не было завершено, а в нагорной полосе даже не начато.

Начальник Терской области, стремясь покончить с «неразберихой» в вопросе «горного землевладения», обещающим еще более серьезные затруднения в будущем, настаивал на передаче земельного вопроса в нагорной полосе Терской области комиссии Кодзокова, поставив ей задачу «привести в известность все виды горного землевладения» [3, с. 659]. Д. Кодзоков предупреждал административные власти, что вопрос землевладения в нагорной полосе Терской области является сложным и его «упрощенное понимание» в будущем «может привести к самым грубым и трудно исправимым ошибкам» [6, с. 75-76].

В результате в 1875 г. земельное устройство нагорной полосы было окончательно

изъято из ведения кодзоковской комиссии и передано межевому отделу Терского областного правления [3, с. 659]. Комиссия с перерывами просуществовала до 1908 года.

Работа и Терской сословно - поземельной комиссий под руководством Кодзокова имела большое практическое значение. Благодаря его работе удалось ослабить остроту социальных конфликтов в регионе. Ими было положено начало разрешению земельного вопроса, которое продолжалось в последующие десятилетия.

Благодаря кропотливой работе комиссии было собрано огромное количество материалов. Они имеют большое значение для изучения истории того времени. В них рассматриваются отношения между разными сословиями народов Терской области, так же отношение между местным населением и царскими властями, а также формы землевладения и землепользования. Материалы этих комитетов и комиссий в большинстве случаев являлись главнейшим источником информации, которые легли в основу исследований историков и этнографов разного поколения.

Литература:

1. Антология памятников права народов Кавказа. Ростов - на - Дону: Альтаир, 2013. Т.5. 812 с.
2. Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII - начала XX века: Эль - Фа, 2006. Т. II. 467 с.
3. Ибрагимов М.М. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. Т. 1. 828 с.
4. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе: Госиздат Северо-Осетинской АССР, 1940. 223 с.
5. Кузьминов П.А. Работа сословно - поземельных комиссий и комитетов в 40 - 70-х XIX в. В Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского Научного Центра. Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 2005. № 22. С. 676.
6. Кумыков Т.Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 178 с.

УДК 93/94

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

THE PERSON OF THE DEBT

Л.А. Бадаева,

*к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

L.A. Badaeva,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department
of Ancient History and Middle Ages
FGBOU VO "Chechen State University"*

В данной статье предпринята попытка рассказать о человеке, всю свою жизнь посвятившему профессии врача - Цутиеве Умаре Даудовиче. Прошедший через лихолетье Великой Отечественной войны, ужасы депортации, а затем активно участвовавший в восстановлении ЧИАССР, доктор Цутиев даже в самой тяжелой для себя ситуации, остался верен себе и данной еще в юности клятве Гиппократу. Все свои силы, энергию и знания он направил для борьбы с недугами во имя человека, его здоровья и счастья.

Ключевые слова: *врач, война, болезни, депортация, эпидемии.*

In this article, an attempt is made to talk about a man who devoted his entire life to the profession of a doctor - Tsutieva Umar Daudovic. Having gone through the hard life of the Great Patriotic War, the horrors of deportation, and then actively participating in the restoration of the Chechen-Ingush ASSR, Dr. Tsutiev, even in the most difficult situation for

himself, remained true to himself and the oath of Hippocrates that was given in his youth. All his strength, energy and knowledge, he directed to combat ills in the name of man, his health and happiness.

Key words: doctor, war, diseases, deportation, epidemics.

Умар Даудович Цутиев родился в 1911г. селении Алды в семье одного из первых предпринимателей Чечни. Его отец - Цутиев Дауд имел 2 завода- кожевенный в Черноречье и лимонадный в Грозном, в районе парка им. Кирова. Мать была из хорошо известного в республике рода Мациевых, тоже предпринимателей и коммерсантов.

Семья не бедствовала, скорее наоборот, заводы приносили неплохой доход, обеспечивая стабильную, достойную жизнь и позволяя заниматься благотворительной деятельностью.

Отец делал щедрые взносы сельской мечети, помогал строить дороги, школу, каждый четверг раздавал продукты малоимущим. За это его любили и уважали на селе. Но вскоре счастливой жизни пришел конец.

Наступил октябрь 1917-года. Большевицкая революция смерчем пронеслась по всей стране, полностью разрушив привычный образ жизни... Добралась она и до республик Северного Кавказа.

Повсюду шла ломка старых укладов и традиций, провозглашались равенство, коммунизм и атеизм. «Кто не с нами, тот против нас! - под таким лозунгом истреблялись лучшие слои общества - интеллигенция, предприниматели, меценаты.

Объявленная национализация промышленности, лишила семью Цутиевых своих заводов.

Отцу знакомые предлагали уехать вместе с семьей за границу подальше от бурь и гроз гражданской войны и разрухи, но тот отказался.

«На своей земле родился, на своей земле и помру». -заявлял он.

Но умереть на родной земле Дауду Цутиеву - прекрасному человеку, щедрому, работающему, способному и глубоко верующему - не было суждено. В 1937г он был репрессирован и сослан на Соловки, в печально известный Гулаг. Оттуда вскоре пришло известие о его гибели. А тем временем Советская власть устанавливала свои порядки - повсюду появлялись партийные комитеты, органы управления, открывались культурные и образовательные учреждения, в которых проводилась новая революционная идеология.

Произошли соответствующие изменения и в Алдах.

Дауд как человек дальновидный и практичный, понимал, что без образования у его сына не будет будущего и потому отдал Умара в школу. Способный мальчик без труда окончил школы 1-ый и 2-ой ступени и тогда отец привел его в грозненскую мужскую гимназию№1. Именно здесь мальчик окончательно решает для себя кем он станет. Он увлеченно изучает биологию, химию.

Умар понял для себя главное - созидательный труд во имя людей, во имя их счастья и процветания - вот в чем смысл существования человека на земле, а иначе жизнь превращается в жалкое прозябание.

С такими мыслями постепенно вырос Умар.

Вскоре он становится студентом Дагестанского медицинского института. Это было прекрасное время студенчества - жизнь полная самостоятельных открытий и познаний, первых шагов в медицине и желания постичь большего. Иногда в том водовороте учебы выпадали редкие минуты развлечений - это сближало студентов, скрепляло их дружбу, давало уверенность в себе, помогало понять друг друга.

В институте было немало интересного и примечательного. Умар с головой ушел в студенческую жизнь, находясь в водовороте событий.

Дагестанский мединститут был основан в 1932 г. Постановлением Совета народных комиссаров ДАССР в целях подготовим врачебных кадров для Дагестана и республик Северного Кавказа. Особое внимание было уделено подготовке специалистов из коренных национальностей республики. Поначалу Дагестанский государственный мединститут

располагал ограниченной теоретической и клинической базой и имел один лечебный факультет. На первый курс ежегодно принималось примерно 150 человек. Кафедры в основном возглавлялись кандидатами наук. Но уже в предвоенные годы в вузе работали преподаватели и ученые, чей творческий, научный и педагогический авторитет способствовал его становлению и развитию, превращению в крупный научный и лечебный центр Северного Кавказа. В 1933-1943 г. должность заместителя директора института занимал Оганез Вагаршакович Бароян - крупный ученый в области микробиологии, вирусологии, эпидемиологии, впоследствии академик, директор Всесоюзного института микробиологии в Москве, главный эпидемиолог Советского Союза.

Организатором и первым заведующим кафедрой инфекционных болезней был Г. Л. Руднев, впоследствии академик-секретарь АМН СССР. Ему принадлежит важная роль и в основании кафедр пропедевтики внутренних, болезней, факультетской терапии, патофизиологии,

Студент Цутиев был счастлив и горд, что находится среди таких людей, посвятивших свою жизнь служению науке, поискам способов борьбы с недугами человека, воспитанию нового поколения, которые достойно будут нести звание врача, куда бы ни забросила затем судьба.

Проходили дни, месяцы, годы.

На каникулы Умар возвращался домой каждый раз с отличными оценками за сессию и с нестерпимым желанием увидеться с родными, обнять маму, пройтись по улицам села, полежать как в детстве на траве в дедовском фруктовом саду.

Незаметно завершились годы учебы в институте. Умар был счастлив. Будущее представлялось ему интересным и насыщенным. Однако все перечеркнула начавшаяся война.

Умар с десятками других молодых людей штурмовал здание военкомата. Наконец, ему удалось отдать заявление военкому, в котором просил направить его в действующую армию. В тот же день Умар получил назначение в Забайкальский военный округ в должности военного врача.

Проделав недельный путь, он оказался, наконец, на территории Забайкальского военного округа. Началась его служба в должности военного врача.

Забайкальский военный округ был образован 3 ноября 1921 году.

А в сентябре 1941 г на базе округа был создан Забайкальский фронт. Командующим фронта был назначен генерал- лейтенант П.А. Курочкин.

Первое время Умар не мог освоиться с климатическими условиями Восточной Сибири. После благодатной, щедрой природы Кавказа здесь все казалось непривычным и суровым. Скучная растительность, нещадная мошकारа летом и длительные нескончаемые морозы зимой, являлись проверкой человека на прочность. Здешний климат слабых, безвольных и хилых людей не жаловал. Противостоять ему могли только недюжинный характер, закалка и отменное здоровье. Поняв это, Умар каждое свое рабочее утро начинал с бега, с комплекса физических упражнений, и последующим обливанием себя ледяной водой. Это воспитывало волю, дисциплинировало, а главное, благоприятно сказывалось на всем организме, делая его невосприимчивым к болезням. В условиях войны то были бесценные качества. Они позволяли молодому врачу преодолевать тяготы службы, сутками, без сна и отдыха стоять у операционного стола, таскать тяжести, разгружать эшелоны с ранеными и медицинским снаряжением

В январе 1943 г, в самый разгар военных действий, в обстановке, когда враг угрожал его родному Кавказу, Умара Цутиева перевели в военный госпиталь в Грозный.

И вновь началась работа в госпитале. Изнуряющая, порой невыносимая из-за бесконечного вида человеческих страданий, боли, искалеченных судеб, оборвавшихся молодых жизней.

Умар быстро сблизился и нашел общий язык с коллективом госпиталя. Его уважали за прямоту, честность, профессионализм.

Было приятно узнать, что поваром в госпитале служил его земляк, чеченец из Шалей.

Пару раз приезжала мать - он сам не мог отлучиться ни на час, - работы было много, день и ночь прибывали и убывали раненые, шли своим бесконечным чередом операции, обходы, дежурства

А немцы время от времени бомбили город. Хотя фашисты и были остановлены, все же они не могли примириться с потерей такого важного стратегического района как Северный Кавказ, и ночами бесновались, совершая авианалеты.

В один из таких налетов авиационная бомба разорвалась рядом с госпиталем. Умар получил контузию и ранение. Однако, наспех перевязав рану, он помогал вытаскивать пострадавших из-под развалин.

До последнего держался он, пока не извлек всех раненых и не перенес их в безопасное место. И только после этого рухнул, потеряв сознание. А затем и ему пришлось сменить халат врача на халат больного, долго лечиться в госпитале.

За этот подвиг капитан медслужбы Цутиев Умар Даудович был награжден медалью «За отвагу»

Приближался конец 1943 года - один из самых тяжелых, кровопролитных годов второй мировой. Но вместе с тем это был год решительных действий Красной Армии, коренного перелома всего хода войны. Было ясно, что не за горами тот день, когда враг будет навсегда уничтожен с лица земли. Но случилась новая беда.

23 февраля 1944г по приказу Сталина чеченский народ от мала до велика был сослан в Среднюю Азию и Казахстан с клеймом врага народа. Когда приказ о немедленной высылке чеченца Цутиева в Киргизию дошел до начальника стрелкового полка майора Лейнера, тот в сердцах выругался: «Если Умар - враг, то кому же верить на этом свете?»

Но делать было нечего. Ослушаться майор Лейнер не мог. И Умар Цутиев в скором времени отправился в далекую Киргизию. Здесь у него не было ни родственников, ни друзей, ни опоры, и как ему тогда казалось, будущего.

Пришлось все начинать заново. И только вера в Бога спасла от отчаяния.

Он знал и верил, что справедливость восторжествует, и чеченцы вновь обретут родину. Надо только набраться терпения, собрать волю в кулак, работать изо всех сил и ждать,

С большим трудом, ведь на чеченцев смотрели с опаской, и принимать их на работу в качестве врачей никто не собирался, Умару удалось устроиться рядовым врачом в психиатрическую больницу.

Персонал больницы был небольшой, но все знали свое дело, были немногословны. Они кратко ввели Умара в суть новой работы, и вскоре тот уже без труда разобрался во всех тонкостях и деталях, связанных с лечением, заполнением больничных карт, личных дел и прочей врачебной документации.

Ему предстояло работать с больными, чья психика была подорвана беспробудным пьянством. Отличались они агрессивностью и буйным характером. Но повидавшего немало на своем веку военного врача Цутиева Умара трудно было смутить и тем более напугать несколькими алкоголиками, впавшими в «белую горячку». Он уверен был в себе и знал, что справится.

Правда, для этого пришлось сесть за учебники по психиатрии, необходимо было освежить в памяти знания, полученные еще в институте.

Тогда это был лишь общий курс, ведь Умар не ставил перед собой цель сделать психиатрию делом своей жизни. Однако теперь и тех косвенных знаний ему не доставало, приходилось наверстывать.

Умар даже выкраивал время, чтобы читать профилактические лекции о вреде алкоголя населению, среди которого были представители различных национальностей - и казахи, и чеченцы, и русские, подверженные пагубной привычке.

Умар, прекрасно говоривший на многих языках народов СССР, в том числе на киргизском, и это свое умение использовал во благо людей. Подробно и обстоятельно, не упуская мелочи и детали, разъяснял он какое зло таит в себе пьянство, как губит и разрушает он и души и тела пьющих, как уносит преждевременно в могилу, как делает несчастными

родных и близких.

Умар для полной убедительности приводил примеры из жизни, и даже зачитывал целые суры из Корана. Это последнее было самым убедительным и действовало как целительный душ.

Но именно здесь он впервые столкнулся с таким подлым и коварным явлением как доносы. Это уже позже доносы на себя Умар будет считать обычным делом, привычным и будничным. Но, сейчас ему было не по себе.

Его вызвали к коменданту, который безо всяких вступлений обрушился на него с обвинениями в религиозной пропаганде.

-Как смели вы, советский врач - кричал он - Упомянуть Аллаха и цитировать Коран, когда вы обязаны убеждать их силой разума и научного обоснования.

Умар сдержанно заметил:

-Ради исцеления больных все средства хороши.

-Нет, не все -- рявкнул комендант, -- Наша партия давно отвергла религию как опиум для народа. А вы что решили излечить этих алкашей опиумом?!

-Но не такое уж религия и зло, если в свое время сам Сталин разрешил людям ходить в церкви и молиться за наших солдат на фронте, за грядущую победу над врагом. И как видите, мы победили.

Услышав подобное, ошарашенный комендант не смог вымолвить ни слова. Он только ловил ртом воздух подобно рыбе, выброшенной на берег и лишь через какое-то время с трудом выдал

-Так ведь главная причина успеха была не в религии!!

- И в религии тоже - отрезал Умар, и по- военному шаркнув ногой, вышел из кабинета. Больше по этому вопросу его не беспокоили.

Наступило 5 марта 1953года. Этот день стал переломным в судьбе чеченского народа. Нет более тирана и палача народов Иосифа Сталина. Страна застыла в ожидании перемен. Надеялись на лучшее и чеченцы.

С приходом к власти Н.С.Хрущева, надежда вновь обрести родину и вернуться на Кавказ стала реальностью [1 С.165].

И вот январе 1957года была восстановлена Чечено-Ингушская АССР. Как пишет в своей книге Т.З.Ахмадов, «для организованного возвращения чеченцев из ссылки в Грозный был учрежден Организационный комитет. Возглавил его талантливый партийный и государственный деятель Муслим Гайрбекович Гайрбеков. Членом этого комитета по решению вопросов здравоохранения был назначен бывший военврач У.Д. Цутиев. Под его руководством налаживалась система оказания медицинской помощи возвращающимся на историческую родину чеченцам и ингушам» [3, с.118].

Вернулся с семьей в Грозный и Умар. Приходилось все начинать с нуля, но они не жаловались, напротив, радость захлестывала их, видя до боли знакомые места: красивые проспекты, светлые улицы, парки и скверы Грозного, отчие дома в родовых селах.

Умар в буквальном смысле погрузился в работу, она захватывала его целиком, став вторым домом и принося радость и удовлетворение от своей причастности к процессу возрождения. Все силы, кипучую энергию, опыт и знания отдавал он на благо и во имя процветания родной республики.

Будучи заместителем министра здравоохранения республики, он дневал и ночевал на работе, активно занимаясь вопросами строительства новых больниц, поликлиник, профилакториев, оснащения их новейшими оборудованием, заодно решая и кадровую проблему. Умар Даудович понимал, что без своих национальных кадров решить в полной мере вопросы здравоохранения было невозможным, и делал все зависящее от него, чтобы взрастить новое поколение врачей из числа коренной национальности, тем более потенциала. Уверенно считал Цутиев, народу было не занимать. Многие чеченские юноши и девушки, благодаря Цутиеву были направлены по целевому назначению в медицинские вузы страны.

Однако, и здесь, в Грозном находились лица, которые как когда-то в Киргизии,

пытались грязными анонимками очернить деятельность Цутиева, поставить под сомнение его честь и достоинство.

В своих клеветнических доносах они намеренно искажали и подтасовывали факты, стремясь убедить вышестоящие инстанции в том, что Цутиев руководствуется исключительно корыстными целями, намеренно подавляет инициативу некоренной молодежи, проявляя национализм и субъективизм в подборе кадров.

Такие пасквили глубоко ранили и без того больное сердце Умара. Фронтоник, орденносец, не раз смотревший смерти в лицо, он был совершенно беспомощен в коварной и безжалостной войне доносов.

И тогда Цутиев решает добровольно уйти со своего поста. Он хочет покоя, и нет больше сил, сражаться с невидимым врагом. Его просьбу удовлетворили.

После освобождения с занимаемой должности в 1963 году, он не сразу, но все же назначается главным врачом второй городской больницы г. Грозного. За короткий срок Умар Даудович выводит ее в число лучших больниц г. Грозного. По-другому доктор Цутиев не умел. За какое бы ни брался дело, он всегда делал его добросовестно и честно.

Во вторую больницу стали тянуться люди со всей республики. И Цутиев делал все возможное, чтобы население получало грамотную, квалифицированную помощь. Завистники и недоброжелатели скрипели зубами, но предпринять очередное коварное действие были бессильны - бескорыстие Умара Даудовича и любовь к нему народа были настолько очевидны, что любые попытки очернить его рассыпались в ту же минуту.

9 марта 1971 г Умар Цутиев как обычно пришел на работу, зашел в свой кабинет, переоделся в халат и погрузился в дела. Казалось, ничего не предвещало плохого, но внезапно ему сделалось плохо. Сердце фронтоника не выдержало [2 С.91].

Умар Даудович Цутиев умер на рабочем месте как истинный врач, как настоящий воин, не покидающий поле боя до самого последнего конца.

Литература:

1. Айсханов С.С. Оказание неотложной симультанной хирургической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях. Грозный, 2015.
2. Айсханов С.К., Бадаева Л.А. Байсултанов И.Х. Я клянусь... Врачи-чеченцы в прошедших войнах. Грозный, 2016.
3. Ахмадов Т.З. Первые чеченские врачи. Грозный, 2009.

УДК 94

ЭПОХАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ ОФИЦЕРОВ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ АРМИЙ

ALANDMARK MEETING ON THE ELBE OFFICERS OF THE SOVIET AND AMERICAN ARMIES

И.С. Бацаева,

*аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

I.S. Batsaeva,

*Post - graduate student of the department of the history
of the ancient world and the Middle Ages
FGBOU VO "Chechen State University"*

Статья посвящена событиям завершающего этапа Великой Отечественной войны - встреча советских и американских войск на реке Эльба. С советской стороны первым на Эльбу вышел полк под командованием подполковника Мовлады Висаитова.

Ключевые слова: река Эльба, встреча, район Торгау, советские и американские войска, полк, командир.

The Article is devoted to the events of the final phase of the great Patriotic war, the meeting of Soviet and American troops on the Elbe River. On the Soviet side first to Elba, the regiment came under the command of Lieutenant Colonel Movladi Visaitov.

Keywords: *Elbe river, meeting, the district of Torgau, where Soviet and American troops, the regiment, commander.*

Река Эльба является границей, к востоку от которой начинается та часть Германии, которую немцы называют Остэльбией - опорой прусских помещиков - юнкеров [1, с. 67]. 25 апреля 1945 года в районе Торгау на реке Эльба состоялась легендарная встреча советской и американской армий. Встреча на Эльбе - событие завершающего этапа боевых действий вооруженных сил антигитлеровской коалиции в Европе.

«Весна на Эльбе в этом году выдалась ранней. Уже к концу апреля деревья оделись в свой зеленый наряд, а пойменные луга покрылись пышным ковром цветов и трав», - писал командир 6-й кавалерийской Гродненской дивизии гвардии генерал-майор П. Брикель в своей книге «Повесть о последнем рейде» [1, с. 67].

С советской стороны первым на Эльбу вышел 28 кавалерийский полк под командованием подполковника М. А. Висаитова. Полк этот был в авангарде дивизии, взаимодействовавшей с танковыми и артиллерийскими дивизиями.

«Эльба была шире моего родного Терека. Спокойно несла свои воды на север, и не было ей никакого дела до совершающегося на ее берегу последнего акта драмы», - писал М. Висаитов позже в своих воспоминаниях «От Терка до Эльбы» [2, с. 122].

В апреле 1945 года 28-й гвардейский кавалерийский полк под командованием М.А.Висаитова в авангарде дивизии во взаимодействии с танковыми и артиллерийскими полками в ходе наступления прорвал оборону противника в районе города Шведт (Германия) и овладел населенным пунктом Хаммельспринг и городом Райнсберг. К исходу 2 мая 1945 года полк вышел на реку Эльба и в районе севернее города Виттенберг (Германия) в числе первых встретился с англо - американскими войсками, развернувшими пресловутый второй фронт. За период с конца апреля по начало мая полк Висаитова успел пройти с боями более 170 км, разгромить до 2 полков противника, овладеть 50 населенными пунктами и уничтожить много живой силы и техники противника. Кроме того, полк Висаитова только за эти дни освободил из концлагерей до 3000 советских граждан и более 500 военнопленных [3, с. 3]. За отличные боевые действия личному составу полка М. Висаитова приказами Верховного Главнокомандования четыре раза объявлена благодарность [4, с. 5].

Именно в эти дни, на Эльбе и произошла история, которая вошла в летопись Второй мировой войны. Чеченец подполковник Висаитов был первым советским офицером, который пожал руку командиру передовых американских частей генералу Боллингу. В честь этой исторической встречи подполковник Мовлади Висаитов подарил генералу Боллингу самое дорогое, что у него было - своего боевого коня. Генерал отдал «джип». В те же дни президент США Трумэн подписал представление к ордену «Легион чести» на подполковника Висаитова. Следует отметить, также, что этот орден - награда чрезвычайно редкая и почетная. Достаточно отметить, что в США, если в комнату входит кавалер этого Ордена, присутствующие, включая даже президента этой страны, обязаны встать [3, с. 3]. Мало кто из советских офицеров был удостоен такой чести. И что так же верно, мало о ком писали тогда такие восторженные отклики: «Подполковник Висаитов совершил героические подвиги в связи с операциями союзников против Германии за период с 1 января по 2 мая 1945 года. Проявил качества умелого военачальника, пренебрегая собственной безопасностью под огнем противника во время наступления, завершившегося окончательным разгромом немецких армий и встречей с

американскими войсками на Эльбе. Мастерство, доблесть и отличное выполнение обязанностей, проявленные Висаитовым, обеспечили успех военной операции его формирования» [5, с. 2].

История же с знаменитой по тем временам встречей на Эльбе позже была сфальсифицирована. В исторической науке вместо подполковника Висаитова долгое время фигурировал другой человек - с «правильной национальностью» и с «биографией без подтеков». Справедливость же была восстановлена лишь после реабилитации репрессированных народов в конце 90-х годов XX века. Да и то произошло с подачи американских ветеранов Второй мировой войны, которые прямо и заявили о подмене. Героем же СССР М. Висаитов стал лишь 5 мая 1990 года, посмертно [6, с. 43]. И случилось это благодаря военному корреспонденту Ромэну Звягельскому. Он приезжал в Чечню в 1989 году, узнав об М. Висаитове, был очень удивлен. Тогда Ромэн Звягельский уехал в Тюмень, к командиру части, где, когда - то служил М. Висаитов. После этого он побывал в других городах, собирал материалы, которые в результате сумел передать в руки Горбачева, призвав его ознакомиться с заслугами этого человека и дать ему звание Героя СССР [7, с. 43]. «За личную отвагу и мужество, за искусное вождение полка в трудных условиях боевой обстановки товарищ Висаитов достоин присвоения звания Героя Советского Союза», — писал командир 6-й гвардейской кавалерийской Гродненской дивизии гвардии генерал - майор П. Брикель [7, с. 44]. До дня восстановления исторической справедливости герой Эльбы не дожил всего несколько лет.

Пожалуй, встреча на Эльбе - самое яркое событие, как в жизни М. Висаитова, так и в нашей истории.

Мовлади Висаитов, олицетворявший лучшие черты своего народа, до последних дней своих был в строю. Сегодня его нет среди нас, однако его подвиги останутся в памяти народной, в памяти благодарных потомков, в названиях улиц и площадей, в делах детей и внуков.

Литература:

1. Брикель П.П. На Эльбе /Повесть о последнем рейде. 1984. Грозный. Чечено - Ингушское книжное издательство. С. 67-94.
2. Висаитов М. Встречи на Эльбе / От Терека до Эльбы. 1966. Чечено - Ингушское книжное издательство. С. 118-126.
3. Пуцыгова Э. Кавалер Ордена «Легион чести» // Молодежная смена. 2010. 9 мая. № 37. С. 3
4. Сайдаев В., Духаев А. Первый на Эльбе // Маршо. 2014. 23 мая. №№ 47-48. С. 5-6.
5. Автуринский В. Герой Советского Союза из Нижнего Наура // Вести Республики. 2013. 9 мая. № 87 (2020). С. 2.
6. Цуцулаева С.С. Воины - чеченцы — участники штурма Берлина //ВЕСТНИК Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН 2016. № 1 (23). С.67-73.
7. Звягельский Р. Комполка Висаитов // Советский воин. 1990. 15 апреля. № 5. С. 42-47.
8. Кусаев А. Долгая дорога к Эльбе (к 85-летию М. Висаитова) // Грозненский рабочий. 1998. 24 октября. № 42. С. 5.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ТЕРСКО - ДАГЕСТАНСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ 1917 - МАРТ 1918 ГГ.

ACTIVITIES OF THE TEMPORARY TEREK - DAGESTANIAN GOVERNMENT IN
LATE 1917 - MARCH 1918.

С.А. Бегуев,

*научный сотрудник Отдела Истории народов Северного Кавказа
Института гуманитарных исследований АН ЧР;*

*Старший преподаватель кафедры истории мировой культуры и музееведения ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный университет»*

S.A. Begueev,

*A member of the department of history of the Northern Caucasus
institution of the humanitarian sciences AN ChR;*

*A member of the department of the world culture and museum
FGBOU VO "Chechen State University"*

В статье рассматривается вопрос о деятельности Терско - Дагестанского правительства в конце 1917 - март 1918 гг. Основное внимание уделяется структуре Терско-Дагестанского правительства. Основными задачами Терско - Дагестанского правительства являлись: скорейший созыв Учредительного сейма, обеспечение спокойствия и порядка в крае. А также организация борьбы против революционного движения в городских гарнизонах.

***Ключевые слова:** Терско - Дагестанского правительства, Терская область, Юго-Восточный Союз, учредительный сейм, комиссар, представитель.*

The article discusses the activities of the Terek - Dagestania government in late 1917 - march 1918. It focuses on the structure of the Terek - Dagestania government. The main objectives of the Terek - Dagestania government were: the early conragation of the Constituent Seimas, ensuring peace and order in the region, as well as the organization of the struggle against the revolutionary movement in the urban forts.

***Keywords:** Terek - Dagestania government Terek region, South - Eastern Union, the constituent Sejm, Commissioner, representative.*

Падение Временного правительства в конце 1917 году под ударами большевиков оставило страну без общепризнанной центральной власти.

Повторные попытки политических партий не привели к определенному соглашению по вопросу об организации общегосударственной власти.

Политический кризис разразившийся в апреле осложнялся еще полной хозяйственной и финансовой разрухой и разгорающейся гражданской войной, угрожающей охватить все государство.

Только полное напряжение всех живых сил на местах, согласившихся преследовать общую задачу - спасения общей родины, могла дать надежду на то, что народы России не потонут в кровавых волнах анархии [4, с. 60].

В этих условиях 1-го декабря 1917 года решением совещания представителей Центрального комитета Союза объединенных горцев Кавказа, Войскового правительства Терского казачества и Союза городов Терско-Дагестанского края провозглашается Временное Терско - Дагестанское правительство.

Комиссарами или главноуправляющими ведомствами («министрами») в новом правительстве стали: [5]

комиссар по внешним сношениям - князь Решид-хан Капланов (ЦК горцев);
комиссар по делам финансов - Михаил Карулов (Войсковое правительство);
комиссар по военным делам - генерал Мир-Асад-Бек Талышханов;

комиссар народного просвещения - Валентин Абрамов (Войсковое правительство);
комиссар продовольствия - Ахмед Дударов (областной продовольственный комитет);
комиссар торговли и промышленности - Асламбек Бутаев (ЦК горцев);
комиссар по ведомству контроля - Вассан-Гирей Джабагиев (ЦК горцев);
управляющий делами правительства - К.В. Черкесов (Черкезов) (Союз городов Терской и Дагестанской областей).

Ряд министерских кресел (труда, земледелия, юстиции, почты, телеграфа, здравоохранения, местного самоуправления, путей сообщения) остались вакантными, поскольку предполагалось, что их займут представители городских революционных организаций - рабоче-солдатских и крестьянских совдепов, железнодорожных комитетов, профсоюзов и пр. Вскоре пост временного комиссара юстиции занял Караулов, обязанности комиссара труда были возложены на Черкесова. Заместителями управляющего делами правительства стали чиновники областного правления Борис Борисов и Саукудз Тхостов [3, с. 307].

Таким образом, в сформированное правительство вошли пять представителей ЦК горцев (вместе с генералом Талышхановым, который был рекомендован командованием Кавказского военного округа), два представителя Войскового правительства и два представителя «демократической общественности» - от близкого к социалистам Терского областного продовольственного комитета и от кадетствующего Союза городов. Терско-Дагестанское правительство входило в состав Юго-Восточного союза и работало по его директивам [1, с. 194].

Терско - Дагестанское правительство было создано, в первую очередь для установления «твердой власти» в области. Основными задачами являлись: скорейший созыв Учредительного сейма, обеспечение спокойствия и порядка, борьба с хозяйственной и финансовой разрухой, подготовка соответствующего интересам трудящихся разрешения земельного вопроса, содействие организации, общепризнанной демократической центральной власти и заключения демократического мира [2, с. 199].

Заботой Терско - Дагестанского правительства в первое время было организация борьбы против революционного движения в городских гарнизонах. Были разогнаны Советы в Хасавюрте, осуществлено разоружение гарнизонов Гудермеса, Ведено, Самарской дружины, 44-го батальона и др.

Поскольку Терский Областной исполком с комиссаром не имели реальной власти в Терской области, а Юго - Восточный Союз остался лишь на бумаге, в поисках объединяющего органа управления Кавказье Правительство и Центральный Комитет Союза горцев пришли к выводу о необходимости выделить из себя, пригласив и города, новое объединенное правительство, так называемое «Временное Терско - Дагестанское правительство» [6, л. 13].

Но прежде Центральный Комитет Союза горцев «решил встать на путь фактического осуществления у себя на горской территории федеративно-республиканского государственного строя» и декларацией своей, опубликованной в газете «Горская жизнь» от 6.12.1917 г. № 39, объявил Союз горцев Кавказа автономным штатом Российской федеративной республики, а Центральный Комитет - Временным Правительством Союза горцев Кавказа и взял на себя в пределах территории горцев всю полноту местной государственной власти и частью общегосударственной власти, впредь до образования в России центральной республиканской демократической правительственной власти, через Учредительное Собрание [7, л. 49].

Ясно, что при настоящих условиях центр был бессилён создать порядок, что организация власти должна начаться на местах, чтобы затем местные Правительства могли создать твердую и авторитетную власть, способную осуществить свои обязанности.

Народы Терско - Дагестанского края не могли не стать на этот путь, на котором их уже опередили все соседние области.

Особенные условия, в которых жил край, и которые делают более опасным, чем где-либо, нарушение гражданского мира, повелительно указывали на возможность дальнейшего

промедления в вопросе об организации власти [4, с. 60].

С первых же дней своего существования Терско - Дагестанскому правительству пришлось срочно решать две острые и даже взрывоопасные проблемы - Грозненский кризис и ингушско-казачий конфликт.

8-го декабря 1917 г. Временное Терско - Дагестанское правительство по телеграфу сообщило соседним Правительствам: Закавказскому, Юго - Восточного Союза, Донскому и Кубанскому о начале своей деятельности в следующих словах:

«Отсутствие общепризнанной центральной власти, обостряющаяся с каждым днем хозяйственная и финансовая разруха и опасность возникновения гражданской войны побудили Горское правительство, провозгласившее уже автономию Горского Союза и Войсковое правительство, взявшее в свои руки всю полноту государственной власти на войсковой территории, отказаться временно от части своих полномочий и создать совместно с Союзом городов Терской и Дагестанской областей Временное Терско - Дагестанское правительство, которому предоставлена полнота государственной власти в пределах Края. Комиссарами Правительства назначены: по делам общественного спокойствия - Пшемахо Коцев, по внешним сношениям - Рашидхан Капланов, по финансовым - Михаил Караулов, по военным - генерал Талышханов, народного просвещения - Валентин Абрамов, продовольствия - Ахмед Дударов, торговли и промышленности - Асламбек Бутаев, контроля - Вассан-Гирей Джабагиев, управляющий делами - Черкезов. Ввиду заявления представителей некоторых организаций и необходимости созвать съезды соответствующих организаций, прежде чем высказаться относительно вхождения в состав новой власти, состав Правительства не может считаться окончательным и будет пополнен представителями тех групп, кои выразят на то желание» [4, с. 61].

Устраняя всякую мысль об обособлении от остальных частей государства, Терско-Дагестанское правительство рассчитывает установить с соседними Правительствами и областями тесные и прочные связи, которые должны явиться залогом успеха общих усилий, направленных на спасение общей Родины из бездны, безвластия и разрухи, и создание прочного государственного порядка, удовлетворяющего чаяниям всех народов Российской республики.

Терско - Дагестанское правительство обещало «в кратчайший срок» созвать Краевой учредительный сейм, который «установит окончательно организацию местной государственной власти и разрешит все основные вопросы».

Особое внимание предлагалось обратить на организацию хозяйства, финансов и продовольственного снабжения. В частности, правительство наметило мероприятия, «направленные к смягчению ныне царствующей хозяйственной и финансовой разрухи», а также предполагало объединить снабжение Терека и Дагестана.

Не остались без внимания актуальные социальные и политические вопросы. Терско-Дагестанское правительство обещало заняться подготовкой разрешения земельного вопроса «в соответствии с интересами трудящихся масс». При этом предполагалось незамедлительно организовать земельные комитеты, в ведение которых должны перейти все «земли сельскохозяйственного значения, находящиеся в нетрудовом пользовании».

По вопросу о мире правительство обещало сделать «все зависящее от него» для заключения всеобщего демократического мира.

Прекращение военных действий на Кавказском фронте могло привести к массовой демобилизации, которая при отсутствии порядка угрожала самыми грозными и губительными последствиями. В этой связи Терско - Дагестанское правительство намеревалось «провести целый ряд мер в полном согласии с Закавказским правительством и фронтовыми организациями» [3, с. 308].

По вопросу об организации центральной общероссийской власти авторы декларации присоединились к точке зрения социалистов, настаивавших на создании правительства из всех социалистических партий - от народных социалистов до большевиков. До воссоздания общероссийской власти Терско - Дагестанское правительство собиралось установить

дружественные отношения и прочные связи с соседними региональными правительствами.

В условиях значительного ослабления сил демократической интеллигенции и падения войскового и Горского правительств большевистские организации Терека и руководимые ими Советы рабочих и солдатских депутатов вновь активизировали свою деятельность. Обстановка на Тереке в январе-феврале 1918 г. претерпела значительные изменения. Роль Терско-Дагестанского правительства была сведена на нет [2, с. 206].

Терско - Дагестанское правительство, уже не имевшее никакой власти, еще в январе и феврале продолжает печатать свои приказы и декреты в своем органе «Вестнике» о назначениях и увольнениях и тщетно готовится к выборам в Терско-Дагестанский Краевой учредительный сейм, которому не было суждено родиться на свет [6, л. 60].

В марте 1918 года с провозглашением Терской советской республики Терско-Дагестанское правительство распалось: члены правительства вынуждены были эмигрировать в Грузию, где в мае 1918 года часть из них вошла в Горское правительство.

Литература:

1. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975.
2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. Грозный, 2008.
3. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 - 1918 года. Нальчик, 2012.
4. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.) и Горская Республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 2013.
5. Терский вестник. 1917. 10 дек.
6. ЦГА РД, Ф. п-8. Оп. 3. Д. 240.
7. ЦГА РД, Ф. п-8. Оп. 3. Д. 259.

УДК 94 (470.67)

ЮЖНО - СУХОКУМСК - ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА YUZHNO - SUKHOKUMSK - FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE CITY

З.Б. Газалиева,

ст.преподаватель; аспирант

Дагестанский институт развития образования

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Z.B. Gasaliev,

senior lecturer; PhD student

Dagestans Institute of education development

Institut of History, archeology and ethnography of the DSC RAS

В статье рассматриваются основные аспекты становления Южно - Сухокумска, как рабочего поселка и города. Обозначены успехи промышленности города и трудности его развития на современном этапе его развития.

Ключевые слова: *рабочий поселок, Южно - Сухокумск, нефтяная и газовая промышленность, рабочие, Ногайский район, Кизляр.*

The article considers the main aspects of formation of Yuzhno-Sukhokumsk, as a working village and the city. The marked success of the city's industry and challenges of its development at the present stage of its development.

Key words: *working settlement, Yuzhno - Sukhokumsk, the oil and gas industry, workers, the Nogai district, Dagestan.*

Исследование различных территориальных систем, в том числе городских, в комплексе, позволяет обозначить их общие проблемы и особенности, а также прогнозировать ход их дальнейшего развития, выработать меры по стабилизации. По последним статистическим данным в малых городах России проживает более 70 % городского населения

страны. Характерным явлением стало сокращение населения в них, а также стагнация в социально - экономическом развитии многих из них. Подобные явления присущи и дагестанским городам, в том числе и Южно - Сухокумску, который возник, как и Избербаш, Кизилюрт, Каспийск, Дагестанские Огни, в XX веке.

Южно - Сухокумск - город нефтяников. Расположен он на севере Дагестана в зоне с засушливым климатом, без искусственных и естественных водоемов, рек, ограниченными водными запасами и большими площадями солончаковых земель. Основное производство города - нефтедобыча, которую осуществляет нефтегазодобывающее управление ОАО НК «Роснефть - Дагнефть».

Вторая половина XX в. характеризовалась высокими темпами развития промышленности, сопровождавшимися ростом накоплений в стране и строительством новых предприятий. В республике были построены машиностроительные заводы и предприятия ВПК, многие из которых послужили основой для возникновения ряда городов на основе рабочих поселков, другие были построены рядом с нефтяными промыслами, ГЭС. [3].

В 50-е годы XX в. на основе проведенных сейсморазведки и первичного бурения была выявлена нефте - и газоносность нижнемеловых и юрских отложений в Ногайской степи. Совнархоз, управление «Дагнефть», геологи Дагестанского филиала АН СССР стали уделять большее внимание поиску нефти и газа в Сухокумской зоне. Избербашская контора глубокого разведочного бурения начала бурение, в частности были отправлены опытные бурильщики, геологи, строители, монтажники, работали здесь нефтяники Грозненской области - ЧИАССР.

Первым начальником Южносухокумского участка был назначен З. Закилов, инженером стал В. Дамурчиев, геолог - Н. Феньев, буровые мастера - А. Абубекиров, Н. Тамазов, А. Сапожников. Все три буровые начали бурение в 1958 г., а в мае 1959 г. уже был получен первый фонтан нефти из скважины № 2. Вводились в разведочное бурение перспективные площади: Русский Хутор, Сухокумская, Солончаковая, Степная и др. В 1961 году была организована Южно - Сухокумская контора бурения, в состав которой вошли вышкомонтажный цех, трубная база, ремонтно - механическая мастерская, лаборатория глинистых растворов, тампонажный цех, склад, 14 буровых станков [4].

Численность работающих на промыслах составляла 568 человек. В 1961 г. было создано Ногайское нефтепромысловое управление. За период 1962 - 1965 гг. были введены в строй нефтепровод, высоковольтная линия электропередач, завершено строительство газопровода Южно - Сухокумск - Камыш - Бурун, было открыто 6 новых крупных месторождений нефти и газа, что позволило резко увеличить добычу полезных ископаемых. К 1969 г. было открыто 13 газовых месторождений в республике, причем наиболее крупными были - Сухокумское, Солончаковое, Русский Хутор, Степное.

Одновременно с буровыми работами началось строительство рабочего поселка, первые рабочие жили в палатках, но условия жизни в степи были очень тяжелыми: сильная жара летом, ветры и морозы зимой. Поэтому уже в августе 1958 г. были построены первые жилые дома для нефтяников, в которых были выделены комнаты под медицинский пункт, под «красный уголок», столовую. Велось активное строительство объектов нефтедобычи, автомобильной дороги от Кочубея до Нефтекумска, линии электропередач и связи, жилых домов, школ, детсадов, больницы, столовой и других жизненно - важных объектов [4].

В марте 1963 г. Южно - Сухокумск был образован как рабочий поселок и центр поссовета Южно - Сухокумск в Караногайском районе. Не ранее 10 сентября 1964 г. и не позднее 1 января 1965 г. он был передан в административное подчинение г. Кизляра, в составе двух населенных пунктов - пос. Южно - Сухокумск и с. Восточно - Сухокумск. А 10 марта 1983 г. поселок стал городом республиканского подчинения [1, с. 131].

Появление благоустроенного жилья способствовали притоку нефтяников, приезжавших со всех регионов СССР. Также следует отметить, рост миграции сельского населения Дагестана в поселок - поселок городского типа, а затем город - Южно - Сухокумск, территориально находящийся в Ногайском районе. Бурное развитие нефтегазовой добычи на самом севере республики привело к росту численности населения Южно - Сухокумска до 10

тысяч человек. С миграционной точки зрения, Южно - Сухокумск был достаточно привлекательным, так как зарплаты в добывающей промышленности были достаточно высокими, да и поселок застраивался современными панельными домами, в которых рабочие получали квартиры улучшенной комфортности.

Ныне коллектив нефтяников города ведет разведку и разработку нефтяных месторождений, добычу нефти и газа и их подготовку, транспортировку, а также строительно-монтажные и ремонтно-строительные работы. Ежегодно Озерное, Равнинное, Таловское, Русский хутор и другие месторождения дают в среднем 340 - 360 тысяч тонн нефти. В тоже время идет сокращение объемов нефтедобычи, что влечет за собой сокращение рабочих мест. Многие скважины давно истощились, а новые вводятся в эксплуатацию редко [5].

Помимо развития добывающей промышленности в городе получили развитие и другие отрасли промышленности. В 1974 г. появился Южно - Сухокумский электромеханический завод, как электромеханический цех № 57 Кизлярского электромеханического завода, созданный приказом директора Кизлярского электромеханического завода № 1090. В 1986 г. он был преобразован в филиал КЭМЗ, а в 1989 г. на базе филиала приказом Министра Авиационной промышленности СССР № 21 от 16 января 1989 г. цех № 57 преобразован в Южно - Сухокумский электромеханический завод в составе Кизлярского электромеханического производственного объединения. 19 декабря 2002 г. Южно - Сухокумский электромеханический завод был переименован в ОАО «Южно - Сухокумский электромеханический завод в составе концерна КЭМЗ» [4].

После распада Советского Союза прекратились государственные заказы на продукцию завода, прервались экономические связи с предприятиями, поставляющих комплектующие изделия. За 1990 - 2010 гг. число работающих сократилось почти в 10 раз. Но, несмотря на все трудности, завод сохранил свои производственные площадки и актив рабочих. Завод производит по заказам продукцию оборонного назначения и товары народного потребления. Общий объем произведенной продукции в 2010 г. составил 16,9 млн. рублей. Сегодня завод кроме товаров народного потребления выпускает блоки управления для авиационных лебедок, детали для автомобильной газотопливной системы. Ежегодно наращиваются объемы реализованной продукции, в 2009 г. - 13 053,6 т.р., в 2011 г. - 18037,0 т.р [4].

В 2011г. реализация промышленной продукции Южно - Сухокумска составила более 1,5 млрд. руб., это 4 процента от общего объема отгруженной продукции в Дагестане. В 2010 г. по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» наибольшую долю в общем объеме отгруженной продукции в республике занимает Южно - Сухокумск - 59,4.

Кроме структурных подразделений ОАО НК «Роснефть - Дагнефть» в городе функционирует ООО «Фракойл», районные электросети, газовая служба, субъекты малого и среднего предпринимательства [4].

В этом самом северном и молодом городе республики действуют учреждения бюджетной сферы: Центральная городская больница, поликлиника, ФАП, отделение скорой помощи, пять общеобразовательных школ, одна вечерняя школа, три детских садика, два учреждения дополнительного образования, школа искусств, профессиональное училище, учреждения социальной защиты населения, культуры.

Дом пионеров и школьников в г. Южно - Сухокумск был открыт в 1980 г., чуть позже был открыт кинотеатр. [2, с. 142]. *Любимым местом отдыха для сухокумчан стал парк культуры и отдыха им. Малогусейнова.*

Нужно отметить, что численность населения города не велика, рост горожан наблюдался от создания Южно-Сухокумска до начала 90 - х гг., затем пошло снижение численности населения из-за падения промышленного производства. С середины 2000-х гг. число горожан остается примерно на одном уровне - чуть более 10 тыс. человек. Так, в 1970 г. численность населения Южно-Сухокумска составляла 7910 человек, в 1979 г. - 10403, в 1989 г. - 12246 человек, в 1998 г. в городе проживало 9200 человек, в 2007 г. - 10400, в 2015 г. - 10359 [6].

Город расположен в [Ногайской степи](#) на пересыхающем южном русле р. [Кумы](#) (Сухая

Кума), на границе со [Ставропольским краем](#), на самом «севере» Республики Дагестан. Климатические условия здесь весьма тяжелые, город удален от столицы республики, что не способствует привлекательности его для переселения, в то же время, если добывающая промышленность города преодолеет кризис и получит «второе» развитие, то и сам город получит новый импульс в своем развитии.

Литература:

1. Историко - архивный справочник административно - территориального деления Дагестана за 1920-2000 гг. Махачкала, 2008.
2. Кизляр орденоносный. Махачкала, 1995.
3. Лысенко Ю.М. Проблемы развития малых и средних городов Дагестана в XX веке (на примере г. Кизляра) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной научной конференции. (17-18 сентября 2012г.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. С. 359- 362.
4. Нефтяная отрасль, промышленное развитие [Электронный ресурс] Сайт администрации Южно - Сухокумск // <http://yuzhnosuhokumsk.ru/city/economic> (дата обращения 28.10.2016).
5. Сидоров А. Нефтяные перспективы Дагестана // <http://www.interfax-russia.ru/South/view.asp?id=125621> (дата обращения 28.10.2016).
6. Южно - Сухокумск [Электронный ресурс] Сайт: Свободная энциклопедия «Википедия» // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AE%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D0%A1%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D1%81%D0%BA> (дата обращения 28.10.2016).

УДК 929.5 (ЧЕЧ)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДА ШАЛИ

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CITY OF SHALI

Гарсаев Л.М.,

*д.и.н., зав. отделом этнологии ИГИ АН ЧР, профессор
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

*г.н.с. лаборатории этнологии и археологии Комплексного научно-исследовательского
института им. Х.И. Ибрагимова РАН*

Garsaev L.M.;

*Comprehensive Research Institute of Russian Academy of Sciences named after H. Ibragimov,
Institute for Humanities Research, and Academy of Sciences of the Chechen Republic,
FGBOU VO "Chechen State University"*

Гарсаева М.М.,

старший преподаватель кафедры чеченской филологии ЧГПУ

Garsaeva M.M.

Chechen State Pedagogical University

Статья посвящена историко - этнографическому описанию г. Шали с древнейших времен до наших дней. Рассмотрены варианты версий, связанных с его возникновением. Освещены топонимия, гидронимия и тайповый состав села, обозначена роль известных людей из шалинцев в чеченском социуме с XIX в. до наших дней.

***Ключевые слова:** Шали, Ведено, Бассовское ущелье, имам Шамиль, Кунта-Хаджи, Большая Чечня, Идарз, Окиа, Эрсаной.*

The article is devoted to historical and ethnographic study of Shali from ancient times to the present day. Consider options for version associated with its occurrence. When covering toponymia, gidponymia taypovy of the village and the designation of the role of famous people shalintsev in Chechen society to the nineteenth century. To the present day.

Keywords: Shali, Veden Gorge Bassovskoe, Imam Shamil, Kunta-Haji, Big Chechnya Idarz, Oksha, Ersanoy.

Великий сын чеченского народа, мудрый и мужественный человек, ученый богослов, крупный государственный деятель, дипломат и политик, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров отмечал: «Патриотизм начинается со своей семьи... Каждый чеченец должен знать историю своего тайпа, селения, страны...» [1, с. 21].

Настоящая тема статьи представляет собой малоисследованную проблему в чеченоведении. Попытки осветить историю чеченских сел в целом в отечественной исторической науке делались крайне редко [2, с. 94].

В Чеченской Республике насчитываются более 430 поселений различного типа, в т. ч. 5 городов, среди которых одним из крупных является г.Шали. Шали - административный центр Шалинского муниципального образования. Он расположен в южной части Чеченской равнины в красочной местности посреди вековых лесов на реках Джалк (правый приток Сунжи, бассейн Терека), Басс и Ахк в 36 км. к ю.- в. от Грозного в предгорной полосе, где преобладает мягкий климат со своей неопишуемой фауной и флорой.

С древних времен аул Шали являлся столицей плоскостной Чечни и, вместе с тем, крупнейшим духовным, ремесленным, торговым, культурным и политическим центром Северного Кавказа.

Согласно переписи, на 15 ноября 2012 года численность населения г. Шали составляла 49967 человек. До распада СССР Шали считался самым крупным селом в мире по численности населения.

Для сравнения: согласно полевому материалу, даже в XIX в. Шали был центральным, одним из самых важных и больших аулов Большой Чечни, насчитывающим более 9 тыс. жителей. Поэтому в народе о Шали говорили - 9 эзар кГур болуш (9 тыс. дымов) Шела - Шахьар.

Особо следует отметить, что Шали всегда был в авангарде всех судьбоносных событий в Чечне.

О его военно-стратегической важности и практической значимости в ходе Кавказской войны говорят следующие исторические факты.

В 1825 году Шали был одним из центров народного движения, во главе которого стоял Бей-Булат Таймиев - «одна из ярких фигур в тогдашнем движении чеченского народа» и один из наиболее «дерзких разбойников» [5, с. 124].

Во время Имамата Шамиля Шали нередко служил его временной резиденцией. Здесь собирались чеченцы не только из Большой, но и Малой Чечни, вследствие чего русские войска не раз уничтожали аул, но он опять возрождался из пепла.

По историческим данным, начиная с 1850 г., когда отрядом генерала Козловского была проложена Шалинская просека через дремучие леса, окружавшие аул, и до 1858 г. - все военные действия в Чечне происходили главным образом вокруг Шали. У входа в Бассовское ущелье с южной стороны аула было создано крупное военно-инженерное укрепление, называемое «Шалинские окопы», построенное талантливым военным инженером Имама Шамиля Хаджи-Юсупом Сафаровым, воспитанником Константинопольского кадетского корпуса, полковником Египетской армии правителя Али Мухамеда, главным реформатором Имамата, чеченцем из тайпа Дишни, родом из БухІан - юрт. Они неоднократно уничтожались русскими войсками, но снова восстанавливались чеченцами [5, с. 239].

Захват неприятелем Бассовского ущелья лишило бы чеченцев возможности помогать друг другу и прекратило бы любого рода сообщение Шали с Ичкерией. Это само по себе имело не только военно-стратегическое и морально-психологическое значение, но и создавал плацдарм, откуда можно было двигаться по Бассовскому ущелью в сторону Ведено, в резиденцию Имама Шамиля.

В марте 1857 г. генерал Евдокимов устроил близ села укрепленный лагерь, послуживший опорным пунктом для дальнейшего движения вверх по ущелью реки Басс на аул Таузен (Тевзан) и дальше к Ведено.

18 января 1864 г. под укреплением Шали и одноименным селением Чеченского административного округа произошла кровавая трагедия, вошедшая в историю Чечни как «шалинская бойня» или «шалинский кинжальный бой». В этот день карательными правительственными войсками под командованием генерал-лейтенанта князя А.Г. Туманова из пушек было расстреляно мирное многотысячное шествие последователей учения *зикр*. Согласно официальным данным, на месте кровавого злодеяния остались лежать убитыми 164 человека, в т. ч. 6 женщин. Глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Кадыров уточнил число погибших мюридов в этой мирной акции в поддержку своего устаза. Их было более 300 - безоружных и доверчивых людей. По его распоряжению кладбище уже очищено от кустарников и составлен список мюридов, похороненных там.

В настоящее время район кладбища благоустроен и доступен для паломничества верующих.

После кровавой бойни в Шали начальник Терской области М.Т. Лорис - Меликов публично запретил исполнение религиозного обряда *зикра* во всей Чечне. 26 января 1864 г. в крепости Грозная были собраны все наибы и сельские старшины Чечни, которым было объявлено, что они должны немедленно схватить главных виновников и всех подстрекателей *зикристского* движения. По свидетельству командующего Кавказской армией, «требование — это приказано было исполнить не позже 1 февраля 1864 г.» [5, с. 407].

Большинство руководителей (18 человек) и 508 рядовых участников движения были арестованы и сосланы в глубь России на каторжные работы с последующим поселением их в Сибири. Сослали и тех мюридов, которые не принимали непосредственного участия в шествии 18 января 1864 г. в Шали, но являлись активными сторонниками «*зикра*». Сам шейх Кунта - Хаджи был отправлен в селение Устюжино Новгородской губернии на бессрочное поселение. Последние сведения официальных документов о нем относятся к 19 мая 1867 г. [5, с. 407].

Таким образом, многотысячное шествие мирного населения с просьбой об освобождении шейха Кунта - Хаджи закончилось расстрелом безоружных. Но возникает вопрос: с какой целью было совершено это кровопролитие, на что рассчитывали колониальные власти? Анализ имеющегося документального материала недвусмысленно показывает, что едва в 1859 г. завершилась Кавказская война, как высшее военное командование стало планировать выселение из Чечни той части населения, которая, на их взгляд, продолжала проявлять «беспокойство». Так, 26 апреля 1861 г. командующий войсками, и начальник Терской области генерал Евдокимов писал: «Полагаю полезным для народа и правительства удаление беспокойных людей» (в Турцию - Л.Г.) [5, с. 408].

После ликвидации ЧИАССР в 1944 г. и до возвращения чеченцев домой Шали носил название Междуречье. После восстановления ЧИАССР в 1957 г. населенному пункту возвратили прежнее историческое название - Шали.

Археологические, исторические, этнографические и фольклорные данные свидетельствуют о том, что Шали первоначально как населенный пункт возник в конце II - начале III веков н.э. и представлял собой строения из камня и сторожевой башни.

О происхождении названия Шали (ШЕЛА - чеч.) существуют много версий и все они носят, безусловно, дискуссионный характер.

Вот что пишет по одной из версии известный кавказовед, профессор К.З. Чокаев, уроженец Шали из древнего тайпа Эрсаной [7, с. 343-344].

Итак, Шали (русс.), Шела/Шиела (чеч.), видимо, тюрского происхождения. По историческим сведениям, одновременно здесь проживали представители различных тюркских народов с древнейших времен - печенеги, половцы, гунны (IV в. н.э.), кипчаки, ногайцы, татаро-монголы, кумыки.

Интересующий нас ойконим (см. также первую часть гидронима Шела - ахк - небольшая речка, протекающая по северной окраине г. Шали), а также имеется место, называемое Шела-ахке. Есть еще и др. варианты: Шелие, Шели - чу, Шела - тлие, соответственно в Шали, на Шали, в сторону Шали.

Прежде чем приступить к реконструкции ойконима отметим то, что многие топонимы,

на каком бы языке они не звучали, отражают характерные особенности места основания - природные особенности земли, растительность, качество почвы и т.д. Сказанное относится ко многим языкам, в частности, и к тюркским.

По мнению К. З. Чокаева, в основе ойконима Шали (Шиела) лежит тюрк. чие - дерево с маленькими черными плодами, напоминающими дикие вишни с горьковатым привкусом (см. чеч. чай-бал). По рассказам старожилы - природных шалинцев, на месте, где находится ныне город и в его окрестностях, и даже в пойме реки Басс росли указанные деревья.

Здесь же отметим, что на Шалинской плоскости (Шелахойн аре) отмечены и другие топогидронимы тюркского происхождения: см., к примеру, р. Джалкх (от тюрк. Джайлык-лык - суф. места, джай - пастбище), Атага (от тюрк. Тугай - пойма); Чир-юрт (от юрт - тюрк. село, поселение), Мескер-юрт (от тюрк. мескер - старый, юрт - село); Гермачиг (русс. Герменчук - маленькая крепость - тюрк.) и т.д. [7, с. 343-344].

Кстати, некоторые из приведенных названий, в т.ч. и Шали, отмечены и в других регионах, где побывали тюрки: см. Кременчук (Украина), Гермеццык (Осетия), Герменчук (Кабардино-Балкария); Шалиб, Чири-юрт (Дагестан) и т.д. Все это также говорит в пользу тюркского происхождения ойконима. Таким образом, мы указываем последний с тюркским чие (вар. шие + ли - тюрк. суф. места); см. тюрк. Чигла от чиг «сырой, незрелый», - ла - суф, Чамлы от чам - хвойное дерево, ель, сосна; Балыклы от балык - рыба, - лы - суф.; Тогли от тог - гора, - ли - суф. и т.д. Как видно, суффикс, указывающий на место, может варьироваться - лы, - ла, -ли. [6, с. 86].

Таким образом, Чиели, Шиели (ср. чеч. Шели) расшифровывается как место, заросшее деревьями с дикими вишнями, указанными выше. Отсюда и чеч. чей-бал - «дикая вишня», а не чай-бал (чайная вишня), как могут подумать расшифровщики, исходя из созвучия. Не имеет ли отношение к данному названию название (ороним) Чил - дукъ - хребет Чил, который возвышается над с. Сержень-юрт (Сиржа эрсаноевец - Л.Г.) и тянется далее в сторону Шали. Такую связь нельзя исключить, если учесть, что эрсанойцы, основавшие село Шали, первоначально располагались именно на Чил-дукъ и, спустившись оттуда ниже между Джалкх и Басс. могли назвать свое новое поселение именем прежнего места обитания.

И, наконец, в народной этимологии Шали от «Шелиг» - кадка, неприемлема с точки зрения науки и является плодом народной фантазии, основанной на созвучии Шела и Шелиг [7, с. 343-344].

Началом нынешнего Шали можно считать район между рр. Джалкх и Басс. население которого хоронили умерших на эрсаноевском кладбище, расположенном возле Шалинской средней школы № 4. Это эрсаной юкъ или 3 (третий) из 11 куп (квартал). Здесь и сегодня живут эрсанойцы, относящиеся к родам Идарз-некъий, МицлалгIа - некъий, Окуш - некъий и немного Буртахой. Кстати, в Буртахойн юкъехъ (Буртахоевский квартал) часто бывал Великий гуманист и миротворец Устаз Кунта - Хаджи. Еще раньше, до прихода в Эрсаной-юкъ, надо полагать, Окуш-некъий и Идарз-некъий, будучи потомками двух братьев Идарз и Окуш, заселяли Идарз-кIотар (хутор), развалины которого находятся на восточной окраине Шали, там, где находятся Чергазойн кешнаш (кладбище черкесов) [3, с. 230].

Известный журналист и публицист И. Ирисханов, уроженец Шали из тайпа Энгиной, сообщает, что в XIII - XV веках после ослабления и распада Золотой Орды, чеченским племенам удалось осуществить давнее стремление переселиться с гор и выйти на плоскостные земли. К этому чеченцев издавна толкали страшная земельная теснота и постоянная угроза голода.

По его мнению, и согласно полевому материалу, в средние века на равнину потянулись, и дальние предки шалинцев. Как было отмечено, нынешнюю территорию Шали основали братья Идарз и Окша со своими родственниками, принадлежавшими древнему чеченскому тайпу эрсаной. Идарз и Окша на Шалинскую равнину пришли из Нашхоевской котловины, оставив там латку на общем чеченском котле тайпов, где обитали многие представители коренных чеченских тайпов. Идарз поселился на юго - востоке, обосновав хутор Идарза (Идарзан - кIотар), а брат Окша - на юго - западе, на противоположном берегу

реки Басс.

Издrevле чеченский аул Шали являлся не только крупнейшим торгово-экономическим и политическим центром Северного Кавказа, но и многонациональным и многотайповым поселением. Тайповое многообразие в г.Шали, как и по всей Чечне - древняя особенность региона [5, с. 412]. В настоящее время в Шали, деля горе и радость, компактно проживают представители следующих чеченских тайпов - элистанжой, эгишбатой, харачой, курчалой, цонтарой, беной, шарой, ригахой, энганой, алларой, белгатой, шоной, чиннахой, макажой, чартой, ачалой, шотой, аьккхий, г1урой, г1ажарой, представители народов Дагестана г1азг1умки (лакцы), г1умки / таркхой (кумыки), суйли - (аварцы), а также русские и другие.

Еще в 40-е годы XIX века царские власти начали проводить политику насильственного выселения чеченцев со своих плоскостных земель. Царизм нес жестокий гнет горским народам. Лучшие земли раздавались царским слугам и забирались в казну. Земли и леса, расположенные вокруг Шали, также были розданы царским приспешникам. Ущемление прав горцев на землю вызывало открытое недовольство населения.

Колонизация чеченского края Российской империей в пореформенный период проводилась, как известно, в наихудшем варианте - в форме территориальной экспансии, с изгнанием коренных жителей со своих исконных земель. В результате этого проблема малоземелья - постоянного спутника северо - кавказских народов, и в частности чеченцев, - еще больше усугублялась. Стратегия российской колонизаторской политики сводилась к простой формуле - им нужна была благодатная земля Северного Кавказа, но не нужны ее коренные жители [5, с. 414].

Проводимая политика угнетения национальных окраин России вызвал рост антиколониального, национально - освободительного движения под руководством имама Шейха Мансура, затем и имама Шамиля.

Многие известные события в Чечне происходили в шалинских лесах. В ауле Шали пребывал первый имам Чечни и Северного Кавказа - шейх Мансур из тайпа Элистанжой [4, с. 27]. В окрестностях Шали происходили ожесточенные боевые схватки в период Кавказской войны под предводительством имама Шамиля.

Особенно памятны людям места в Шали, где пребывали великие религиозные деятели Чечни - Ташу - Хаджи Саясановский, Кунта - Хаджи Илсхан - юртовский, Бамат - Гирей - Хаджи Автуринский, Али Митаев, Элах - молла, Докку Шаптукаев и другие.

В Шали жили и осуществляли свою духовную деятельность крупнейшие религиозные просветители Авта - хаджи, Шамсуддин - хаджи, Соип - молла Гайсумов, Хажмурд, Молла Ахьмад, Илсха (Амма), Ида, Абдул -Вадуд (Воода), Къахьарма-хаджи и другие. Отсюда родом был наиб имама Шамиля, начальник его артиллерии, мудир Большой Чечни Талхиг из тайпа Курчалой. Человек очень умный, отчаянный храбрец, участник многих дерзких вооруженных нападений на противника, Талхиг был верным соратником Шамиля.

Именно Талхигу приписывается разработка тактики «кочующих батарей», которые после короткой стрельбы меняли место, не давая российским войскам достаточно времени, чтобы обстрелять их. Он же первым ввел в практику весьма эффективные ночные артиллерийские обстрелы российских позиций. Для обороны Большой Чечни важное значение имел так называемый Шалинский редут, построенный наибом Талхигом [5, с. 413].

Кстати будет сказано, что многое из опыта кавказских горцев было затем использовано российской военной наукой, в т.ч. при сооружении временных укреплений во время обороны Севастополя в период Крымской войны (1853-1856гг.) [5, с. 414].

Задолго до образования административного центра шалинцы имели торговые, хозяйственные и культурные связи с представителями многих народов кавказского региона.

Шалинский район с райцентром Шали в составе Чечено-Ингушской автономной области был образован постановлением Чечревкома от 20 октября 1920 года.

Начиная с августа 1918 года добровольцы из Шали в составе Чеченской Красной Армии храбро сражались с белогвардейскими полчищами. После окончания Гражданской войны, отложив оружие, шалинцы, как и другие представители народов Чечни, принялись

восстанавливать разрушенное хозяйство - нефтекомплекс, заводы и фабрики в нашем регионе.

По сообщению журналиста И.Ирисханова, именно в это время, весной 1921 года в Шали появились русские агрономы, учителя и врачи. На территории нынешней центральной больницы была построена небольшая амбулатория. Затем на территории санэпидстанции была возведена первая общеобразовательная школа. Советская власть в Чечне ставила задачи обучения чеченцев русской грамоте, лечения больных методами традиционной медицины, внедрения элементов пролетарской культуры.

До сих пор в памяти старшего поколения остались первые учителя супруги Устименко Сергей и Мария Павловна, учившие их читать и писать.

В те годы в Шали функционировали известные медресе, где обучали арабской грамоте. К примеру, среди многих выпускников духовных заведений были, и представители Веденского района, как элистанжинцы Дата - Молла, Болатхан - Молла и др. Советская власть провела реформу письменности: в 20-х годах XX века среди чеченцев начали внедрять латинскую графику, а в 1938 году чеченская письменная графика была переведена на кириллицу.

Власть внедряла в быт чеченцев достижения техники того периода. В Шали была построена первая паровая мельница, на полях появились тракторы английской фирмы «Фордзон».

В республике зарождается национальная интеллигенция. Свой вклад в развитие экономики, науки и культуры Чечено - Ингушетии внесли выходцы из Шали: инженер завода «Красный молот» Якуб Езиев, Салавди Зармаев, ученые - Абдул - Халим Саламов, Ахмед Мадиев, Заид Мусаев, журналист Али Пайхаев, партийные деятели - Алак Геиев, Ширвани Дачаев, Зелимхан Межидов и другие.

Большевики, как и всем горцам региона, обещали шалинцам свободу, землю, равноправие. Однако крестьян насильно загоняли в колхозы, изымали лошадей, скот, земельные наделы. Тысячи зажиточных крестьян были раскулачены и высланы. Земледельцы осуждали насильственную коллективизацию. Все эти карательные действия привели к тому, что в 1929 году в с. Шали бывший командир Красной Армии Шита Истамулов поднял вооруженное восстание, которое впоследствии было названо чеченцами «ШитIи тIом». Восстание было жестоко подавлено, а Шита расстрелян чекистами. Многих религиозных деятелей из с. Шали было арестовано и сослано в Сибирь.

В годы Великой Отечественной войны сотни солдат и офицеров из Шали сражались на разных фронтах с немецко-фашистскими полчищами. К высокому званию Героя Советского Союза были представлены шалинцы Зайнди Халидов и Али Дергиев, но заслуженные награды они так и не получили. Видимо, помешала пятая графа в паспорте.

В 1944 году шалинцы, как и весь чеченский народ, были насильно высланы в Казахстан и Киргизию. Незаслуженно были репрессированы те, кто создавал грозненскую промышленность, участвовал в колхозном строительстве, защищал Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Несмотря на тяжелое положение, голод, болезни, шалинцы в Казахстане и Киргизии принимали участие в восстановлении промышленности и сельского хозяйства страны.

В 1957 году XX съезд КПСС вынес известное постановление о реабилитации репрессированных народов. Чеченцы и ингуши возвратились на историческую Родину - восстановленную Чечено-Ингушскую Республику. С первых же дней восстановления она превратилась в огромную строительную площадку. Во всех районах республики люди активно строили себе жилые дома.

Сотни абитуриентов из Шали в те годы поступили в вузы страны и освоили профессии инженеров, врачей, учителей, агрономов и т.д.

В Шалинском районе в 70 - 80 гг. был сосредоточен значительный промышленный потенциал, где функционировали Чечено - Ингушский цементный и сахарный заводы, Аргунский завод «Пищемаш», Северо - Кавказская бройлерная птицефабрика, птицефабрика «Кавказ», завод железобетонных изделий, кирпичный завод, строительные организации, пивзавод, райпищекombинат.

Значительно вырос в 70 - 80 годы минувшего века объем сельскохозяйственной продукции. В районе были осуществлены мероприятия по комплексной механизации аграрного сектора экономики.

В эти годы в Шали были построены новые жилые дома, школы, учреждения культуры, бытового и социального обслуживания.

Крупные изменения в Шали произошли в жилищно-бытовой и социальной сферах. В народном хозяйстве работали специалисты с высшим и средним специальным образованием.

За последние три десятка лет до начала военных действий г. Шали заметно преобразился. Были проложены добротные дороги, возведены мосты, открыты магазины, торговые центры, кафе, столовые и рестораны.

Военные действия 1994 - 96 гг. принесли непоправимый урон как республике, так и городу Шали. Горе, опустошение, разруха сменили мирную жизнь. Убиты сотни людей, разрушены дома, парализованы промышленность, транспорт, связь, агропромышленный комплекс. Возникла массовая безработица. Особенно запомнилось шалинцам 3 января 1995 г. В этот день ракетным ударом федеральных сил по центральному рынку города Шали было убито около 300 человек детей, женщин и стариков.

Благодаря мудрой политике, проводимой Героем России, Главой Чеченской Республики в Шали полностью восстановлена инфраструктура города после двух разрушительных компаний, а также объекты экономики, образования, здравоохранения, культуры и спорта.

Литература:

1. Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М. Историческое общество Беной // Вестник АН ЧР. Грозный, 2015. № 3 (28). С. 21 - 27.
2. Гарсаев Л.М., Гарасаев Х-А.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С., История села тайпа Элистанжой - Хоттунни и родословной Моцу - его основателя // Вестник Чеченского государственного университета. Грозный, 2014. Вып. 2. С. 94 - 98.
3. Гарсаев Л.М., Гарасаев Х-А.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. К вопросу об этническом обществе Гуьна (Гуной) // Труды КНИИ РАН. Грозный, 2014. Вып.7. С. 230 - 234.
4. Гарсаев Л.М., Гарасаев Х-А.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX-нач. XX вв. Саратов: издательство «Наука», 2010; Гарсаев Х.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX - нач. XX вв. Саратов: изд - во «Наука», 2009.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2015.
6. Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М., 1996.
7. Чокаев К.З. Иилмане шога некъ (Тернистый путь в науку). Грозный, 2010.

УДК 9(с)16

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИКО - АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ НИЗОВИЙ ТЕРЕКА

ON THE FORMATION OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MAPS LOWER REACHES OF TEREK

Н.Н. Гарунова,

*д.и.н., профессор кафедры истории России XX - XXI вв.
Дагестанского государственного университета*

N.N. Garunova,

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History
of the Twenties and Twenty - First Centuries.*

Dagestan State University

*Рассматриваются вопросы, связанные с месторасположением городища
«Трехстенный городок», уделяется внимание первым крепостям в Низовьях Терека,*

сопоставлению сведений о «Трехстенном городке» и городе Терки. Анализируются теории, согласно которым жизнь в Низовьях Терека была невозможной из-за трансгрессии Каспийского моря. Приведены аргументы, позволяющие считать, что ни о каком непрерывном падении уровня Каспия за историческое время не может быть и речи. Особое внимание уделяется работам Л.С. Берга, Е.И. Крупнова, Л.Н. Гумилева.

Ключевые слова: "Трехстенный городок", город Терки, казаки, Каспийское море, крепость.

The problems associated with the location of the settlement "trójścienna town", focuses on the first fortresses in the lower reaches of the Terek, the comparison of information about "trójścienna town" and the city grater. Analyzes the theory according to which life in the lower reaches of the Terek was impossible because of the transgressions of the Caspian Sea. The arguments for believing that about any uninterrupted fall of the sea level for the historical time can not be considered. Particular attention is paid to the work of L.S. Berg, E.I. Krupnova, L.N. Gumilyov.

Keywords: "Tryokhstenny gorodok", Terki town, cossacks, the Caspian Sea, the fortress

До недавнего времени считалось, что жизнь в Низовьях Терека была невозможна вследствие низменного положения местности и частых трансгрессий Каспийского моря. Возможно, что это положение сохранялось, по крайней мере, с XIII по XIV вв. Е.И. Крупнов считал, что никаких следов пребывания в этих местах сарматов, алан, гуннов, хазар, половцев и др. не обнаружено [9, с. 36]. Этой же точки зрения придерживается, и исследователь края Д.С. Васильев, который полагает, что в указанный период низменные районы Терека были полностью затоплены морем; следовательно, если бы до этого здесь существовали чьи-либо поселения, то они были смыты и занесены аллювием. Под низовьями Терека условимся рассматривать территорию, ограниченную руслом Старого Терека от г. Кизляра, и его рукавами, известными в источниках под разными названиями: Тюменка, Илга - Бурун, Кура - Терек, Копай, Быстрая, ныне сохранившиеся под названиями Прорва, Средняя Таловка [2, с. 13].

Но 2 - 3 тысячи лет тому назад ныне полупустынные районы севера Дагестана, в том числе Ногайская степь, имели более влажный климат, богатую растительность, леса, полноводные реки. Местное население занималось скотоводством и земледелием [3, с. 49]. Хотя вопрос о влиянии трансгрессии и регрессии Каспийского моря на условия жизни, населяющих низовья Терека народов, поднимался неоднократно, данный район продолжает оставаться "белым пятном" на историко-археологической карте Низовий Терека [4, с. 150].

Одним из значимых городов - крепостей Низовий Терека был Терский город, который представлял собой весьма сложный социально - культурный организм, сложившийся в специфических геополитических условиях. Выполняя пограничную службу, являлся форпостом восточной политики Русского государства, центром дипломатических связей с кавказскими феодальными владетелями, Грузией, Ираном, а позже с Индией и другими восточными государствами. Как указывает исследователь Е. Нарожный «Терки был поставлен в низовьях Терека еще в 1588 г., на одном из рукавов этой реки» [10, с. 5]. Однако в вопросе месторасположения до сих пор нет необходимой ясности и единой точки зрения, поэтому часть исследователей отождествляет город с одной из крепостей Терки малоизученное Трехстенное городище [12, с. 352]. Археологические работы в регионе не проводились, что конечно же усложняет задачу локализации крепости. Побывавший в 1935 году в Низовьях Терека Е.И. Крупнов, на момент фиксации крепости, указал не только три земляных вала, но и подтрапещиевидную планиграфию.

Этот пробел в какой - то мере был восполнен коллекцией материалов, собранных в своё время кизлярским краеведом В.А. Мясковским. "Фактически она демонстрирует динамику обживания Кизлярщины с эпохи камня вплоть до позднего средневековья." Каменный век представлен наконечниками стрел, кремневыми отщепами, ножами, сколами. Эпоха бронзы представлена керамическими изделиями этого времени, а также каменным топором, керамическим молотом и пр. Представлена эпоха раннего железа, раннего

средневековья, позднего средневековья: “Прежде всего, это - золотоордынская поливная керамика с низовой Терека и Ногайской степи, несколько медных золотоордынских монет XIII - XIV вв., перекрестие от сабли XIV в. и прочие. Они (экспонаты) - важный и наглядный исторический источник длительного и неоднозначного жизнеобустройства местных земель, демонстрируя этапы складывания пестрой этнической среды обитателей, многие потомки которых явились основой в процессе современной этнокарты Кизлярицыны” [11, с. 55].

Для обоснования возможности нахождения здесь крепости, на наш взгляд, уместно вернуться к вопросу о трансгрессии и регрессии Каспийского моря. Л.Н. Гумилев пишет: “Решающее значение имеет нахождение Трехстенного городища, недостроенной крепости в низовьях Терека, на валах которой найдены солоноводные ракушки: *Cardium edule*, *Didachna Trigonoides Pallas*, *Dressentia rastiformis*, *Dreissensia caspia*. Абсолютная отметка гребня валов -19,3м. Следовательно, уровень Каспийского моря немного поднимался над построенными уже валами или, вернее, омывал их, создавая оптимальные условия для моллюсков” [6, с. 42]. Культурный слой внутри крепости содержит, кроме обломков кирпича, шлаков и остатков (костей) рыбы, керамику золотоордынского типа XIV - XVIII вв. На основании этого Е.И. Крупнов предположил, что это и есть один из острогов Московского царства [9, с. 37]. В XVIII веке наивысшая отметка уровня Каспия была -23,4м [1, с. 271]. Следовательно, дату постройки надо искать раньше. Крепость, видимо, строилась еще до трансгрессии XVIII в. (но после 1241 г.) местным населением, питавшимся рыбой. Возможно, что это один из сторожевых постов Золотой орды, созданный против Ильханов Ирана в конце XIII в. Крепость была недостроена по каким-то причинам и вскоре залита морем. Подтопляемые луга в низовьях Терека были неудобными для скотоводства вплоть до XVI в., когда там поселились русские казаки. Итак, перед нами хорошо датированный памятник трансгрессии Каспия XIII - XIV вв» [9, с. 38]. Завершая тему изменений уровня Каспия приведем цитату из работы Берга: “Рассмотрение показывает с несомненностью, что в колебаниях уровня Каспия существует известная периодичность. Так, в 30-х годах XIII в. был низкий уровень (4,6 м по сравнению с уровнем 1925 г. - 26,2 м). В начале XIV и XV вв. был высокий уровень (до 6,4 м к уровню 1925 г. по данным Вознесенского). С середины XVI в. и до середины XVII в. был низкий уровень (судя по положению крепости Терки на ее старом, низменном месте), причем в 1580 г. уровень падал до такой же высоты как в XX в. (1925 г.). Во - второй половине XVII в. был сравнительно высокий уровень (6,1 м к 1925 г. по Вознесенскому). В первой трети XVIII в. был низкий уровень, причем в 1722 г. он упал до такой же высоты, как в 1925 г. - примерно через 140 лет после вышеупомянутого минимума 1580 г. С 40-х годов XVIII в. и до начала XIX в. был высокий уровень, свыше 2 м над 1925 г. Примерно с 1820 г. и поныне (то есть 1949 г.) уровень низкий.

Ни о каком непрерывном падении уровня Каспия за историческое время не может быть и речи. Период низкого стояния, начавшийся после 1820 г. и продолжающийся поныне (1949 г.), должен по всей видимости смениться периодом высокого стояния» [1, с. 270].

Эти пространственные цитаты о колебаниях уровня Каспия понадобились в данной работе для того, чтобы объяснить факт присутствия здесь сравнительно малого количества археологических данных. Ведь систематических раскопок, как известно, в регионе не велось, а письменных источников до XVIII в., касающихся истории низовой Терека, известно сравнительно немного. Имеющиеся в распоряжении ученых археологические находки и дошедшие до нашего времени письменные источники дают возможность предположить, что люди постоянно населяли низовья Терека, по крайней мере с эпохи неолита.

Первые письменные источники связанные с возникновением крепости Кизляра до 1735 г. очень малочисленны, но о том, что он существовал задолго до этой даты, свидетельствуют многие косвенные данные: устные предания, многочисленные легенды и т.д. Самое первое упоминание слова «Кизляр» (в некоторых списках «Кызыльяр») встречается в тексте Петербургского списка «Дербент-наме». Этот список издан в 1851 г. М.А.Казембеком в Санкт - Петербурге. В тексте этого списка, в эпизоде относящемся к 683-684 гг. н.э., говорится об одном из предводителей хазар Пашенске, который после поражения в битве с

мусульманами ушел «в крепость Сурхаб, которая в настоящее время известна как Кызылйар, а правитель ее Мусхаб». В примечаниях к переводу Казембек указывает: «крепость Сурхаб разрушена, на ее месте построен Кизляр». По мнению других авторов, Кизляр расположен на месте ранней столицы Хазарского каганата Семендер. Предполагается также, что на этом месте существовала «кумыкская деревня» под названием Кизляр. Однако точных исторических данных нет и вопрос о населенном пункте, существовавшем в древности на месте нынешнего Кизляра, не нашел пока удовлетворительного решения. К этому можно добавить приведенное Белокуровым донесение «О побеге Окоцкого Мурзы Батая из Терского города (1609 г.), где сообщается: «...А в расспросе мне, холопу твоему, и всему миру Терского города сказали: отгромили де они у того беглово у Батай Мурзы да у Саламака жены их и служащих женок и двух мужиков и рухлядь на дороге в двух местах на Заплавном острове да за Кизларом в Талах; а сам де он Батай Мурза с товарищи своими ушел...» [2, с. 35].

Единственным известным на сегодняшний день археологическим памятником, расположенном вблизи от Кизляра, является так называемое «Некрасовское городище». В отчете о проделанной работе известного Дагестанского археолога М.Г. Магомедова говорится: «Раскопки, проведенные на территории городища, выявили остатки его мощных оборонительных стен, возведенных из сырцового кирпича. Под ним выявлены культурные отложения 3-х метровой толщины, частично примыкающие к остаткам стен. Стратиграфия культурных напластований свидетельствует о возникновении здесь оседло - земледельческого поселения уже во II-III веках н.э. На заключительном этапе это поселение было превращено в хорошо укрепленный город, прекративший существование в период арабо-хазарских войн в VII - VIII вв. Следует отметить, что уже на ранних этапах существования поселения жизнь здесь неоднократно прерывалась в результате разливов рек [2, с. 27].

Следы этих разливов стратиграфически прослеживаются в надматериковых отложениях поселения. Здесь четко выявляются чередующиеся слои культурных отложений и речного ила, достигающего в среднем 20-30 см толщины. Поэтому можно предположить, что возводя мощные стены, его обитатели уже на ранних этапах возлагали на них функции не только оборонительные, но и защитные от возможных разливов реки. Эти же функции, видимо, выполняли и оборонительные стены средневековой эпохи, сооруженные на остатках древних валов [1, с. 271].

Упоминания о Кизляре в достоверных письменных источниках начинают встречаться со второй четверти XVII в.

Литература:

1. Берг Л.С. Очерки по физической географии. М.-Л., 1949.
2. Гарунова Н.Н. Казачьи городки и крепости в Низовьях Терека в XVII - XVIII вв: мифы и реальность. Махачкала: ДГУ, 2016. 160 с.
3. Гарунова Н.Н. Трехстенный городок в контексте истории Низовий Терека до XVIII в. //Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 35 (1). С. 48-54.
4. Гарунова Н.Н. Русские города Притеречья в Кавказской политике России 18-19 вв //Сборник статей и докладов научно-практической конференции Университетов Юга России посвящен 270 - летию города Кизляра. Кизляр, 2005. С. 149-156.
5. Гамзатов Г.Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско - Сулакского междуречья // Советская этнография. 1982.
6. Гумилев Л.Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в.н.э.) // Колебания увлажненности Арало - Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 42-58.
7. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб, 1829.
8. Ерёмин Н.И., Мялковский В.А., Нарожный Е.И. Новые средневековые комплексы с территории левобережья Терека // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986 - 1990). Грозный, 1991. С 40.
9. Крупнов Е.И. Трехстенный городок / Советская этнография. М., 1935. № 2. С.36-40.
10. Нарожный Е.И. Историко - географические реалии Нижнего Поволжья и Терско -

Сулакского междуречья рукописной карты 1720-х гг // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 4.

11. Олейник В.В., Конькова З.Б. Археологическая экспозиция Кизлярского краеведческого музея им. Багратиона П.И. // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986 - 1990) Грозный, 1991. С 55.
12. Тхамокова И.Х. «Трехстенный городок» и его место в истории Северного Кавказа // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 352-362.

УДК 94(470.6)

Г-31

ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ В ИЗДАНИИ М.Н. ЧИЧАГОВОЙ «ШАМИЛЬ НА КАВКАЗЕ И В РОССИИ»

CHECHNYA AND THE CHECHENS IN THE EDITION OF M.N. CHICHAGOVY "SHAMIL IN THE CAUCASUS AND IN RUSSIA"

З.А. Гелаева,

к.и.н., доцент кафедры истории

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Z.A. Gelayeva,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History Department

FGBOU VO "Chechen State Pedagogical University"

В статье проводится анализ работы М.Н.Чичаговой «Шамиль на Кавказе и в России», изданной в 1889 году, роли и места Чечни и чеченцев в данном исследовании.

Ключевые слова: *М.Н.Чичагова, чеченцы, восстание 1831 г, Герменчук, никто из чеченцев не сдался живым, имам Шамиль, восстание 1840 года, Имамат, Валерик, Аргун, Джалка, Гуниб, Северо-Восточный Кавказ.*

In the article analyzes the work of M.N.Chichagova «Shamil in the Caucasus and in Russia» published in 1889, the role and place of Chechnya and the Chechens in this study

Keywords: *M.N.Chichagova, Chechens, uprising of 1831, Germenchuk, none of the chechens did not surrender alive, imam Shamil, uprising in 1840, Imamate, Valerik, Argun, DZHalka, Gunib, North-East Caucasus.*

В истории Чечни и всего Северного Кавказа XIX век занимает особое место многообразием и противоречивостью событий, интересных и даже уникальных личностей. События XIX века, особенно первой его половины отличаются сложностью и насыщенностью происходящего, и в то же время трагизмом человеческих судеб, личностей и даже целых народов, которые волею исторической судьбы были вовлечены в арену военных действий Кавказской войны. Есть известные всем современным историкам - кавказоведам авторы, военные историки, отразившие в своих трудах события тех лет это - А.П. Берже [1], И.О. Дебу [3], Н.Ф. Дубровин [4], А.Л. Зиссерман [5], П. Зубов [6], В.А. Потто [7], Р.А. Фадеев [8] и др. Работы этих авторов используют современные ученые [2] в своих научных изысканиях.

В своей статье мы проводим анализ работы М.Н. Чичаговой «Шамиль на Кавказе и в России», которая представляет интерес для историков, кавказоведов, изучающих историю Кавказа XIX века. Книга была издана в Санкт - Петербурге в 1889 году. Автор, преследуя цель описать жизнь имама Шамиля, использовала доступные в тот период сведения, как она сама признает «из следующих изданий: Кавказский Календарь, Военный Сборник, Русский Инвалид, Московские Ведомости, Кавказский Сборник и прочие» [9, с.10]. Трудно описать жизнь имама Шамиля в отрыве от Чечни и чеченцев. Что интересного и нового в отличие от других авторов сказано Чичаговой М.Н. в своей работе о Чечне и чеченцах - вот цель, которая поставлена в данной статье.

В первой главе Чичагова рассказывает о первом имаме Дагестана Гази-Мухамеде. Интересна информация о восстании 1831 года, о нем не так много сказано в кавказоведческой литературе. Как известно в 1828 году мюридистское движение в Дагестане выдвинуло имамом известного богослова Гази - Мухамеда. Чеченцы поддержали действия дагестанцев. На подавление чеченцев бароном Розеном были переданы ген. Вельяминову войска, которые имели опыт военных действий в экспедициях в Чечню. Генерал Вельяминов своими жестокими действиями решил показать пример всему краю. Как признает Чичагова «Нам пришлось вести самую трудную войну в Чечне, покрытой вековыми лесами» [9, с. 22] Чеченцы собрались в Герменчуке, самом большом чеченском ауле на тот период. Примечательный факт, Чичагова утверждает, что одна из трех мечетей в сел. Герменчук «лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым» [9, с. 23]. Подойти к селению Вельяминов мог через знаменитый гойтинский лес, через который Ермолов в свое время прорубил просеку и которая уже проросла непроходимой густой порослью. Гази - Мухамед обещал поддержку. Три тысячи чеченцев, по данным Чичаговой, укрепили селение и стали ждать. Им на помощь прибыл Гази - Мухамед и привел с собой восемьсот своих мюридов лезгин из Дагестана. Совместно укрепив селение, восставшие стали ждать прихода царских отрядов.

Наконец Вельяминов со своим войском начал, вступив в сражение, атаковать центр укрепления. Чичагова пишет: «Чеченцы храбро и стойко отстреливались» [9, с. 23]. Войска вошли внутрь Герменчука. Вельяминов отдал приказ поджечь чеченские дома. Наконец, приказано было зажечь их сакли. Артиллеристы начали кидать гранаты в дома. Чичагова пишет о том, что первые гранаты взорвались, но последующие перестали взрываться. Как чеченцы действовали против гранат, русские узнали позже. Как оказалось «чеченцы, садясь на них, тушили огонь в трубках, прежде чем он сообщался пороху». Однако огонь с подожженных домов переходил на другие дома, все селение было объято дымом и огнем.

Чеченцам было предложено сдать оружие и сдаться в плен. Чеченцы ответили, что сдаваться не будут и пощады не просят. Было приказано зажечь дома со всех концов. Автор пишет, как стойко сражались и умирали чеченцы. В описании сквозит восхищение «запели предсмертную песню, сперва громко, потом тише и тише, по мере того как число поющих убывало от огня и дыма. Но вот растворились двери догоравшего дома. На пороге показалась человеческая фигура - блеснул огонь, пуля свистнула мимо ушей наших; чеченец бросился прямо к нам. Горящие сакли стали разваливаться; из дымящихся развалин выползли шесть раненых, чудом уцелевших лезгин, их отнесли на перевязку. Ни один чеченец не дался живым. Семьдесят два человека кончили жизнь в огне» [8, с. 23].

Восстание было подавлено. Чичагова, поэтапно рассказывает о народно - освободительном движении, Гази-Мухамед был убит, следующим имамом стал Гамзат - бек. После убийства Гамзат-бека в хунзахской мечети, имамом стал Шамиль, который как утверждает Чичагова «... воевал с Россией с 19 сентября 1834 года, по 26 - ое августа 1859, всего 24 года, 11 месяцев и 7 дней» [9, с. 52] После поражения в Ахульго 21 августа 1839 года Шамиль с семьей и верными мюридами оставил селение. Сын Шамиля Джемалэддин был взят в аманаты. Шамиль едва спасся от плена, спустился по обрыву в одну из пещер, над рекою Койсу. Три дня скрывался Шамиль под скалою, а на четвертый бежал в Баяни [Беной, Чечня - Г.3.].

Жители этого аула, окруженного лесными дебрями, всегда отличались непокорностью и не скрывали своей ненависти к русским, - пишет Чичагова. Лидеры чеченцев и сами чеченцы охотно оказали гостеприимство Шамилю, иначе столько лет он не удержался бы в Чечне. Чичагова уделяет внимание в своей работе, событиям конца 30-40 - х годов в Чечне. Автор подчеркивает факт перевода чеченцами Шамиля из Беноя в Шатой в целях безопасности.

Говоря о причинах всеобщего восстания в Чечне в 1840 году Чичагова пишет: «Зимой с 1839 - 1840 год, Чечня только что усмиренная, вновь взбунтовалась. Кавказское начальство пожелало обезоружить чеченцев; им предлагали уплачивать подати не деньгами, а оружием; все население решилось лучше умереть, чем рисковать дать себя перерезать. Шамиль, обрадованный благоприятными обстоятельствами, старался окончательно взбунтовать

чеченцев и переселил их в Черные горы, где они были в большей безопасности от русских» [9, с. 60]. Конечно признание личностных заслуг Шамиля именно чеченцами имело большое значение в поднятии его авторитета в Дагестане. Подтверждением тому служит то, что в 1839 году «Через пять месяцев после бегства из Ахульго, восемь аварских деревень и некоторые койсубулинские общества признали власть Шамиля. Кибит - Магом Тилитлинский взбунтовал соседние общества, и Шамиль назначил его их наибом.

Менее чем через год после взятия Ахульго, Шамиль явился во главе многочисленного воинственного народа. Он сумел привлечь к себе всю Большую и Малую Чечню; к ним пристали Ауховцы, Ичкеринцы и Карабулаки» [9, с.60]. Ближайшие к Чечне дагестанские деревни изъявили свою покорность Шамилю после всеобщего восстания 1840 г. Генерал Галафеев, двинулся с войском в Чечню, но потерпел поражение в известном на Валерике сражении. Отмечает Чичагова и то, что Шамиль, до экспедиции Воронцова в 1845 г, жил в чеченском селении Дарго в доме, построенном попавшими в плен русскими солдатами. Говоря об экспедиции Граббе она подчеркивает, что «В 1842 году экспедиция генерала Граббе в Ичкерию причинила нам большие потери [9, с.67].

Чичагова очень последовательна в своих симпатиях к Шамилю. Даже заявившие о своем нежелании воевать с Россией чеченские старшины не получают у нее каких - то лестных оценок, поскольку о Шамиле, воевавшем столько лет с Россией они говорили, как об обыкновенном разбойнике. Не обошла вниманием Чичагова М. и знаменитую даргинскую или «сухарную» экспедицию Воронцова. Поражение Воронцова в Дарго сильно приукрашено, что оно по Чичаговой воспринимается как победа. О самом Воронцове она пишет: «Главкомандующий распорядился сам двумя ротами навиганцев, платье его было прострелено пулями, но ни одна не коснулась его. Солдаты говорили, что он заговорен; подле него убили его адъютанта» [9, с.70]. Маневр Шамиля - пожертвовать малым, чтобы получить большее - использовался многими военачальниками, в том числе значительно раньше него Кутузовым. Этот талантливый отход из Дарго в данном случае преподносится как поражение. «Шамиль, видя своих мюридов выбитыми из таких местностей, которые и без обороны считались неприступными, не отважился оборонять Дарго».

После Даргинской экспедиции граф Воронцов занялся устройством сильных укреплений на передовой линии в прибрежном Дагестане с целью лишить горцев удобства для вторжения в наши пределы [9, с.70]. К началу 50 - х годов XIX века силы Имамата начинают слабеть. Тактика русской администрации в Чечне меняется в сторону компромиссов. К концу 40 - х годов был отменен приказ полк. Пулло о разоружении чеченцев. Власть делает целую серию уступок по привлечению чеченцев на равнину. Шамиль пытается препятствовать переселению чеченцев на земли при реках Аргун и Джалка. В 1855 году барон Врангель наносит поражение отрядам, высланным Шамилем, чтобы препятствовать этому переселению. Начался закат «блистательной эпохи» Шамиля, завершающий этап этого в своем роде уникального государства - Имамат.

С легкой укоризной Чичагова пишет: «Такие частые поражения не могли не ослаблять силы Шамиля, и он сам должен был чувствовать, что слава его начинает меркнуть» [9, с.76]. Большое значение при завоевании Северо-Восточного Кавказа придавалось Чечне и чеченцам. Подтверждением тому служат и высказывания Чичаговой. Она отмечает, что с 1856 года «главные усилия кавказской армии были направлены на окончательное покорение Кавказа; в видах этого назначено было:

- 1) улучшить существовавшую уже блокаду непокорных обществ;
- 2) избрать путь для решительного наступления;
- 3) произвести вторжение с трех сторон.

Утверждение в Черных горах (Юго - Восточная Чечня - Г.З.) составляло весьма трудное предприятие; в этих местностях происходили главные наши потери при Ичкеринской и Даргинской экспедициях. Занятие Черных гор началось утверждением нашим в Аргунском ущелье. Генерал Евдокимов, предполагая занять Аргунское ущелье во второй половине января 1858 года, делал вид как будто он намеревался идти в Большую Чечню, а сам внезапно

направил свои войска в тесноту ущелья. Шамиль обманутый такими распоряжениями, направился в противоположную сторону и этот важный пункт достался нам почти без боя» [9, с.83].

В 1859 г. Шамиль в Гунибе сдался в плен и содержался в почетном плену до совершения им паломничества к священным для мусульман местам - Мекку и Медину. Чечня и весь Северо-Восточный Кавказ стали частью Российской империи. Чичагова М.Н. в своей работе, раскрывая широкому российскому читателю биографию имама Шамиля художественно, описывает весь этот процесс. Но наряду с описанием биографии Шамиля, автор провела работу по сбору материала из периодических изданий XIX века и собрала в издании, несомненно, значимые сведения по истории Кавказа. Труд Чичаговой, является - при иной раз субъективном подходе автора - важным историческим источником по истории Северо-Восточного Кавказа, который расширяет наряду с другой кавказоведческой литературой видение актуальных проблем, в том числе по истории Чечни XIX века.

Литература:

1. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
2. Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.). Грозный, 2004.
3. Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах с 1816-1826 гг. СПб, 1829.
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Кавказ. СПб, 1871.
5. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842 - 1867 гг.). СПб., 1879.
6. Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800—по 1834 год СПб., 1835.
7. Потто В.А. Кавказская война в эпизодах, легендах, биографиях. Т. I-V. СПб, 1887-1890.
8. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб, 1860.
9. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб, 1889. /Репринтное издание. М.: 1991.

УДК 93/94

ИСТОРИЯ КИЗЛЯРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЕКОВ: XVIII - XXI ВВ.

Э.Г. Джахиева,

*д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории
Дагестанского государственного университета*

E.G. Dzhakhieva,

*Doctor of History, Professor of the Department of World History
Dagestan State University*

В данной статье дается развернутый анализ торговых и экономических центров Дагестана. Автор раскрывает на широком историческом фоне важную роль Кизляра в налаживании экономических и социально-политических связей с Россией
Ключевые слова: Кавказ, форпост, Кизляр, центр торговли

This article provides a detailed analysis of trade and economic centers of Dagestan. The author reveals on an extensive historical background the important role of Kizlyar in forging economic and socio-political ties with Russia

Keywords: Caucasus, outpost, Kizlyar, the center of trade
Кизляр - это известный город не только

Дагестана, но и всего Кавказа, расположенный в северо-восточной части РД. Кизляр в XVIII - первой четверти XIX в. играл роль форпоста Российской империи на Кавказе. В 1735 г. российские власти решают упразднить крепость Святой Крест и основать на левом берегу

нижнего течения реки Терек новый город - "Кизляр". В окрестностях Кизляра археологами исследованы остатки т.н. «Некрасовское городище», датируемая II -III вв. н.э., в период персидского шаха Хосрова Ануширвана была основана крепость Сурхаб на берегу Терека, на обрыве Кызыл йар, являвшейся резиденцией Тюменского хана. В 734 г. арабский полководец Мерван захватил Сурхаб, значение которого падает после исчезновения Тюменского ханства. Член Российской академии наук, профессор Казембек в комментариях книги Мухаммед Аваби Акташи "Дербенд-наме" отметил, что "...крепость Сурхаб разрушена, ныне (XIX век - ред.) на том месте построен Кизляр" [1, с. 226]. Однако, следует указать на тот факт, что в этом районе располагалось село Кизляр (Кызыл-Яр), [8, с. 165], рядом с которым действовал т.н. Кизлярский перевоз. «По сведениям, приведенным в «Кавказских календарях» за 1848 и 1849 гг. и в газете «Кавказ» за 1846 г., в отписках терских воевод Хохлова и Головина, первое упоминание о Кизляре относится к 1614-1616 гг. В середине XVII века возник так называемый Кизлярский перевоз, сыгравший большую роль в развитии торговли между Россией и Северным Кавказом и Закавказьем. Видимо, на месте этого перевоза и возникло первое поселение, получившее название Кизляр. Впоследствии здесь поселились также армянские. Грузинские и азербайджанские семьи, бежавшие с территории, находившейся под властью Персии. При Петре I в 1730 г. для защиты южных границ России от нападения горцев в Кизляре было построено небольшое укрепление» [16, с. 269]. Кизляр в XVIII - перв. пол. XIX вв. занимал важное военно-стратегическое положение на Восточном Кавказе, играл роль главного торгово-экономического центра на Северном Кавказе. В 1789 г. население города составляло 5464 человека, проживавшие в 1500 домах. Каменных или кирпичных домов в городе не было. Дома состоятельных горожан были более добротными, с прилегающими к ним поливными виноградниками. В городе было 6 церквей и 5 мечетей [6, с. 263]. На протяжении всего XVIII в. и первой четверти XIX в. Кизляр играл роль военно-административного и политического центра российской власти на Кавказе. В XVIII в. кизлярский комендант исполнял роль главнокомандующего российскими войсками на Кавказе, являлся проводником российской политики в регионе, выполнял функции связывающего звена правительства с персидскими правителями, кавказскими владетелями, российскими послами и их поверенными в Энзели и Мазандаране.

С сер. XVIII в. по пер. пол. XIX в. Кизляр являлся основным центром торговли народов Дагестана с Россией, Северным Кавказом, Крымом, Грузией, отсюда осуществлялась и торговля Российской империи с Персией [4, с. 60]. В.Н. Гамрекели, говоря о значении Кизляра как транзитного пункта русско-персидской сухопутной торговли, писал, что он «располагал помимо фондов русских товаров, товарами азербайджанскими и иранскими... стал пунктом сосредоточения товаров в широком ассортименте и в значительном объеме» [2, с. 61]. К 1793 г. торговля Кизляра с персидскими провинциями достигла уровня морской торговли Астрахани [3, с. 117]. По мнению Н.П. Гриценко, этому городу принадлежало и особое место в русско-кавказской торговле, ставшему ее связывающим звеном. Только за период с 18 августа по 5 сентября 1774 г. здесь было продано товаров на сумму 2242 руб. 94 коп. Уже на следующий год с 28 сентября по 27 декабря было заплачено пошлины за товары, вывезенные из Кабарды, на 695 руб. 25 коп., а за ввезенные из Кизляра в Кабарду за июль того же года - 890 руб. 40 коп. Общий пошлинный сбор в 1799 г. составил 4801 руб. 82 коп., в 1801 г. - 25585 руб., а за июль 1802 г. - 18595 руб. 17 коп. Большую торговлю Кизляр вел и с центрами кумыкской торговли: Тарки, Эндирей, Аксай и Костек, и др. На росте товарооборота Кизляра, на усиление и расширение связей с местным населением благоприятно сказалось подписание России с Ираном Гюлистанского договора 1813 г. Сюда стали съезжаться жители из более отдаленных кумыкских сел: Карабудахента, Казанище, Эрпели, Отемиша и др. [5, с. 47-53]. В городе до пер. четв. XIX в. действовал невольничий рынок - Ясыр-базар.

В пер. пол. XIX в. город состоял из несколько кварталов (слобод): Арментир (армянский), Курцеаул (грузинский), Кристиаул (новокрещённых северокавказцев),

Окочир-аул (кумыков и ногайцев), Черкес-аул (кабардинцы и др. черкесы), Казанте-аул (казанских татар), Тезик-аул (таджиков) и станицы терских казаков [8, с. 271].

В рассматриваемый период Кизляр был одним из центров виноградарства региона. К концу XVIII в. в городе под виноградом было занято 2 тыс дес. В 1806 г. было открыто училище по виноградарству и виноделию, для преподавания из Германии прибыли два опытных винодела. В 1869 г. впервые в России возникло коньячное производство. Среди известных производств коньяка рассматриваемого периода - заводы Фараджева, Измирова и Эльдарова [6, с. 278-279]. Со второй трети XIX в. начинается медленный процесс упадка города как российской столицы на Кавказе, связанный со спадом товарооборота города, выездом из Кизляра военных. Постепенно он превращается в обычный провинциальный южный город. Несмотря на это, к 1913 г. в городе было 8 церквей, 2 часовни, 2 монастыря, 6 мечетей, синагога и костел. "В черте города находились: тюрьма. 4 бани, военный лазарет и ветеринарный пункт, 10 постоянных дворов и гостиница, 6 винных погребов, скотобойня, казначейство, пожарная команда, почтовая контора и телеграф... В начале XX в. некий Самсонов устроил в городе первый кинематограф, а в 1914 г. был открыт второй частный кинематограф "Юпитер"... Позже в Кизляре была создана небольшая типография, имелась библиотека, существовал роскошный клуб "Дворянское собрание" [7, с. 18]. В начале XX в. город состоял из 4 кварталов (районов) - Центра, расположенного по обе стороны реки Тополки (жили, в основном, русские, армяне и грузины); Русской слободы - (Солдатской), где жили русские, поляки, украинцы и евреи; Армянской слободы и Мусульманской (Татарской) слободы, где жили кумыки, таджики, горцы, персы и др. В 1916 г. завершились работы по прокладке железнодорожной ветки Гудермес - Кизляр. 1918 г. Кизляр в течение нескольких месяцев контролировался белогвардейцами. В 1924 г. стали функционировать два виноградо-водочных, коньячный и ректификационный заводы. В 1959 г. - завод по производству низковольтной аппаратуры, 1963 г. - электромеханический завод. В целом за годы советской власти в Кизляре были построены электроаппаратный завод, швейная фабрика, маслозавод, мясокомбинат, мелькомбинат, молочный, хлебный и винный заводы. Винно-коньячный завод им. П.И. Багратиони (уроженец Кизляра) действующий с 1885 г., является одним флагманов российской коньячной продукции [6, с. 280-283]. В 1990-2000 -е годы в городе открыты предприятия по переработке сельскохозяйственной и молочной продукции.

За последние десятилетия город превратился и в один из образовательных центров региона. Так, в Кизляре открыты филиалы Московского института радиотехники и автоматики, Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета. Южно-федерального университета, Дагестанского государственного университета, Дагестанского государственного технического университета, Санкт-Петербургского промышленно-экономического колледжа. Кроме того, действует Кизлярское медицинское училище и Кизлярский электромеханический колледж.

Кизляр вошел в состав ДАССР как центр Кизлярского уезда из Терской губернии по декрету ВЦИК от 16.11.22 г.

Постановлением ВЦИК от 29.10.25 г. утвержден как город (подтвержден статус города); постановлением ВЦИК от 22.02.38 г. вместе с районом передан в Орджинекидзовский край; вновь вошел в состав ДАССР по указу ПВС РСФСР от 09.01.57 г., в ДАССР являлся центром округа (1922-1928 гг.) и с 1928 г. района.

В состав и административное подчинение города входили: постановлением ЦИК ДАССР от 17.08.29 г. Кизлярские сады (быв. Кизлярский сельсовет); постановлением ЦИК ДАССР от 26.01.34 г. хутора Ходжаевский и Бондаревский; указом ПВС ДАССР от 30.08.59 г. хут. Новая Надежда; указом ПВС ДАССР от 28.05.60 г. пос. завода «Дагэлектроаппарат» и ж.д. разъезд № 17; указом ПВС ДАССР от 16.03.63 г. Кордоновский, Кизлярский и Красноармейский сельсоветы были переданы в

Кизлярский сельский район из подчинения города, а из района в город причислены Брянский, Коктубейский, Крайновский, Новобирюзакский, Старотеречный, Суюткинский, Тюленевский, Тушиловский, а также Коктубейский из Тарумовского района, указом ПВС ДАССР от 23.01.65 г. вновь возвращены в Кизлярский район, за исключением Укокбюбейского, переданного в Тарумовский район.

Не позднее 01.01.66 г. и не ранее 10.09.64 г. присоединен Южносухокумский поссовет из Ногайского района [9, с. 127-128]. Ныне Кизляр один из многонациональных городов Дагестана. Население - 48457 человек, из них 2407 кумыков (на 2002 г.).

Литература:

1. Атаев Б. Край равнинный - Кумыкия. Махачкала, 1996
2. Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Ч. II. Тбилиси, 1976.
3. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в. Грозный, 1961.
4. Джахияев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII - первой трети XIX вв. Дис. д-ра ист. наук. Махачкала, 1989.
5. Джахияева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII - нач. XIX вв. (1774-1826 гг.) / Дисс. кан. ист. наук. Махачкала, 1998.
6. Кажлаев А.Н. Возникновение и экономическое развитие городов Дагестанской АССР. Махачкала, 1971.
7. Суздальцева И.А. Русское переселенческое движение на Северо-Восточный Кавказ в конце XIX - начале XX вв. // Дис. к.и.н. Махачкала, 1996.
8. Шидловский Ю. Записки о Кизляре. Журнал министерства народного просвещения. Спб., 1843. Ч.4.
9. ИАСАТД Д. С. 127-128.

УДК 930.1

РОССИЙСКО - ЧЕЧЕНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В XVI - XIX ВВ. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE RUSSIAN - CHECHEN RELATIONS IN THE XVI - XIX CENTURIES IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

А.А. Журтова,

*к.и.н., ассистент кафедры культурологии, этнологии и истории народов КБР,
Кабардино - Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова*

A.A. Zhurtova,

*c.h.s., assistant of the Department of culturology,
ethnology and history of the peoples of KBR*

Kabardino - Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

В статье проанализированы основные советские исторические и историографические работы, посвященные проблеме взаимоотношений Российского государства и Чечни в XVI - XIX веках. Предметом исследования является корпус историографических фактов и источников, отражающих динамику процесса изучения, источниковую базу, методы изучения проблем российско - чеченского исторического взаимодействия. Целью данной работы является изучение, систематизация и обобщение итогов развития советской историографии российско-чеченских взаимоотношений в XVI - XIX веках.

Ключевые слова: *историография, Чечня, Россия, завоевание, добровольное присоединение.*

The article analyzes the main Soviet historical and historiographical researches devoted to

the problem of relations between the Russian state and Chechnya in the XVI - XIX centuries. The subject of research work are the historiographical facts and sources, reflecting the dynamics of process of study, the source base, methods of studying the problems of the Russian - Chechen historical interaction. The aim of the article is the study, systematization and synthesis of the results of Soviet history of Russian-Chechen relations in the XVI - XIX centuries.

Key words: *historiography, Chechnya, Russia, conquest, voluntary adherence.*

В отечественной историографии проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVI - XIX вв. отведено значительное место. Современные историки, развивая или отвергая сложившиеся в советской историографии представления, приступили к новому прочтению документальных материалов, отражающих сложный характер российско-горского исторического взаимодействия. В процессе изучения поставленной проблемы ученые дают различные оценки взаимоотношениям народов Северного Кавказа с Российской империей. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «добровольное присоединение», «вхождение», «подданство», «российскость» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория, наполнена различным семантическим содержанием. Всё это создает сложную палитру мнений и оценок, требующих глубокого научного исследования.

Идейно-политические реалии жизнедеятельности советского государства оказывали заметное влияние на историографию. Как отмечает Т.А. Булыгина, советская историческая мысль находилась и взаимодействовала с социокультурным пространством российского общества, была объектом и субъектом властных решений [10, с. 106]. Но вместе с тем она развивалась по законам науки, накапливая источники и совершенствуя научный инструментарий обработки фактологического материала.

С 1920-х годов начинает проявляться сильное давление на историческое сознание со стороны государственных, политических структур с целью придания ему нужной политико-идеологической направленности [39, с. 51]. Осуществлялась активная государственная политика в деле трансформации старой системы исторического образования и научно-исследовательской деятельности на новых основах.

Пройдя сложный путь становления в имперский период, историческая наука Чечни обрела в 20-е годы XX века новые методологические основы и организационные формы.

Главная идеологическая задача, стоявшая перед советским руководством в первые годы существования СССР, заключалась в дискредитации свергнутого политического режима и подчеркивании выдающегося значения завоеваний Октябрьской революции. Демонстрация откровенной неприязни к имперской политике была характерна практически для всех исторических работ 1920-х - первой половины 1930-х годов. Воспитание в духе патриотизма требовало обращения к историческому прошлому.

Главным направлением утверждения новой концепции исторической науки в России стала борьба за марксизм в качестве теоретической и методологической основы изучения мировой и отечественной истории. Она охватила все отрасли и разделы исторической науки [1, с. 80].

В центре внимания ученых в первые десятилетия советской власти было разоблачение колониальной политики самодержавия [23], связанного, в первую очередь, с работами историка М.Н. Покровского [28, 29, 30]. Его концепция отразилась в безальтернативной формуле «абсолютного зла» [8], в соответствии с которой Российская империя была объявлена «тюрьмой народов» [26, с. 66], а процесс вхождения народов Кавказа в её состав трактовался как результат грубого завоевания метрополией свободных горцев. Под влиянием идей М.Н. Покровского была разработана концепция российско-кавказских взаимоотношений в XVI - XIX веках, подчеркивавшая экономическую обусловленность и насильственный характер имперской политики в регионе.

Начиная с 1934 г. общее положение в исторической науке несколько изменилось. По распоряжению И.В. Сталина ученые приступили к пересмотру целого ряда проблем отечественной истории [15].

Жюри правительственной комиссии 1937 года по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы потребовало от авторов-составителей изменения концепции, рассматривавшей процесс вхождение Украины и Грузии в состав России с позиции «абсолютного зла» [34]. Эти установки стали переломным моментом в развитии советской историографии формирования Российского многонационального государства. Научные оценки характера российско-горских взаимоотношений в прошлом стали менее категоричными.

Историки-кавказеды, как и ученые других регионов, постепенно стали отходить от идеи «абсолютного зла», заменяя ее концептом «наименьшее зло» [7, с. 109]. Суть его заключалась в том, что для большинства этносов в составе Российской империи процесс присоединения к ней был, несомненно, злом, но злом «наименьшим», чем альтернатива «быть поглощенным» «отсталой» Османской империей, Персией или перспектива «колониального владычества» Англии [45, с. 56].

Региональная историография, развиваясь в контексте общесоюзной исторической науки, также осваивала новые теоретико-методологические стандарты исследования.

К числу ранних советских работ по истории вайнахских народов относится исследование М.Л. Тусикова [44]. Начало процесса «порабощения свободных горских племен» автор связывает с периодом правления Петра Великого, а его завершение - с 1859 годом, т. е. окончательным «покорением» Чечни [44, с. 17].

Исследователь Кавказской войны, идеологической и политической деятельности Шамиля, Н.И. Покровский [31, 32, 33], подчеркивал, что «самодержавие пришло на Кавказ с двумя задачами: захватить для русского помещика плодородные кавказские земли и обеспечить русскому купцу обладание торговыми путями» [31, с. 103]. Согласно автору, взятие Шамиля и ликвидация имамата в 1859 году ознаменовали собой полное завоевание региона Россией [31, с. 480].

Либерализация общественной жизни в СССР, связанная со смертью И.В. Сталина, с решениями XX съезда КПСС, а также активные научные дискуссии, которые велись в конце 1940-х - начале 1950-х гг. на страницах журнала «Вопросы истории», привели к кардинальному пересмотру концепции формирования Российского многонационального государства.

Укрепившееся в годы Великой Отечественной войны «морально - политическое единство» советского общества ставило актуальный вопрос о поиске соответствующих исторических аналогий. История русско-кавказских связей позволяла выбрать в ней нужные, идеологически выигранные факты [21, с. 233], демонстрирующие многолетнюю «дружбу и братское сотрудничество» этносов внутри страны. Перед учеными была поставлена задача: найти свидетельства мирного и возможно более раннего «вхождения» того или иного народа в состав Российской империи. Такой подход, с точки зрения советских исследователей, не противоречил «требованию соблюдать объективность при анализе исторических фактов» [24, с. 9].

Всё это привело к возникновению теории о «добровольном присоединении» национальных окраин, в том числе Чечни, к России и его «прогрессивных последствиях» в социально-экономической, политической, духовной жизни присоединившихся народов. Этот тезис, по определению В.В. Лапина, в 1950-х гг. начал «торжественное шествие» по страницам научной литературы [25, с. 6]. В общественном сознании постепенно формировался образ России, как защитницы и покровительницы народов.

Данная идея нашла отражение в работах Н.П. Гриценко [16, 17, 18, 19, 20]. Чечня, по данным историка, была окончательно завоевана в 1859 г. «Присоединяя Чечено-Ингушетию», утверждает автор, имперское руководство преследовало «реакционные и колониальные цели», но включение в состав России имело для вайнахов «прогрессивное значение», поскольку «великий русский народ» ничего общего не имел с «царизмом» и «оказал огромную помощь чечено-ингушскому народу в развитии его экономики и культуры» [19, с. 112].

Подобная точка зрения относительно времени, характера и последствий вхождения

региона в состав Российского государства получила развитие в исследованиях Н.Л. Тавакаляна [40, 41, 42, 43], а также в обобщающем труде по истории Чечено - Ингушской АССР [27], где историк стал автором главы о присоединении чеченцев и ингушей к России. Ученый утверждает, что акт присоединения к России следует рассматривать и оценивать, «четко и ясно различая, с одной стороны, объективно-прогрессивное значение и последствия этого акта для присоединившихся народов, а с другой - антинародную колониальную политику царизма, его узкоклассовые колонизаторские цели и планы в присоединенных окраинных территориях» [27, с. 79]. Кавказ, по мнению историка, «привлекал внимание царизма по экономическим, социально-политическим и военно - стратегическим мотивам» [27, с. 80]. Но инициатива в установлении взаимоотношений принадлежала всегда местным народам.

Анализируя характер российско - чеченских взаимоотношений в XVI - начале XX исследователь А.А. Саламов [37, 38] заявляет, что ученые «всё ещё не сумели дать полную и достоверную картину дружественных отношений» между вайнахами и русским народом. Согласно его интерпретации, XVIII век ознаменован «нарастанием политической и военной активности русского царизма на Кавказе и усиливавшимся тяготением кавказских народов к России» [37, с. 29]. Со строительством крепости Грозной в 1818 году усиливается «военный нажим» «на Чечено - Ингушетию», но при этом происходит, с точки зрения автора, «приобщение» вайнахов «к передовой русской культуре», что ликвидировало «национальную ограниченность и племенную замкнутость» горцев [37, с. 28]. Окончательное вхождение Чечни в состав Российской империи А.А. Саламов относит к 1859 году.

Своеобразным историографическим итогом изучения данной проблемы стала Всесоюзная конференция 1979 г. «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа», по материалам которой в 1982 г. был опубликован сборник [12]. В ее рекомендациях подчеркивалось, что интеграция всех без исключения народов региона в состав Российской империи носила мирный и добровольный характер.

Одним из редакторов вышеуказанного сборника был В.Б. Виноградов [9, 13, 14, 22], который вместе с историками С.Ц. Умаровым, М.О. Бузуртановым, М.М. Блиевым и другими выступал против существовавшего в советском кавказоведении утверждения о том, что Чечня вошла в состав России в ходе Кавказской войны. Как полагают авторы, периодические «турецко-крымские и иранские вторжения» в XVIII в. привели к обращению чеченцев к России. Договор, ознаменовавший собой добровольное вхождение Чечни в состав России, был подписан в 1781 г. [22, с. 29]. Движение Шамиля характеризуется данными авторами как «жестокое испытание» для «русско - вайнахского государственного единства» [22, с. 47]. В.Б. Виноградов стал главным вдохновителем идеи о «добровольном присоединении Чечни». Его концепция получила официальное признание и послужила поводом для широкого празднования в Чечено - Ингушетии в 1981 г. 200-летия добровольного вхождения вайнахов в состав Российского государства [11, с. 7; 35, с. 5].

Я.З. Ахмадов посвятил свою научную деятельность изучению источников по истории русско-вайнахских отношений. В своих работах [3, 4, 5, 6] он исследовал материалы первого чеченского посольства в Москву в 1588-1589 гг., документы Кавказской археографической комиссии, работы П.Г. Буткова и др. Историк поддерживает точку зрения о прогрессивной роли России в судьбе чеченцев [3, с. 83 - 84].

Таким образом, в советский период изучение проблемы российско-горского исторического взаимодействия было неразрывно связано с изменениями внутри - и внешнеполитической ситуации в СССР. Исследования, как правило, носили четкую идеологическую направленность, способствовали решению партийных целей и задач.

В качестве теоретической и методологической основы изучения мировой и отечественной истории выступал марксизм. Основное внимание историки уделяли причинам, методам и последствиям присоединения горцев к России. В советский период существовало несколько подходов к изучению российско-кавказских взаимоотношений в XVI - XIX вв. В 20-х - первой половине 30-х гг. XX в. под влиянием работ М.Н. Покровского сформировалась

концепция об «абсолютном зле», выполнявшая функцию дискредитации имперского режима и легитимации советской власти, согласно которой царская, а в последующем имперская Россия была «тюрьмой народов», и все нерусские народы, в том числе чеченцы, вошли в её состав насильственным путем в ходе Кавказской войны. Во второй половине 30-х гг., с началом критики «школы Покровского», появляется теория о «наименьшем зле», согласно которой, местные народы, став перед выбором: присоединиться к России и, сохраняя свою самобытность, развиваться дальше или быть «поглощенной» Турцией или Персией, выбрали наименьшее из зол, т. е. стали составной частью Российского государства. Данный тезис был призван решить задачу историко - идеологического обоснования дальнейшего укрепления СССР, сохранения общественной и межнациональной стабильности в стране.

В 50-х гг. XX в. концепция о «наименьшем зле» переросла в теорию о «добровольном присоединении», а дореволюционная «цивилизаторская роль» России в судьбах северокавказских народов в «объективно-прогрессивные последствия» их присоединения. Согласно этой концепции Чечня добровольно вошла в состав России в 1781 гг. Концепция добровольного присоединения утвердилась в исторической науке региона и не пересматривалась вплоть до конца 80-х гг. XX в., немало ее сторонников и в современном кавказоведении.

Советские исследования, по мнению В.Г. Рыженко, носили ангажированный характер [36, с. 374], что привело к одностороннему анализу некоторых исторических проблем. Но А.А. Аникеев и А.В. Лубский полагают, что освещение тех или иных проблем «с позиций формационного редуционизма» не исключает научной значимости советских работ для современной историографии [2, с. 54]. В 20 - 80-х гг. XX в. были разработаны основные проблемы истории региона, накоплена обширная источниковая база, опубликованы обобщающие работы, создана национальная историография северокавказских народов.

Литература:

1. Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика. (20-30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 79-166.
2. Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3. С. 53-64.
3. Ахмадов Я.З. Документальные материалы по истории русско - вайнахских отношений в XVIII в. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено - Ингушетии. Грозный, 1988. С. 78-86
4. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI - XVII вв. Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд-во, 1988. 174 с.
5. Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено - Ингушетии. Грозный, 1983. С. 18-30.
6. Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено - Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века // Взаимоотношения народов Чечено - Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в. Грозный, 1981. С. 57-69.
7. Барабой А. К вопросу о причинах присоединения Украины к России в 1654 году // Историк - марксист. 1939. № 2. С. 87-111.
8. Брежнева С.Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX в. - начало XXI в.: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2005 // URL: <http://www.disscat.com/content/istoriografiya-problemy-prisoedineniya-turkestanskogo-kraja-k-rossii-vtorv>. (дата обращения: 30.11.2016).
9. Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд-во, 1980. 115 с.
10. Булыгина Т.А. Отечественная историография в 20-е годы XX века: продолжение и разрыв традиций // Харьковский историографический сборник. Харьков, 2006. Вып. 8. С. 106-113.
11. В дружной семье равноправных народов. Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд-во, 1984. 118 с.
12. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI - 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный / Ред. коллегия: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. Грозный, 1982. 368 с.
13. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Акт 21 января 1781 г. - важнейшее события в процессе

- вхождения Чечено - Ингушетии в состав России (архивные документы) // Взаимоотношения народов Чечено - Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в. Грозный, 1981. С. 104-118.
14. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Проблема добровольного вхождения Чечено - Ингушетии в состав России в исторической литературе // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10-12 мая 1982 г.). Грозный, 1985. Вып. 3. С. 21-27.
 15. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // URL: <http://pish.ru/articles/articles2010/648> (дата обращения: 20.11.2016).
 16. Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд., 1965. 66 с.
 17. Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1975. 196 с.
 18. Гриценко Н.П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд., 1962. 35 с.
 19. Гриценко Н.П. Социально - экономическое развитие притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в. // Труды Чечено-Ингушского научно - исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1961. Т. IV. С. 3-194.
 20. Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено - Ингушетии и пореформенный период (1861-1900 гг.). Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд., 1963. 199 с.
 21. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества / Под ред. О.М. Рапова. М., 2000. Т. 2 (150). С. 225-251.
 22. История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: Чечено - Ингушское кн. изд., 1988.
 23. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года / Под ред. Н.В. Самариной, А.В. Щербины. Ростов-на-Дону, 2001 // URL: http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/XVI-XIXbeg/Koncept_istoriogr.htm (дата обращения: 31.10.2016).
 24. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII - 80-е годы XIX в.). М.: Издательство Московского университета, 1984. 328 с.
 25. Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб.: Нестор - История, 2003. 78 с.
 26. Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 25: Март-июль 1914 г. С. 64-72.
 27. Очерки истории Чечено - Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1967-1972. Т. 1. 315 с.; Т. 2. 360 с.
 28. Покровский М.Н. Внешняя политика (1914-1917 гг.). Сборник статей. М.: Денница, 1918. 191 с.
 29. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
 30. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1933. 544 с.
 31. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с.
 32. Покровский Н.И. Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны // Революция и горец. 1933. № 6-7. С. 105-115.
 33. Покровский Н.И. Мюризм у власти // Историк-марксист. 1934. Т. 2. С. 30-75.
 34. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Правда. 1937. 22 августа.
 35. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI - XVII в. Сборник документов / Выявление, сост., введ., комм. Е.Н. Кушевой; Отв. ред. Н.Г. Волкова. М.: Восточная литература, 1997. 416 с.
 36. Рыженко В.Г. Возвращенное наследие историков XX века в коммуникативном поле современной исторической науки: приглашение к дискуссии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей / под ред. Н.Н. Алеврас. Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 372-382.
 37. Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - начало XX века) // Известия Чечено - Ингушского НИИ.

- Грозный, 1963. Т. III. Вып. 1. С. 22-32.
38. Саламов А.А. Не затушевывать социальные противоречия прошлого // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). Грозный, 1964. С. 191-206.
 39. Свирида Н.Н. Специфика исторического сознания советского общества: культурно-философский контекст // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. Вып. 20. С. 51-57.
 40. Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. II. С. 92-111.
 41. Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его объективно-прогрессивное значение // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Грозный, 1967. Т. 1. С. 78-117.
 42. Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1972. 64 с.
 43. Тавакалян Н.А. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1965. 158 с.
 44. Тусиков М.Л. Ингушетия: Экономический очерк. Владикавказ: Гостипография Ингушетии, 1926. 175 с.
 45. Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 50-64.

УДК 94

ГЕХА - НАИБ ИМАМА ШАМИЛЯ ИЗ СЕЛЕНИЯ ГУНИ

GEKHA - NAIB IMAMA SHAMIL FROM GUNI SENIOR

М.М. Ибрагимов,

*д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

M.M. Ibragimov,

*Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History
FGBOU VO "Chechen State University"*

Статья написана о судьбе известного наиба имама Шамиля Гехе из селения Гуни. Так же в статье частично рассмотрены сложные взаимоотношения чеченцев и российского государства в XIX в. Так как великий Кунта - Хаджи жил в селе Гуни в период Кавказской войны Геха и Кунта - Хаджи не только были знакомы, но и были дружны, поэтому автор описывает и их взаимоотношения.

Ключевые слова: *Геха, Шамиль, Гуни, Кунта - Хаджи, Кавказская война, зикр, ислам, Хаджи - Эвла, Макка.*

The article is written about the fate of the well-known Naib imam Shamil Gehe from the village of Guni. Also in the article are partially considered the complex interrelations of Chechens and the Russian state in the XIX century. Since the great Kunta-Haji lived in the village of Guni during the Caucasian War, Gehe and Kunta-Haji were not only acquainted, but also friendly, so the author also describes their relationship.

Key words: *Gehe, Shamil, Guni, Kunta - Haji, Caucasian War, Dhikr, Islam, Haji - Evla, Makka.*

О Гехе - наибе имама Шамиля из села Гуни Веденского района - сравнительно мало упоминаний в отечественной историографии. Поэтому мы попытаемся восполнить этот пробел с помощью рассказов его соплеменников, которые передаются из поколения в поколение. То, что о нем помнят до сих пор, уже говорит о том, что личность эта была весьма неординарной и оставила некоторый отпечаток в истории нашего народа.

Так вот, по рассказам 90 - летнего жителя с. Гуни Веденского района Бугаева Даков - Хаджи и уроженца с. Хажи -Эвла того же района Пайзулаева Магомед (60 лет), Геха родился

приблизительно в 1820 году в селе Гуни.

С раннего детства он отличался от сверстников живостью ума, сообразительностью и отвагой. Также с малых лет Геха освоил нормы горского этикета и морали, определяющим стержнем которых являются честь, достоинство и мужество. Лишиться их означало для горца потерять больше, чем жизнь.

Геха рано теряет отца - Гуммалта. Однако родной дядя Абдулла заменяет мальчику отца и воспитывает его вместе со своими детьми. Большой заслугой Абдуллы можно считать устройство мальчика на учебу в медресе и привитие ему сильных религиозных чувств. Здесь необходимо отметить еще и тот факт, что родной дедушка Гехы, Гирма - Хаджи был известным богословом в Чечне. За семь лет, проведенных в Мекке, совершая ежегодно Хадж, ему удалось выучить язык и приобщиться к культуре арабов. Известно, что именно этот период Гирма - Хаджи знакомится с предками Кунта - Хаджи (*Дала къайле тойойла цуьнан*) проживавшими в Мекке. Особенно крепнет дружба Гирмы - Хаджи с дедом Киши-Хаджи Амой, который впоследствии высказал своему другу желание переехать со своей семьей в наш край.

Именно эта дружба послужила залогом переселения предков Киши-Хаджи во главе с Амой в Чечню. По пути в Чечню семья Амы поселилась, временно в селе Гумха, что в Дагестане. Вскоре он со своим сыном Шовхалом продолжил путь и остановился уже в чеченском селе Гордали. Буквально недавно среди многочисленных могильных холмов - безмолвных памятников истории - старинного селения Гордали, что в Ножай-Юртовском районе, были обнаружены могилы Амы и Шовхала (сына Амы). Это является лишним доказательством того, что предки Кунта - Хаджи действительно какое - то время проживали в этой местности.

Позже из Гордали они переезжают в с. Мелча - хи Гудермесского района, оттуда - в Илсхан-Юрт того же района, а оттуда через некоторое время во главе с Киши - Хаджи переселяются в село Гуни, где на окраине родового села Гуной основывает новое село, названное в честь Кунта - Хаджи - Хъаьжин - Эвла.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что сын Гирмы - Хаджи Абдулла (*тот самый, который взял на попечение Геху после смерти отца-авт.*) имел высокий авторитет среди сельчан и еще при жизни прослыл праведником. До наших дней дошла история о том, как имам Шамиль, прослышав о таких качествах Гехы как принципиальность и справедливость, привлек его в процесс определения территориальных границ между Чечней и Дагестаном. Надо полагать, что Абдулла должен был обладать недюжинной отвагой, поскольку мало кто осмеливался в то время высказывать свою принципиальную точку зрения в этом вопросе, без опаски вызвать недовольство со стороны грозного Шамиля [2].

Шамиль по достоинству оценил Абдулла и предложил ему или одному из его сыновей занять должность наиба. На данное предложение Абдулла ответил, что в силу своего возраста ему трудно будет справляться со столь ответственной должностью, а лучшей кандидатурой явился бы его племянник, сын Гуммалта, который отличается отвагой, знанием военного дела и религиозных основ, нежели его собственный сын.

Такой поворот вполне удовлетворил Шамиля, который в 1840-х годах щедро одаривает своего нового наиба Геху землями вблизи чеченского селения Ведено [3, с. 212].

Далхан Хожаев и Гапаев Абдулла утверждают, что Ахмад Автуринский и Геха гунинский в 1847-1848 гг. вместе вели боевые действия против царских войск [3, с.212]. В 1859 году пленением Шамиля завершается кровопролитная 25 - летняя Кавказская война. В селении Ведено, также как и по всей Чечне, устанавливается царская администрация. Ее представители, учитывая огромный авторитет, которым пользовался Геха среди соплеменников, предлагает ему сотрудничество. Посоветовавшись с односельчанами, Геха принимает предложение и становится представителем царской власти в Ведено [3, с. 212].

Этот период времени известен бурной религиозной деятельностью выдающегося представителя мусульманской уммы эвлия Кунта - Хаджи, который с 1847 года широко пропагандирует ислам среди ингушей, а также внедренный им религиозный обряд «зикр»

находит многочисленных поклонников среди чеченцев. В это время Кунта - Хаджи уже поселился в с. Гуни, распространяя исключительную благодать своего учения на жителей данного села и других окрестностей Чечни.

Житель с. Гуни Абдулхаликов Анзор, являющийся потомком Гехы, рассказывает, что в один прекрасный день, стоявший около своего дома в с. Хажи - Эвла со своим близким другом Керимом Кунта-Хаджи, увидел возвращавшегося с работы Геху. Эвлия спросил у Гехи о том, какие настроения царят среди представителей веденской власти, на что тот ответил, что власти живо интересуются вами. Спрашивали о том, правда ли, что Кунта - Хаджи ведет антиправительственную пропаганду среди населения. Я им ответил, что Кунта - Хаджи является выходцем из простого народа, никогда и никому не причинял вреда, всегда призывает людей к добру и является ярким сторонником мира. По требованию властей, я подписался под этими словами.

Учитывая тот факт, что царская власть была озабочена растущим влиянием святого, усматривая в объединении суфиев возможный очаг сопротивления, Геха проявил в данной ситуации качества личного мужества. Старики говаривали, что, узнав об этом, Кунта - Хаджи сказал ему: «Геха, несмотря на сложные времена, ты нашел мужество стать посредником между мной и властями, я же, в свою очередь, обещаю быть твоим заступником перед Всевышним» [1, с.169].

Необходимо отметить, что Геха, несмотря на свой высокий статус, всегда был и оставался предельно почтительным по отношению к своим односельчанам, да и вообще к людям в целом, проявлял к ним уважение и сострадание.

Он и погиб трагически, оказывая помощь посторонним людям в вызволении застрявшей в грязи лошади, получив внезапный удар. Случилось это в 1862 году.

По рассказам местных стариков, во время похорон Гехы сельчане во главе с Дебич-муллой, присланного Кунта - Хаджой имамом в с. Гуни из Элистанжи, совершали так называемый маха (*70 тыс. зикр во имя Всевышнего - авт.*) на кладбище. Хотя сельчане и помнили об обещании, данном когда-то Гехе самим Кунта-Хаджой, тем не менее, каково же было их удивление, когда внезапно на похоронах появился сам Эвлия, который собственноручно предал тело Гехы земле и, проводя рукой по свежей могильной насыпи, обещал снислать благодать на его потомков до четвертого колена (*по некоторым данным, на всех последующих потомков - авт.*).

Так закончил свой короткий, но достойный земной путь наиб имама Шамиля Геха, память о котором бережно хранят гуноевцы. Думаю, не ошибусь, если скажу, что и его потомки достойны своего именитого сородича.

Литература:

1. «Назманах» / Сост. И. Джанаралиев. Грозный, 2003.
2. Полевой материал. Из рассказов правнука Абдуллы, уроженца с.Марзой - Мохк Сайд - Алви, который умер в 1978 г.в возрасте 86 лет.
3. Хожаев Д. Чеченцы в Русско - кавказской войне. Грозный: изд «Седа», 1998.

ТРУД ЖЕНЩИН И ПОДРОСТКОВ В УГЛЕДОБЫЧЕ КАЗАХСТАНА
В 1940-1960 ГГ.

THE EMPLOYMENT OF WOMEN AND ADOLESCENTS IN THE COAL MINING
INDUSTRY OF KAZAKHSTAN IN 1940-1960GG.

З.С. Исакиева,

*к.и.н., доцент кафедры гуманитарных, естественнонаучных наук
Медицинского института ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
главный специалист отдела аспирантуры ЧГПУ*

Z.S. Isakieva,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of
Humanistic, Natural Sciences Medical Institute
FGBOU VO "Chechen State University"*

В представленной статье рассмотрены вопросы использования труда женщин из числа чеченок в добывающей отрасли Казахстана в годы депортации.

Ключевые слова: труд, шахта, женщины, подростки, депортация.

The presented article deals with the issues of using the labor of Chechen women in the mining industry of Kazakhstan during the years of deportation.

Key words: labor, mine, women, teenagers, deportation.

Аспекты применения женского труда в горнорудной промышленности Казахстана в 1940-50-е гг. исследованы слабо. Совсем не исследован вклад высланных чеченок и ингушек в развитие угольной отрасли.

Депортированные женщины по традиции, выполнявшие различные домашние работы, и дети, не достигшие физической зрелости, чтобы выжить, разделяли с мужчинами все тяжелые работы в шахтах и рудниках Казахстана. Впервые в истории чеченские женщины пришли в забой, стали забойщиками, навалоотбойщиками, запальщиками, брали тяжелые шахтерские лопаты и грузили уголь, крепили лаву. Советский Союз еще до Великой Отечественной войны подписал международную конвенцию, запрещающую использование женщин на подземных работах.

Крайняя необходимость в рабочих руках заставила нарушить международную конвенцию, запрещающую использование женщин независимо от возраста, на подземных работах в каких бы то ни было шахтах и рудниках.

Конвенция (пересмотренная) в 1937 г. предусматривала, что дети моложе 15 лет не могут приниматься на работу или работать в каких бы то ни было государственных или частных промышленных предприятиях или в их филиалах. Исследуя половозрастной состав спецпереселенцев, можно сделать вывод, что основная их часть была представлена детьми: из 815 319 человек 39 4048 - дети до 16 лет; 25 9050 женщин и всего 162 221 мужчин [1].

Многие квалифицированные рабочие-забойщики, машинисты врубовых машин, электрослесари, взрывники, а также инженерно-технические работники не вернулись с фронта и вместо них в шахту пришли женщины. Архивные документы свидетельствуют, что в среднем по шахтам в лавах каждый пятый шахтер-навалоотбойщик была женщина. Немало работало и подростков.

4 октября 1943 г. по шахтам была разослана Директива Наркома угольной промышленности СССР В.В. Вахрушева о внедрении женского труда в угольной промышленности, в которой указывалось «перевести всех мужчин, подлежащих замене женщинами, на работы в забой и на прохождение выработок. На освободившиеся места

направить женщин» [2].

Женские бригады на шахтах и рудниках Карагандинского угольного бассейна имелись вплоть до 1960-х гг.

Работа в шахте трудная, опасная, мужская. Рассекреченные архивные источники свидетельствуют о том, что «в 1944 г. доля женщин, работавших в Карагандинском угольном регионе, составила 30,3%. На многих участках производства вместе с русскими женщинами успешно трудились казашки, чеченки» [3]. На шахте № 20 г. Караганды самоотверженно трудились П. Астамирова, К. Курбанова, А. Лепиева, Т. Арчакова, Л. Киломатова, нередко выполнявшие сменные нормы свыше 200%. [4].

При отсутствии комбайнов и комплексов работа в шахтах и рудниках проводилась женщинами вручную. Они участвовали в откачке воды, проходили вручную сотни метров горной выработки, тушили лавы, работали на подземном шахтном транспорте, за что получали пайки (кусочек черного хлеба в сутки), чем спасали родных и близких от голода.

Женщины и девушки работали по 12 часов, изматываясь при скудном питании до изнеможения, обучались технике безопасности в процессе работы. Работая без выходных и отпусков, женщины получали за каторжный труд пайковый хлеб. Для подземных рабочих и работников горячих цехов металлургических заводов пайка составляла 1200 граммов хлеба в день, а для тех, кто работал на поверхности, - 300-400 граммов.

В нерабочее время женщины еще были заняты погрузкой угля в железнодорожные вагоны. В эпоху новейших технологий и повсеместного использования специальной шахтовой техники профессии «коногон» давно не существуют. В прошлом веке уголь вывозили из шахт на лошадях коногоны. При каждом учреждении, шахте, производстве имелся конный двор, где содержались лошади, сани, телеги для перемещения грузов. На конном дворе коногонами работали женщины из числа чеченцев и ингушей.

Сохранились материалы, свидетельствующие о трудовой деятельности горянок.

Для исследователей сохранилось много материалов, свидетельствующих о трудовой деятельности горянок. Так, в 1951 г. на шахтах Карагандинского угольного бассейна женщин-чеченок насчитывалось 612 чел.: из них вагонщиков - 4 чел., отгребщиков - 245 чел., плитовых - 10 чел., камеронщиц - 15 чел., навалыщиц - 21 чел., конвейерщиц - 42 чел., люковых - 12 чел., лебедчиц - 48 чел., откатчиц - 36, рукоятчиц - 12, выборщиц породы - 64 чел., ламповщиц - 32 чел., дворовых - 18 чел., зольщиц - 6 чел., прочих подземных и поверхностных рабочих - 47 человек [5].

Труд женщин высланных с Северного Кавказа, разделивших трудную и беспокойную судьбу горняков требовал от них чрезвычайного напряжения физических и душевных сил. Они находили в себе силы, вставали в рабочий строй наравне с мужчинами. В их числе: Маржан Бацаева, Айна Рангаева, Зулпа Хасиева, Тимаева Масарт, Сатуева Хадижат, Абкаева Зулпа, Мадиева Полу, Решедова Деши, Уразбиева Кеберат, Акмурзаева Жовзан, Макаева Сацита, Тангиева Аминат, Ахмадова Айна, Султаева Кока, Мусхаджиева Асет, Закриева Амнат, Датиева Шовда, Гебертаева Есита, Хамидова Нага, Хамидова Гузан, Абуева Хадижат, Исмаилова Жарадат и многие другие.

Оказавшись в середине XX в. на перепутье своих судеб, в новых нечеловеческих условиях жительства и труда чеченские женщины приняли почетное участие во всесоюзных и республиканских соревнованиях.

После окончания Великой Отечественной войны удельный вес женского труда в промышленности хотя и сократился, но оставался еще высоким. В 1950 г. в угольной промышленности женщины составляли 26,1 % всех работников [6].

Постепенно принимались меры по облегчению условий труда женщин. Их переводили с вредных и тяжелых участков работ на более легкие. В частности, в Карагандинском бассейне

в V пятилетке часть женщин на подземных работах заменили мужчинами. Несмотря на это, в середине 1950-х гг. немало женщин было занято на тяжелых и вредных работах.

В Карагандинском угольном бассейне на начало 1959 г. на подземных работах оставалось более 4,8 тыс. женщин. Только в начале 60-х годов прекратилось использование на этих участках женского труда.

Кроме того, как горянки самоотверженно показывали себя на производстве, значительная их роль в решении демографического вопроса. Огромные человеческие потери в годы Великой Отечественной войны вынудили советское руководство пойти на поощрение многодетных матерей и тем самым повысить рост рождаемости в стране. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944г. была учреждена высшая степень отличия - звание «Мать героиня», что являлось высшей степенью отличия и присваивалось матерям, родившим и воспитавшим 10 и более детей с вручением ордена «Мать - героиня», грамоты Президиума Верховного Совета СССР. Из числа женщин - спецпереселенок с Северного Кавказа были награждены орденом «Мать - героиня» - 94 человека; орденом «Материнская слава» - 574 человека; медалью «Медаль материнства» - 1424 человека, а всего 2271 человек. Большинство чеченских и ингушских семей были многодетными. В 1947 г. по Карагандинской области среди многодетных чеченок, представленных наградам, числилось 325 женщин.

На промышленных предприятиях и шахтах Казахстана работали тысячи подростков-спецпереселенцев, нередко даже дети.

После войны подростки-чеченцы и ингуши направлялись на учебу в ФЗУ по разъяснению НКВД КазССР об обучении детей спецпереселенцев.

После окончания учебы они направлялись на работу только в области своего постоянного расселения.

В марте 1947 г. в Казахстане работали 15133 подростков от 12 до 16 лет. На шахтах Карагандинского угольного бассейна числились 858 подростков - чеченцев [7].

Многие другие подростки добавили годы к своему фактическому возрасту, внесли заметный вклад в развитие Карагандинского угольного бассейна.

Согласно справке о количестве спецпереселенцев Северного Кавказа, занятых на работах в промышленных предприятиях Карагандинской области на 1952 г. используется трудоспособных -14522 чел.; подростков до 16 лет - 392 чел.; прочих 200 чел [8].

Бытовую неустроенность, голод, разделение семей и смерть близких, унижительное клеймо «врага народа» - все это пришлось пережить чеченским подросткам. Но они продолжали трудиться вместе со взрослыми и вносили посильный вклад в развитие угольной промышленности Караганды.

На тяжелых работах добывающей промышленности Карагандинского региона широко использовался труд чеченских женщин и детей. Удел этих женщин, не имевших образования и профессионального опыта работы на шахтах и рудниках - непосильный труд, семейное неблагополучие, девиантное поведение из-за одиночества или прозябание как матери одиночки. В архетипическом сознании депортированных женщин, работавших на тяжелых физических работах, возникали симптомы «комплекса неполноценности», загубленной привлекательности, подорванного здоровья. Вместе с тем, сильный психологический стресс, вызванный внезапным выселением, недолго удерживал сознание людей в состоянии подавленности и растерянности. Многие психологи понятие стресса определяют, как защитную реакцию организма. В нашем случае мы имеем сверхзащитную реакцию, выраженную в готовности положить все силы, чтобы выжить и сохранить свои привычные связи и национальные приоритеты. Женщины и дети из числа чеченцев и ингушей, выселенные с прежних мест проживания, в самых тяжелых житейских условиях участвовали в становлении Караганды как угольного бассейна. Несмотря на автономность и

относительную самостоятельность общины, чеченцы и ингуши поддерживали общение с местным населением, как на производстве, так и быту.

Литература:

1. ГАКО.Ф.341.Оп.1.Д.136.Л.21-21
2. Женщины - шахтеры//http://vk.com/topic-73092979_30457867(дата обращения 3 апреля 2017 г.)
3. Подвиг женщин - шахтерок. История шахтерской Караганды. Copyright © 2011.
4. Бюллетень ВЦСПС. - 1956. - № 6. - С. 11-12.
5. Подвиг женщин - шахтерок. История шахтерской Караганды. Copyright © 2011.
6. Хавин А. Караганда - третья угольная база СССР, М.: Углетехиздат. С. 174.
7. Спецпереселенцы в Карагандинской области. Караганда, 2007. С. 137.
8. ГАКО.Ф.1п.Оп.7.Д.296.Л.46.

УДК 93/94

РОЛЬ ГЛАВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИК В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО - АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

THE ROLE OF THE HEADS OF THE AZERBAIJAN AND CHECHEN REPUBLICS IN THE DEVELOPMENT OF THE AZERBAIJAN-RUSSIA RELATIONS IN POST-SOVIET PERIOD

Л.Р. Кафар - заде,

*доктор философии по истории, научный сотрудник Института Истории имени А.А.
Бакиханова, Национальная Академия Наук Азербайджана*

L.R. Gafar - zada,

*PhD in history, Research Fellow at the A.A. Bakikhanov
Institute of History of Azerbaijan National Academy of Sciences*

Предметом данной статьи являются чечено - азербайджанские отношения. Изучена роль глав двух республик в развитии и укреплении двусторонних азербайджано - российских отношений в постсоветский период. Было установлено, что сотрудничество Азербайджана и Чеченской Республики в экономической, научно - технической, культурной и духовной сферах играет существенную роль в сохранении военно - политической безопасности и стабильности не только в южнокавказском регионе, в самой Российской Федерации, но и на глобальном уровне.

Ключевые слова: *Азербайджан, Чеченская Республика, Ильхам Алиев, Рамзан Кадыров, российско-азербайджанские отношения, постсоветский период.*

The object of the given article is the Azerbaijan - Chechnya relations. The role of the heads of both Republics in the development and strengthening of the Azerbaijan - Russia relations in post - Soviet period was studied. It was revealed that the collaboration between Azerbaijan and the Chechen Republic in economical, scientific and technical, cultural and spiritual spheres plays a significant role in the preserving of the military - political safety and stability not only in the Caucasus region, in the Russian Federation itself, but on the global level as well.

Keywords: *Azerbaijan, The Chechen Republic, Ilham Aliyev, Ramzan Kadyrov, Russia-Azerbaijan relations, post-Soviet period.*

Ввиду того, что Чеченская Республика является субъектом Российской Федерации, укрепление азербайджано - чеченских отношений является не только залогом политической стабильности во всем кавказском регионе, но одновременно важно и для развития азербайджано - российских отношений. В этом отношении примечательно желание и стремление каждой из сторон к еще большему сотрудничеству в различных сферах.

Отметим, что азербайджанский и чеченский народы связаны крепкими узами дружбы, прошедшей нелегкие испытания. Азербайджан не остался равнодушен к бедам чеченского народа. Именно в Азербайджане нашли приют около 10-13 тыс. чеченских беженцев в тяжелые военные годы. При встрече с руководителем Администрации Президента Азербайджанской Республики Рамизом Мехтиевым Р.Кадыров сказал: «Азербайджанский народ помог нашему народу вовремя двух военных кампаний. Как мы помним, тогда всех чеченцев сделали бандитами, террористами, с нами никто не хотел общаться, тем более принимать беженцев. Я был на встрече Ахмата - Хаджи с Гейдаром Алиевым. Он очень хорошо относился к чеченскому народу, помогал. Мы об этом никогда не забудем и будем ценить» [14].

«Чечено - азербайджанские взаимоотношения сегодня представляют собой важную составляющую не только политической стабильности и политической конфигурации в регионе, но и международных отношений в целом. Несмотря на кажущийся чисто региональный характер взаимоотношений двух республик, они оказывают существенное влияние и на решение вопросов не только энергетического характера, но и военно - политической безопасности на глобальном уровне, ибо, как известно, одним из приоритетных направлений государственной политики как Ильхама Алиева, так и Рамзана Кадырова, является активная борьба с терроризмом, экстремизмом, причем, не только в пределах своей республики, но и вне. Следовательно, усиление сотрудничества между двумя республиками не только еще больше укрепит дружественные отношения между двумя братскими народами, но и будет способствовать дальнейшему укреплению двусторонних отношений между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией» [9, с. 221-222]. К тому же, принципиально необходимо отметить, что обе главы республик стремятся к развитию двусторонних отношений не только в политической и экономической, но также в культурных сферах, что в свою очередь является большим вкладом в сохранение и развитие общекавказского культурного наследия в рамках многонациональной Российской Федерации, а также в условиях возрастающей интеграции, глобализации в мире в целом.

Так, в ходе второго официального визита главы ЧР Рамзана Кадырова в Азербайджан 15 ноября 2012 г. особое внимание было уделено вопросам двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере. Как Рамзан Кадыров, так и Ильхам Алиев подчеркнули важность развития тесных контактов между учеными, общественными деятелями, писателями, представителями культуры и искусства, что в свою очередь будет способствовать сближению двух народов и укреплению связей между ними. Также было признано целесообразным проведение Дней культуры и искусства азербайджанского народа в Чеченской Республике, а также чеченского народа в Азербайджане соответственно. Приверженность азербайджанцев своим традициям и обычаям всегда особо подчеркивалась Рамзаном Кадыровым: «И что больше всего мне импонирует в проводимой властями этой страны политике - они бережно хранят свои культурные ценности. Мы можем перенять у них опыт работы в самых различных областях. Необходимо стремиться к всестороннему укреплению контактов с Азербайджаном» [1]. Кроме того, Рамзан Кадыров особо подчеркнул, что основы сотрудничества между Россией и Азербайджаном были заложены Гейдаром Алиевым, внесшим огромный вклад в укрепление дружбы и взаимопонимания между двумя республиками [5]. К слову, еще в 2010 г. Рамзаном Кадыровым было предложено назвать одну из улиц Грозного в честь общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева.

Президент АР Ильхам Алиев расценил второй визит главы ЧР Рамзана Кадырова в Азербайджан как хороший показатель дружественных и братских отношений, существующих между двумя народами [7].

Отметим, что одной из главных целей официальной встречи глав двух республик было именно начало активного торгово - экономического сотрудничества, к которому обе стороны шли достаточно долго. В своем интервью СМИ Азербайджана Day.az в 2009 г. Рамзан Кадыров выразил свою обеспокоенность практическим отсутствием каких-либо культурных и экономических договоренностей: «К сожалению, пока все наши отношения сводятся к

челночным поездкам в вашу страну наших земляков и присутствием в Грозном азербайджанской диаспоры, занимающейся частным предпринимательством. Мы должны смотреть вперед. Необходимо, чтобы наши отношения перешли на качественно новый уровень взаимовыгодного сотрудничества» [12]. Еще в 2009 г. при первом официальном визите главы ЧР в Азербайджан между двумя главами республик была достигнута договоренность о создании совместной экономической комиссии, главной задачей которой было определить отрасли экономики, наиболее приемлемые для взаимного сотрудничества [3].

Учитывая тот факт, что Россия сохраняет лидирующие позиции среди стран - экспортеров в Азербайджан, а также в общем объеме импорта в нашу страну, то укрепление торгово-экономического сотрудничества между Азербайджаном и Чеченской Республикой просто необходимо. Сам глава ЧР Рамзан Кадыров отметил, насколько важным представлялось для ЧР привлечение азербайджанского капитала в инвестирование тех или иных проектов: «Уверен, что привлечение инвесторов с дружественной для России страны Азербайджана окажет благотворное влияние на оздоровление экономического климата в целом на Кавказе» [15].

Одной из главных задач чеченского правительства является привлечение азербайджанских бизнесменов к инвестированию различных проектов ЧР. В результате конструктивных переговоров глав республик при первом официальном визите Рамзана Кадырова в Азербайджан, когда было решено усилия обеих сторон направить на установление экономических взаимоотношений, в 2011 г. в Грозный направилась правительственная делегация Азербайджанской Республики, которую возглавил сам министр экономического развития Азербайджана Шахин Мустафаев, что в свою очередь, продемонстрировало всю серьезность азербайджанского правительства в установлении крепких экономических связей с Чеченской Республикой. Министра сопровождала свита из представителей крупного азербайджанского бизнеса. Особый интерес они проявили к инвестиционным проектам в области нефтепереработки, энергетики, машиностроения, агропромышленного комплекса, инфраструктуры, строительства, социальной сферы и туризма. Обсуждая итоги визита Ш. Мустафаева с министром финансов ЧР Эли Исаевым, Рамзан Кадыров особо подчеркнул, что от притока инвестиций во многом зависит будущее развитие региона [6]. Уже в следующем году, 2012 - м, чеченская делегация во главе с министром финансов Эли Исаевым прибыла в Азербайджан, где встретилась с членами кабинета министров и представителями бизнес элиты Азербайджана.

В результате второго официального визита главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова в Азербайджан 15 ноября 2012 г. было подписано историческое межправительственное соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Чеченской Республикой и Азербайджанской Республикой, которое станет поворотным моментом в дальнейшем развитии двусторонних отношений. Подписание межправительственного соглашения не только носит стратегический характер, т. к. оно будет способствовать обеспечению установления на всем Кавказе стабильности и безопасности, создаст благоприятные условия для экономического развития и всестороннего сотрудничества двух республик, но, что на наш взгляд наиболее важно и принципиально, еще более сплотит два дружественных, братских народа.

Нельзя отрицать значимость и религиозного фактора в достижении единства народов Кавказа, политической стабильности и мирного сосуществования не только на Кавказе, но и в Российской Федерации в целом. Так, в частности, одним из немаловажных составляющих чечено-азербайджанских отношений является именно направление усилий на решение религиозных проблем региона, развитие отношений и укрепление сотрудничества в религиозной сфере, ведь, как известно, как глава Азербайджана Ильхам Алиев, так и глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, продолжая политику своего покойного отца, первого президента ЧР, Героя России Ахмата Кадырова, активно выступают против терроризма, экстремизма и ваххабизма как на региональном, так и на мировом уровне. Встречи Рамзана

Кадырова с Председателем Управления мусульман Кавказа шейхом - уль - исламом гаджи Аллахшукюром Пашазаде носят регулярный, вернее, традиционный характер. Так, и при втором официальном визите в Азербайджан Рамзана Кадырова в 2012 г. состоялась их встреча, в ходе которой была отмечена необходимость и дальше поддерживать тесные контакты между учеными-алимами Чечни и Азербайджана, совместно и активно бороться с терроризмом, экстремизмом на Кавказе, согласованными усилиями духовных управлений разрешать межконфессиональные, межнациональные проблемы [13].

Отметим, что еще в 2009 г. во время первого визита главы ЧР Рамзана Кадырова в Азербайджан шейх - уль - ислам Аллахшукюр Пашазаде, отмечавший свое 60 - летие и одновременно 30 - ю годовщину пребывания в сане муфтия, был награжден самим Рамзаном Кадыровым высшей наградой Чеченской Республики - орденом Кадырова - за выдающуюся религиозную деятельность по укреплению исламского наследия и сохранению духовного единства мусульман, а также значительный вклад в развитие дружественных отношений между Азербайджаном и Чечней [10]. Неудивительно, что и во время второго официального визита в Азербайджан Рамзан Кадыров лично встретился с шейхом - уль - исламом Аллахшукюром Пашазаде и обсудил с ним насущные проблемы, ибо религиозная толерантность также является важным фактором в обеспечении стабильности и благополучия в регионе.

Отметим, что именно в Грозном 24 - 25 мая 2016 г. прошла VII Международная встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, на которой приняли участие секретари Советов безопасности, министры, помощники президентов и премьер - министров по национальной безопасности, а также руководители спецслужб. Делегация Совбеза РФ прибыла в Грозный во главе с секретарем Николаем Патрушевым. Делегатами из более 70 стран были обсуждены такие вопросы, как противодействие экстремизму и терроризму, проблемы обеспечения региональной и международной безопасности, связанные с миграционными процессами, формирование системы международной информационной безопасности [4]. В ходе приема руководителя Администрации Президента АР Рамиза Мехтиева Рамзан Кадыров высказал необходимость укреплять дружеские связи между Россией и Азербайджаном для решения глобальных проблем современности, в частности, вопросов безопасности: «Укрепление связей Азербайджана с Россией - это важное и нужное направление. Я уверен, что мы должны быть вместе, вместе защищать наши народы и страны, чтобы врагу даже в голову не могло прийти попытаться с нами заигрывать» [14]. Отметим, что от имени Президента АР Ильхама Алиева Рамиз Мехтиев подарил главе ЧР Рамзану Кадырову именную пистолет «Зафар» «за особые заслуги в укреплении дружественных связей между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией» [2].

Уже в июне 2016 г. советник главы Чеченской Республики, депутат Госдумы РФ Адам Делимханов посетил Азербайджан с рабочим визитом. «Подчеркнув, что двусторонние отношения между Азербайджаном и Россией успешно развиваются во всех сферах, глава государства добавил, что в расширение этих отношений свой вклад вносит сотрудничество между Азербайджаном и отдельными регионами России, в том числе Чеченской Республикой» [11].

Немаловажным в отношениях Азербайджана с Чеченской Республикой является вопрос отношения главы ЧР к Нагорно-Гарабагскому конфликту. В своем интервью Day.az на вопрос **«Какова позиция Президента Чеченской Республики по армяно - азербайджанскому Нагорно - Карабахскому конфликту? На Ваш взгляд, по какому принципу необходимо урегулировать конфликт - по территориальной целостности или же права народа на самоопределение?»** Рамзан Кадыров ответил следующим образом:

«Наш народ хорошо знает, что такое война, и потому мы не сторонники военных конфликтов. Что касается ситуации вокруг Нагорного Карабаха, то считаю, что «лучше худой мир, чем хорошая война». Думаю, что не стоит нагнетать обстановку. Необходимо чаще встречаться лидерам обоих государств за столом переговоров. Рано или поздно это принесет свои плоды. Как мне кажется, каждая из сторон должна находить компромиссное решение не

в ущерб своим гражданам» [8].

К тому же, Рамзан Кадыров особо подчеркнул исторически сложившиеся добрососедские отношения между Россией и Азербайджаном, выразив надежду на дальнейшее укрепление двусторонних отношений [8].

Итак, подписание двустороннего соглашения не только стало договорно - правовым фундаментом постсоветских, современных чечено-азербайджанских взаимоотношений, но и знаменовало собой переход чечено - азербайджанских взаимоотношений на качественно новый уровень. Учитывая тот факт, что в современный период межнациональные и межгосударственные отношения развиваются главным образом под влиянием двух основных тенденций: сближения и сотрудничества, укрепления солидарности между странами регионами, с одной стороны, и обострения противоречий между странами региона, с другой, заключение столь важного соглашения между Азербайджанской и Чеченской Республиками, причем, охватывающего различные сферы жизни (торгово - экономическая, научно - техническая, культурная), не только радует, но и вселяет уверенность в дальнейшее продуктивное сотрудничество двух республик, укрепление дружбы двух народов в условиях политической, духовной, культурной интеграции народов в постсоветский период в противовес дезинтеграционным процессам, также имеющим место быть сегодня на Кавказе. Соответственно, укрепление дружественных отношений между Азербайджаном и Чеченской Республикой также внесет свою лепту в дальнейшее развитие российско - азербайджанских отношений.

Литература:

1. Азербайджанская делегация посетит Грозный для подписания соглашения о культурно-экономическом сотрудничестве. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=10848> (дата обращения: 12.11.2016).
2. Алиев подарил Кадырову азербайджанский пистолет. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2757676&cid=7> (дата обращения: 10.09.2016).
3. В Баку состоялась встреча между Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым и Президентом Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6286> (дата обращения: 09.11.2016).
4. В Грозный прибывают участники VII международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности. URL: http://ramzan-kadyrov.ru/press.php?releases&press_id=6627&month=05&year=2016 (дата обращения: 05.11.2016).
5. Делегация Чеченской Республики почтила память Гейдара Алиева. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=11983> (дата обращения: 02.11.2016).
6. Договор об азербайджанских инвестициях в чеченскую экономику планируется подписать в начале 2012 года. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=10255> (дата обращения: 03.10.2016).
7. Ильхам Алиев принял делегацию под руководством главы Чеченской Республики Российской Федерации Рамзана Кадырова. URL: <http://ru.president.az/articles/6637> (дата обращения: 12.10.2016).
8. *Интервью Day.Az с президентом Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым.* URL: <http://ia-centr.ru/publications/3536/> (дата обращения: 01.11.2016).
9. *Кафар - Заде Л.Р. официальный визит Рамзана Кадырова в Азербайджан в 2012 г.: новый этап чечено-азербайджанских отношений / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова «Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы. 4-ые Кадыровские чтения» (г. Грозный, 8 сентября 2016 г). Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016. - С. 221-227*
10. Муфтий Азербайджана награжден высшей наградой ЧР - орденом Кадырова. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6289> (дата обращения: 15.09.2016).
11. Президент Ильхам Алиев принял личного представителя главы Чеченской Республики. URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2543679.html> (дата обращения: 29.10.2016).
12. Рамзан Кадыров: «К сожалению, пока все наши отношения сводятся к челночным поездкам в вашу страну наших земляков и присутствием в Грозном азербайджанской

- диаспоры». URL: http://www.ramzankadyrov.ru/smi.php?releases&smi_id=71&month=01&year=2009 (дата обращения: 07.10.2016).
13. Р.Кадыров встретился с главой Управления мусульман Кавказа Аллахшукюром Пашазаде. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=11987> (дата обращения: 10.11.2016).
14. Р.Кадыров встретился с руководителем Администрации Президента Азербайджана. URL: http://ramzankadyrov.ru/press.php?releases&press_id=6645&month=05&year=2016 (дата обращения: 04.11.2016).
15. Р.Кадыров прибыл в Азербайджан с официальным визитом. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=11982> (дата обращения: 27.10.2016).

УДК 902.6

**РОДОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ НА
ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО - ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ**

**GENERIC WASTE TREES OF MEDIEVAL KOCHEVNIKS IN THE TERRITORY
OF THE NORTH WEST CASPIAN**

К.П. Кольцова,

*аспирант кафедры Всеобщей истории Калмыцкого государственного
университета им. Б.Б. Городовикова*

К.Р. Kolzova,

*Post - graduate Student of the World History Department of the
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University*

В данной статье впервые публикуются материалы погребения 1 кургана 1, погребения 1 кургана 3 и погребения 2 кургана 4 могильника Малые Дербеты I исследованный в 2007 году.

Ключевые слова: *Калмыкия, археологическая экспедиция, средневековье, родовые могильники, курганы, могильный инвентарь.*

In this article for the first time materials of burial of 1 mound 1, burial of 1 mound 3 and burial of 2 mound 4 of burial ground Small Derbets I investigated in 2007 are published for the first time.

Key words: *Kalmykia, archaeological expedition, the Middle Ages, ancestral burial grounds, burial mounds, gravestones.*

Период позднего средневековья запомнился историкам, прежде всего, завоевательными походами монголов в Малую и Среднюю Азию, Кавказ и в Европу, а также созданием ими огромного Золотоордынского государства с хорошо налаженной инфраструктурой, в том числе и городской. Вместе с военной и политической структурой монголы привнесли в разноликую кочевническую среду южнорусских степей свои специфические черты погребального обряда. Проживание в составе единого государства привело к смешению различных групп кочевых племен, которое отразилось и на их погребальном обряде.

На первых порах своего пребывания на Нижней Волге и Северо - Западном Прикаспии, золотоордынские кочевники предпочитали хоронить своих покойников в курганах эпохи бронзы и раннего железного века. Вероятно, только данным обстоятельством можно объяснить их разбросанность по разным могильникам. В конце XIII-XIV вв. все чаще стали появляться индивидуальные захоронения под небольшими земляными насыпями, вокруг которых продолжали отсыпаться новые курганы, что приводило порой к формированию родовых кладбищ.

Крупные могильники кочевников второй половины XIII-XIV вв. в степях Восточной

Европы довольно редки [Иванов, Кригер 1988: 44; Кригер 1985: 21], поэтому неслучайно специалисты проявляют к ним большой интерес.

К настоящему времени на территории Северо - Западного Прикаспия исследовано два кочевнических могильника, которые возникли в течение второй половины XIII-XIV вв.

Первый могильник был обнаружен на орошаемом участке 4 совхоза «Иджил» Октябрьского района Республики Калмыкии. Из 10 исследованных курганов 8 содержали погребения золотоордынского времени, причем лишь одно было впускным в сарматский курган. Материалы указанных выше памятников уже опубликованы [Васюткин, Кольцов 1995: 114-121], поэтому ограничимся общими данными.

Хоронили покойников вытянуто на спине, преимущественно головами на северо-восток, лишь в двух случаях на север и по одному на запад и восток. В погребении кургана 4 на ступеньке лежали кости четырех ног лошади, отрубленные по тазобедренным суставам. Появление в степной зоне захоронений целого коня или его чучела с ногами, отчлененными по колено и выше, исследователи связывают с половцами [Атавин 1984: 139], которые продолжают жить в регионе и в золотоордынское время.

Погребения могильника «Иджил» хорошо датируются также по наличию в инвентаре костяных палочек, серебряных подвесок в виде знака вопроса, кресал (типа Б1 по классификации Г.А. Федорова - Давыдова), стремян (типа Г1 классификации Г.А. Федорова - Давыдова) и др. находок. По мнению Г.А. Федорова - Давыдова, подвески в виде знака вопроса и костяные палочки появились в степях Восточной Европы в золотоордынское время [Федоров-Давыдов 1966: 116; 1994: 178].

В 2007 году археологической экспедицией Калмыцкого государственного университета были проведены охранные раскопки курганного могильника Малые Дербеты I в Малодербетовском районе Республики Калмыкия, который состоял из 10 земляных насыпей [Верещагин 2007].

Самые ранние погребения в могильнике относятся к периоду поздней бронзы (срубная культура) - К-2 П-1 и К-9 П-1. В раннем железном веке отсыпают курган К-5, который содержал одиночное сарматское погребение.

В период позднего средневековья здесь отсыпают курганы №№ 1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, которые образуют уже целое кладбище. Все средневековые погребения совершались, вероятно, в течение непродолжительного времени и принадлежали к одной родовой группе. Половозрастной состав курганного могильника был представлен: двумя взрослыми мужчинами (П-1 К-3, П-1 К-5), тремя взрослыми женщинами (П-1 К-1, П-2 К-8 и П-2 К-11), четырьмя подростками (П-1, 2 К-4, П-1 К-7, П-1 К-10) и двумя детьми до года (П-1 К-8, П-1 К-11). Все погребения объединяет единство ритуала с незначительными различиями. Погребальные конструкции представляли собой ямы с заплечиками (кроме К-11 П-2), где покойники лежали головой на З (лишь в одном случае на В). Интересно, что ровики сопровождали только женские погребения (К-10, 11). Полные скелеты лошадей или их чучела были найдены как в женских, так и в мужских погребениях.

В настоящей статье впервые публикуются материалы погребения 1 кургана 1, погребения 1 кургана 3 и погребения 2 кургана 4, которые содержали не только богатый инвентарь, но и, возможно, элементы буддийского погребального обряда.

Курган 1 полусферической формы, без видимых повреждений, в плане слегка вытянутый по линии В - З. Размеры насыпи: высота 0,4 м., диаметр по линии С - Ю - 18 м., В - З - 20 м.

Курган был сооружен над индивидуальным погребением, которое было обнаружено на глубине 2,18 м., в 1 м к ЮВ от центрального репера (ЦР). Могильная яма прямоугольной формы, с сильно закругленными углами, была ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Размеры ямы: 2,70 x 1,10 м. Стенки в основном вертикальные, со следами затесов, оставленных орудием со скругленным зазубренным краем, шириной 3,5 см. На глубине 1,76-1,80 м по периметру ямы устроен заплечик шириной не более 10 см. Ниже уровня заплечика стенки ямы тщательно выглажены, создалось впечатление, что для этой процедуры

их смачивали водой. Начиная с уровня заплечиков, на стенках и в заполнении ямы, встречались следы органических тленов, представляющих собой остатки конструкции перекрытия устроенного на заплечиках и просевшего под давлением грунта. Перекрытие просело практически на костяк и лишь у стен его края задираются кверху.

Конструкция перекрытия достаточно сложная: основу его составляет рама, изготовленная из тонких деревянных реек, скрепленных железными гвоздиками с жалом не длиннее 3 см и широкой шляпкой. На раму натянута плетеная циновка из тонких веток (ива?) и камыша. Верхняя поверхность перекрытия носит явные следы окрашивания минеральными красками: зеленого и фиолетового цветов. В центре заполнения ямы, в 10 см выше уровня просевшего перекрытия, были встречены фрагменты бересты. Вероятно, это был небольшой рулончик, который закопали вместе с грунтом заполнения. Такая ситуация встречена в этом могильнике еще раз в К-8 П-1. В СВ углу ямы на глубине 2,18 м был найден фрагмент медного пула.

На дне погребения лежал скелет женщины, вытянуто на спине, головой ориентированный на ЮЗ (рис. 1). Руки были немного разведены в стороны, кости предплечья лежали параллельно позвоночнику, ноги вытянуты. Под скелетом прослеживался черный тлен, вероятно, остатки войлочной одежды. На правой ноге сохранился небольшой фрагмент кожи коричневого цвета от сапог.

Под ЮЗ стенкой лежали в анатомическом порядке кости от хвоста жеребенка.

Погребальный инвентарь:

1. Железные гвоздики в количестве 16 штук (рис. 2) скрепляли каркас деревянного перекрытия. Для прочности углы каркаса были укреплены 4 железными штырями, согнутыми под прямым углом.
2. Фрагмент медного пула (монеты), обнаружен в заполнении норы грызуна. Надпись на пуле не читается из-за сильной коррозии металла.
3. Под черепом, в районе височных костей, были найдены две серьги из желтого металла в полтора оборота (рис. 2). Изготовлены они из проволоки диаметром 2 мм, концы обрублены. Диаметр серег 17 мм.
4. В районе тазовых костей обнаружено бронзовое зеркало. Вероятно, оно лежало в кожаном футляре, от которого остался коричневый тлен (рис. 2). Зеркало относится к типу А I по Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, с. 78], без орнамента, по краю небольшой округлый бортик. В центре - след от отломанной петельки. Размеры зеркала: диаметр - 6 см, толщина - 1 мм.
5. К югу от правой бедренной кости был обнаружен железный нож. Металл подвергся сильной коррозии, оставшаяся длина лезвия составляла 55 мм, черешка - 30 мм. Виден уступ при переходе от лезвия к рукоятке.
6. Матерчатая шапка из темно-коричневого шелка лежала под черепом.
7. Фрагмент кожаной обуви.

Ситуация I. В 1 м к ССВ от ЦР на глубине 0,10 м., обнаружены остатки скелета лошади. Судя по расположению костей, туша лошади была расположена в яме в сидячем положении на согнутых ногах. К северу от костей лошади, на глубине 0,11 м., были найдены фрагменты железного стремени сломанного в древности.

Инвентарь:

Среди костей лошади были обнаружены фрагменты железного стремени - часть площадки ромбической формы с продольным ребром жесткости и мелкие части арки. Размер и форма не восстанавливаются.

Курган 3 был отсыпан для индивидуального погребения. В плане он округлый, без видимых повреждений, задернованный. Размеры насыпи: высота 0,35 м., диаметром, примерно, 12 м.

В центре кургана, с уровня материка, прослеживалась могильная яма размерами 2,50 х 1,30 м., форма прямоугольная со скругленными углами и выпуклыми длинными стенками, длинной осью ориентирована по линии В-3. Стенки могильной ямы ко дну сужались. На

глубине 60-75 см был устроен кольцевой заплечик шириной не более 20 см., местами он просел и обвалился, т.к. материковая глина довольно рыхлая и сильно крошится. Ниже уровня заплечика торцевые стенки продолжали сужаться, а длинные - сделались вертикальными.

На глубине 1,38 м., у северной стенки ямы, прямо на деревянном перекрытии могилы было обнаружено чучело коня. От него сохранились лежащие в анатомическом порядке череп (ориентирован на запад), кости ног отрубленных по 4-й сустав, хвост и черный тлен от шкуры. Лошадь была взнуздана, в пасти зажаты железные удила, в центре чучела обнаружены два стремени, там же зафиксированы остатки седла в виде деревянных плах.

Перекрытие могильной ямы было сделано из деревянных плах шириной 6-10 см., которые лежали на уступах под длинными стенками. Просевшие центральные части плах перекрытия лежали на костях скелета. Причем, практически все плахи (около 9-ти) были уложены в 3 части (над головой и грудью погребенного) могильной ямы. Еще одна плаха прослежена у В стенки. Остальную площадь, вероятно, закрывали полотном, плетеным из растений, так как между черным тленом от чучела коня и деревянным перекрытием был прослежен довольно мощный (2-3 мм) слой зеленого органического тлена. Восточная плаха лежала на дне могилы, на ней стоял красноглиняный кувшин.

На дне погребения лежал скелет взрослого мужчины вытянуто на спине головой на З (рис. 3). Руки лежали вытянуто вдоль туловища, ноги сведены вместе. Кости скелета оказались довольно хорошей сохранности, кроме черепа, который раздавило рухнувшее перекрытие.

Вдоль скелета с С и Ю лежали две длинных дощечки (более 1,60 м), прямоугольных в сечении (высота, примерно, 5-6 см). Вероятно, это оставшиеся детали от гробовища. Торцевые доски не сохранились. Под скелетом была прослежена двухслойная подстилка: белый тлен от камыша был перекрыт черным тленом от кожи.

Погребальный инвентарь:

1. В пасти коня были зажаты железные двусоставные удила без псалиев (рис. 4). Метал очень плохой сохранности, центральная часть практически полностью сгнила. Сохранились только стержни с неподвижными кольцами, а также вставленные в них подвижные кольца. По классификации Федорова - Давыдова удила могут быть отнесены к типу ПІ [Федоров - Давыдов, 1966, с. 17-18].
2. Два железных стремени (рис. 4) плохой сохранности обнаружены у чучела лошади. Вероятно, они однотипны, поэтому остановимся на описании более крупного фрагмента стремени. Он представлен обломком подножки с дужкой, верхняя часть которой расплющена и образует треугольный выступ под прорезью. Узкая закругленная подножка состояла из трех прутьев. По форме она близка к типу ДІІ, но с треугольной вершиной, как у отдела Г по Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, с. 13] и второго типа по В.Ф. Немерову [Немеров, 1987, с. 222].
3. Кувшин (рис. 4) был найден в ЮВ углу погребения, лежащим на боку. Вероятно, он стоял на перекрытии и упал вместе с ним. Тулово округлое, горло невысокое, прямое, напротив ручки немного расширяется к устью. Дно плоское, без поддона. Ручка в сечении овальная, нижняя часть крепится на плечике, верхняя на венчике. Сосуд орнаментирован 9 прочерченными концентрическими кругами по тулову и 3 при переходе к горлу. Поверхность ярко красная, заизвесткована. Часть венчика отбита в древности. В тесте примесь песка. Размеры сосуда: высота 260 мм, высота горла 75 мм, диаметр дна 122 мм, диаметр тулова 210 мм, диаметр основания горла 85 мм, диаметр устья 98 мм, толщина стенок 6 мм.
4. Железный нож обнаружен у правой бедренной кости, вероятно, он был подвешен к поясу. Лезвие в нижней части имеет небольшой изгиб к спинке. Длина лезвия 182 мм, ширина от 26 до 13 мм, толщина - от 11 до 6 мм; рукоятка у основания имеет размеры 11x22 мм.
5. Шелковая ткань серого цвета была прослежена под черепом и к С от него. Несколько фрагментов ткани были найдены в заполнении норки грызунов. Ткань могла покрывать голову покойного.

6. На ступнях ног сохранились фрагменты кожи от сапог, голенища полностью истлели. По конструкции сапоги походили на обувь монголов - гутал. Они имели прямое голенище с жесткими, наглухо пришитыми к нему союзками, но с более мягкими подошвами [Немеров, 1987, с. 214].
7. Кожаный колчан для лука (сагадак, сайдак, хаадак) был обнаружен прислоненным к С стенке, напротив берцовых костей. Вероятно, он крепился к поясу с помощью сыромятных ремешков [Немеров, 1987, с. 216]. Сагадак представлял собой кожаный чехол трапециевидной формы. Конструктивно состоит из двух кусков кожи, скрепленных между собой с помощью кожаной узкой полоски, к которой они были пришиты. Широкая верхняя часть и треть верха одной из сторон были не сшиты и служили карманом для вкладывания лука. Нижняя узкая часть закруглена. Внешняя сторона налучья была украшена глубоким теснением острым мелкозубчатым штампом, длиной около 1 см. Им была покрыта вся поверхность внешней стороны в виде елочки. Общая длина налучья была около 55 см, ширина в нижней части около 7 см, верха - более 15 см.

В колчан был вложен деревянный лук. От него практически ничего не сохранилось, лишь несколько фрагментов дерева, обмотанных берестой.

8. Берестяной колчан для стрел (туло) найден у С стенки могильной ямы за сагадаком. Для изготовления колчана использовался деревянный каркас, на который была намотана береста. К низу футляр расширялся, дно, вероятно, было изготовлено из органического материала (кожа или войлок). По всей поверхности колчана заметны парные отверстия - следы от прошивки нитками. По ребрам, с обоих концов колчана черной краской нанесены полосы, не достигающие до середины. У устья колчана с внешней стороны нарисована еще одна полоса. Рядом с устьем был найден фрагмент коричневой кожи, вероятно от ремешка или портупей, к которой крепился колчан.
9. Железная фигурная заклепка от берестяного колчана представляла собой овальную пластину с прямоугольной петлей отделенной перехватом. Длина 5,2 см, ширина 1,6 см.
10. В колчан было вложено пять стрел. По положению наконечников видно, что две стрелы были вложены наконечниками внутрь, а три - наружу. Четыре наконечника представляли собой срезни в виде вытянутой лопаточки с короткими, сходящимися под тупым углом верхними ударными гранями (рис. 5). Они могут быть отнесены к типу VХI по Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, с. 27]. Пятый наконечник - черешковый полулунный срезень (рис. 5).
11. Остатки от 4-х древков стрел (рис. 5) были найдены в колчане из бересты. Два древка представлены фрагментами нижних концов с составными деревянными ушками. Ушки конической формы, полые внутри, округлые в сечении с глубоким овальным вырезом для фиксации тетивы. Способ насада на древко - втулка, похожая на тип II по В.Г. Кищенко [Кищенко, 2003, с. 139]. Выше ушка на древке сохранились черные кожаные пояски - дополнительный крепеж оперения.
12. Серебряная пластинка треугольной формы со следами чеканки была найдена во рту, вероятно, это часть какого-то изделия типа обкладки чаши или ножен.

Курган 4. Насыпь оплывшая, в плане округлая, линзовидные ровики прослежены с южной и северной полы. Высота кургана 0,30 м, диаметр 10 м.

В кургане было совершено два захоронения. Погребение 2 было основным. Оно обнаружено на глубине 0,80 м., в 2 м к Ю от центра кургана. Могильная яма в плане прямоугольная со скругленными углами, длиной 2,20 м., шириной 0,80 м., длиной осью ориентирована по линии 3-В, с небольшим отклонением к ЮЗ. На глубине 1,80 м был устроен заплечик шириной 10-20 см по всему периметру погребения. На заплечики были положены деревянные плахи перекрытия, от которых сохранилось 9 фрагментов, со следами темного тлена, вероятно, от шкур лошадей. Заклад в центральной части могилы просел до глубины 2,17 м., почти до костяка человека (рис. 7).

На дне погребения, в гробовище, лежал скелет молодой девушки вытянуто на спине

(рис. 6; 7), головой на З. Череп был слегка наклонен влево, руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежали вместе. На ногах сохранились фрагменты кожаных сапог, которые прослеживались до самых колен. На остальных костях повсюду встречался серый тлен от верхней одежды.

Гробовище имело следующую конструкцию: несколько длинных досок шириной 9-10 см были положены вдоль длинной оси погребения на перпендикулярные доски шириной 6-7 см. Эти перпендикулярные доски лежали друг от друга на расстоянии не менее 26 см. В итоге получился своеобразный щит покрытый кожей (или шкурой), от которого остался слой черного тлена. Поверх деревянного щита лежал скелет молодой женщины, справа от нее, у самой стенки, находились кости барана. Вероятно, гробовище было окрашено в разные цвета, поскольку на некоторых досках осталась розовая и зеленая краска.

Как были скреплены доски не совсем понятно, так как не было найдено гвоздей или деревянных втулок. Возможно, они вообще не крепились, а лежали поверх друг друга.

Погребальный инвентарь:

1. У западной стенки погребения, почти у самого черепа, стоял кружальный сосуд (рис. 7). Дно сосуда плоское, тулово округлое, наибольший диаметр в верхней трети сосуда, невысокое горло расширяется к устью. Венчик плоский, чуть отогнут. В верхней части тулова, выше наибольшего диаметра была прикреплена петельчатая ручка, от которой остались два прилепа. Орнаментирован сосуд прочерченными концентрическими кругами, расположенными тремя группами по три круга между дном и наибольшим диаметром. Поверхность сосуда была обожжена неравномерно, поэтому на ней читались серые, розовые и красные цвета. На изломе черепок имел розовый цвет, в тесте прослежена примесь песка и толченой раковины. На дне сосуда обнаружен толстый слой сажи.
2. На левом бедре лежал железный нож с бронзовой обоймой на рукояти (рис. 7). Лезвие треугольное в сечении, спинка прямая, острие, выгнутое. Имеются уступы при переходе острия к черешку. Черешок отломан в древности. Длина лезвия 120 мм, ширина 22 мм.
3. На кисть левой руки был положен набор альчинок - 11 штук, еще 14 были разнесены землеройными животными по погребению (рис. 8). Среди них выделяются два экземпляра (биты), украшенные насечками, образующими сетку из ромбов. Один из них имел три просверленных сквозных отверстия.
4. Во рту погребенной был обнаружен фрагмент серебряного изделия (рис. 8) в виде треугольной пластины толщиной 2-3 мм с выштампованными овалами, один край которой имеет бортик. Вероятно, это часть накладки на какой-то предмет (чаша, ножны и т.д.). Размеры пластинки 29x33 мм. Подобный фрагмент встречен в погребении 1 кургана 3.

Ситуация 1 (рис. 7). Целый скелет молодой лошади (стригунка) лежал в специально вырытой яме, на глубине 0,39 м., в 1,5 м к СЗ от центра кургана. Лошадь была взнуздана, поскольку в ее пасти найдены железные двусоставные удила. В районе позвоночника обнаружены остатки от седла - фрагменты дерева, кожи, железная деталь, а так же, органический тлен, окрашенный в розовый и зеленый цвета.

Описанные выше средневековые погребения содержат целый ряд датирующих предметов: стремяна типа ДП (К-3 П-1); удила типа Г1 (К-3 П-1, К-4 С-1; К-7 С-1); наконечники стрел ВХ1 (К-3 П-1); шапочки Бокка (К-11 П-2); зеркало типа А1 (К-8 П-2); серьги типа VI (К-4 П-2, К-7 П-1, К-8 П-2, К-10 П-1).

Согласно периодизации Г.А. Федоров-Давыдова перечисленные типы вещей относятся к IV периоду истории поздних кочевников и соответствуют золотоордынскому периоду - вторая половина XIII - XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 116].

Относительно религиозного аспекта в погребальном обряде перечисленных выше захоронений, следует сказать, что в Улусе Джучи, наряду с культом Тенгри, видное место занимали представители буддизма, ислама и христианства. Причем популярность той или иной мировой религии зависела от динамично меняющихся исторических условий.

В исламе и христианстве более строго соблюдали правильное положение умершего относительно сторон света и запрещали класть в могилу оружие, орудия труда, украшения и

др. вещи. Буддизм напротив отличался разнообразием способов обращения с телами покойных и отсутствием твердо установленных норм погребального ритуала.

В качестве примера широкой вариативности проявления буддийской погребальной традиции исследователи указывают на практику закрывания естественных отверстий в теле усопшего, не известной в христианстве и исламе, положения монет или драгоценность в рот покойного, укрывание лицо шелковой тканью, иногда прикрывая ими рот [Позднеев, 1993, с. 463].

Практика закрывания естественных отверстий в теле усопшего, в буддизме сохраняется и поныне. По мнению буддийских лам, она помогает душе покойного покинуть тело через темя, а не через другие (нечистые) отверстия.

Высказанные нами соображения относительно буддийской обрядности описанных выше погребений, требуют дополнительных проработок и аргументаций, но эта тема другого исследования.

Литература:

1. Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв. // Советская археология. 1984. № 1. С. 134-135.
2. Васюткин С.М., Кольцов П.М. Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: КГУ, 1995. С. 107-160.
3. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII - XIV вв.). М.: Наука, 1988.
4. Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (XII-XIV вв.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
5. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII - XIV вв. // СА № 2, 1987. С. 212-227.
6. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993.
7. Федоров - Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.



Рис. 1. Курган 1, погребение 1.



Рис. 2 Курган 1, погребение 1: железные гвоздики, бронзовое зеркало, серьги



Рис. 3. Курган 3, погребение 1.



Рис. 4. Погребальный инвентарь погребения 1, кургана 3: удила, стремена, кувшин.

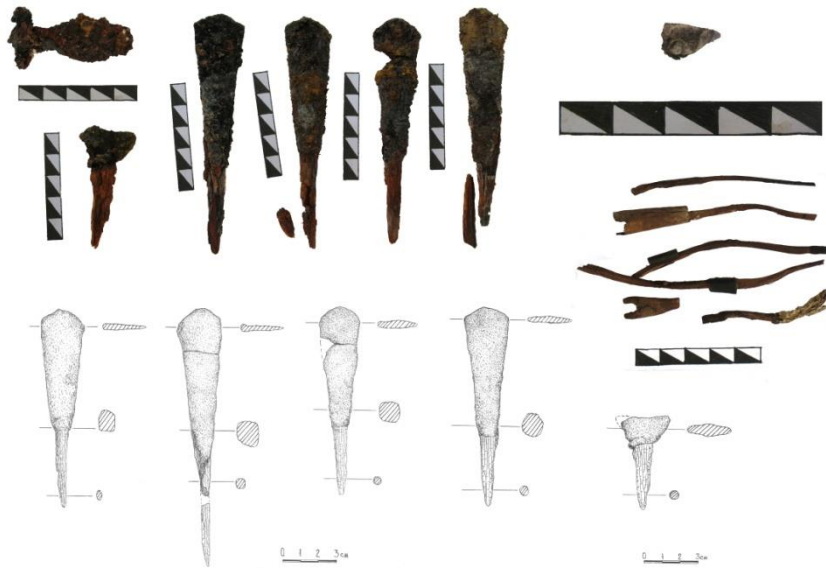


Рис. 5. Погребальный инвентарь погребения 1, кургана 3: наконечники стрел.



Рис. 6. Курган 4, погребение 2.



Рис. 7. Погребальный инвентарь погребения 2, кургана 4.

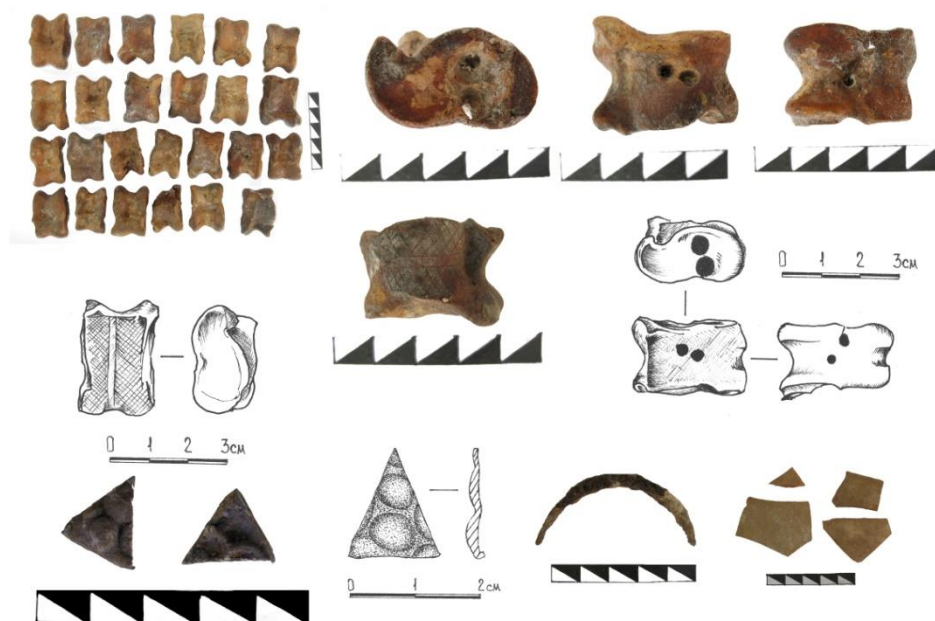


Рис. 8. Погребальный инвентарь погребения 2, кургана 4: альчики, треугольная пластина

УДК: 93/94 (930.1)

**РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР С СЕРЕДИНЫ 1960-Х ДО
КОНЦА 1980-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛМЫКИИ)**

**THE DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION SINCE THE MID-1960S UNTIL THE
END OF 1980-IES (BASED ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)**

К.Ф. Лиджеева,

д.и.н., профессор, Калмыцкий государственный университет им.Б.Б.Городовикова

K. F. Lidjeeva,

Ph. D. DHS

Kalmyk state University B. B. Gorodovikova

Ц.В. Олчанова,

Калмыцкий государственный университет им.Б.Б.Городовикова

C. V. Olchanova,

Kalmyk state University B. B. Gorodovikova

В статье рассматривается развитие школьного образования в 60-х - 80-х гг. XX в. на примере Калмыкии.

Ключевые слова: образование, общеобразовательная школа, программа, педагогические кадры.

The article discusses the development of school education in the 60-ies - 80-ies on the example of the Kalmykia Republic.

Keywords: education, secondary school, a program teaching staff.

Образование является важнейшим фактором развития общества. Его роль в комплексе общественных институтов исключительна, так как оно определяет перспективы социального

прогресса. Образование существует в конкретной социальной среде, и именно эта среда детерминирует задачи, решаемые образованием. Поэтому оценка обществом исключительной важности вопросов образования, в основе которого находится общеобразовательная школа, является объективной необходимостью.

При анализе развития общеобразовательной школы в период с середины 1960-х до середины 1980-х годов выявляется его противоречивость, обусловленная противоречивостью самой советской системы: осуществлению благих целей преобразования общества и формированию гармонично и всесторонне развитой личности препятствовала авторитарность социального устройства.

Не был исключением этот период и для школ Калмыкии. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР "О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы" [1, с. 218], которое вышло в 1966 году, в практику школы вводились новые учебные планы, программы и учебники. Систематический курс основ наук стал преподаваться с 4 класса, что внесло серьезные изменения в структуру и содержание работы школы. Для углубления знаний по физико-математическим, естественным и гуманитарным наукам, а также для развития всесторонних интересов и способностей учащихся, начиная с 8 класса, стали проводиться факультативные занятия по выбору учащихся. Были открыты школы с углубленным теоретическим и практическим изучением отдельных предметов. Надо сказать, что данная практика не укрепилась как в целом по стране, так и в республике.

Значительно расширилась школьная сеть республики. Если к 1957-1958 учебному году насчитывалось 218 школ с общим числом учащихся 18700, то к 1965/1966 учебному году работало 245 школ и в них насчитывалось более 48 тысяч учащихся [2, с. 11]. Таким образом, возросло количество школ и число учащихся увеличилось почти вдвое.

В 1972 году вышло Постановление Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы». Органам народного образования было предложено завершить к 1975 году введение новых учебных планов и программ по всем школьным курсам, оборудовать во всех средних школах необходимое количество учебных кабинетов, расширить сеть вечерних школ и их филиалов по месту работы молодежи и укрепить их базу.

Кроме этого, были приняты постановления о профтехобразовании, о высшей школе, о мерах улучшения условий работы сельской школы и "Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании".

В школах Калмыкии в этот период проводилась определенная работа по обновлению содержания общего среднего образования. Эти вопросы обсуждались на 3-м съезде учителей Калмыкии, проходившем 26 - 27 июня 1974 года в г. Элисте [3, с. 5].

В республике к началу 1970 - х годов обучалось более 64 тысяч учащихся в 100 средних, 45 восьмилетних, 110 начальных школах. Эти годы характеризуются началом усиления процесса концентрации школ; увеличилось число средних школ за счет сокращения малокомплектных восьмилетних и начальных школ. Так, по сравнению с 1968 годом количество малокомплектных школ уменьшилось на 35, а средних школ увеличилось на 23 [4, с. 11].

Дело в том, что переход к всеобщему среднему образованию потребовал повышения качества обучения и его экономичности. С этих позиций малокомплектные школы были расценены как неэффективные и не обеспечивающие качества знаний. Хотя, в условиях Калмыкии, где плотность населения невелика и населенные пункты находятся друг от друга на довольно большом расстоянии, именно малокомплектные школы являлись удобной формой получения школьного образования, что в свою очередь могло бы решить проблему закрепления кадров на селе.

Концентрация учащихся осуществлялась разными путями, наиболее приемлемыми в той или иной местности. Самыми распространенными вариантами укрупнения являлась организация подвоза детей к школам, размещение их в пришкольных интернатах.

Процесс укрупнения школ уже в начале 1980 - х годов привел к новой ситуации: в сельской местности снизилась наполняемость классов, но продолжался процесс концентрации

учащихся в городских школах. Несмотря на то, что на формирование сети школ оказывали влияние многие факторы (экономические, социальные, демографические, организационно - педагогические, географические), в 1970 - е годы практически учитывались лишь внутриотраслевые: педагогическая целесообразность и экономичность функционирования малокомплектных школ. Постепенно стали очевидными некоторые негативные последствия такого подхода. Во - первых, "закрытие мелких начальных школ вела к самоликвидации некоторых сельских поселков, ухудшалась обеспеченность производства рабочей силой" [5, с. 31]. Во-вторых, пришкольные интернаты не рассматривались самими жителями села как желательная альтернатива малокомплектной школы, так как отъезд детей наносил материальный ущерб семье: дети переставали участвовать в ведении личного подсобного хозяйства, были и материальные расходы на проживание ребенка вне дома. В - третьих, росла миграция населения из населенных пунктов, где не было школы.

Как видно, сельская малокомплектная школа являлась сложным социальным институтом, реализующим наряду с общеобразовательной подготовкой детей и экономические, и социальные функции.

Основным показателем выполнения восьмилетнего всеобуча являлось количество подростков 15-16 лет, получивших восьмилетнее образование из тысячи первоклассников, принятых в школу восемь лет назад. В Калмыкии этот показатель составлял 896 против 913 по Российской Федерации [4, с.127].

Развитие же среднего образования характеризовалось, главным образом, принятием выпускников восьмых классов в девятые классы. В процентном отношении довольно высоким был прием учащихся в девятые классы в школах Приозерного района - 75,1 %, в г. Элисте - 74,2 %, а в Городовиковском районе он был самым низким по республике - 54,1 % [6].

Однако в полной мере задача всеобщего среднего образования так и не была решена. В частности, наблюдался значительный отсев из дневной и особенно вечерней школ, что, в свою очередь, вело к невыполнению основного принципа всеобуча - охвата обучением всех детей школьного возраста. Например, за 1969 - 1970 учебный год выбыли по разным причинам из школ республики 88 человек [2, с. 12-13]. Ни один район по республике не выполнил полностью Закон о всеобуче.

Многие учащиеся, выбывшие из дневной школы, нигде не учились и не работали. Министр просвещения Калмыцкой АССР Шарапов В.М. констатировал тогда: "Этого бы не было, если бы с легкой руки руководителей школ недисциплинированным и неуспевающим учащимся не выдавались документы якобы для поступления в вечерние и заочные школы. Надо немедленно прекратить порочную практику избавления от трудновоспитуемых детей и усилить с ними воспитательную работу, используя для этого все формы и средства. К тому же, осуществление всеобуча нельзя рассматривать только как сумму организационных мероприятий по вовлечению детей в школу. Осуществление подлинного всеобуча - это также борьба с второгодничеством, борьба за прочные и глубокие знания учащихся" [2, с. 31].

Причины были разные, и, прежде всего, поспешность, формализм, кампанейщина в выполнении тех или иных решений, отсюда недостаточный авторитет средних школ среди учащихся и родителей. Но принятие учащихся в девятые классы еще не значило, что проблема уже решена. Это было лишь началом большой работы учителей, руководителей школ.

Наиважнейшим показателем состояния любого образования является уровень его материального обеспечения. В эти же годы произошел отход от принципа, предусматривающего приоритетное развитие образования, что получило выражение в сокращении доли расходов на него в структуре национального дохода. Победил так называемый "остаточный подход", когда в образование направлялись те средства, которые оставались после удовлетворения нужд других отраслей. Доля госбюджета на образование неуклонно снижалась: в 1970 году эта доля составила 12,8 %, в 1980 году - 10,5 %, а в 1985 году только 9,8 % [11, с.632]. Это привело к отставанию в области образования; если в 1950 году в СССР тратилось на нужды образования 10 % национального дохода, а в США всего 4 %, то в 1985 году в США - 12 %, в СССР - только до 7%. В СССР с 1970 по 1986 годы доля

расходов на образование в бюджете сократилась с 11 % до 8% [7, с. 632].

Кризисные явления в стране не могли не сказаться и на школах нашей республики. В частности, в связи с сокращением доли расходов на образование сокращался и ввод в строй его объектов. Например, с начала 70-х до начала 80-х годов в г. Элисте были построены всего 3 школы - № 18, 19, 20. А численность детей, посещающих школы, превышала число имеющихся в них мест.

Крайне запущенной и ветхой представляла материальная база школ, хотя, по оценкам специалистов, 45 % школьников обучались в зданиях, построенных уже после 1970 года [8, с. 144]. В Калмыкии 79 объектов требовали срочного ремонта кровли, систем отопления, замены полов, столярных изделий, без которых невозможно начать новый учебный год, 33 объекта находились в аварийном состоянии, подтвержденным актами, и представляли собой опасность для жизни и здоровья детей; в крайне критическом состоянии находились учреждения образования в Октябрьском районе - 8 аварийных объектов, в Яшкульском районе - 5 объектов [7, с. 144]. Школы г. Элисты были перегружены втрое, занятия шли в 2 - 3 смены, нарушались санитарно-гигиенические нормы, ухудшалось состояние здоровья детей (43 % были отнесены ко 2-й группе здоровья, 63 % учащихся имели хронические заболевания).

Образование обеспечивало и обеспечивает отбор наиболее важного и высвобождение места для нового знания. Определение пропорций между "новым" и "старым" требовало времени, что неизбежно задерживало приближение содержания образования к потребностям общества. Отсюда трудность выявления противоречий в системе образования и еще большие трудности в их преодолении. Поучительным в этом плане являлись недостатки в осуществлении реформы школы в конце 50 - х - начале 60-х годов, а также половинчатые мероприятия по совершенствованию системы образования в 70-х годах.

Содержание образования должно быть стабильным и вместе с тем мобильным. В этом состояла и состоит особенность системы образования, которую необходимо учитывать при проведении очередных реформ.

Довольно острой была также проблема с изучением калмыцкого языка, так как руководство страны в этот период определяет курс на формирование единого советского народа с единым языком, в основе которого калмыцкий язык, конечно же, не находился; для него было оставлено совсем немного места в общеобразовательной школе - изучение его в виде предмета, который рекомендовалось проводить последним уроком. Именно период с середины 60-х - 70-е годы характеризуются полным закрытием в республике калмыцких классов.

Этот вопрос серьезно волновал и Министерство просвещения Калмыцкой АССР. Всем заведующим рай -, горно, институту усовершенствования учителей было направлено письмо, в котором рекомендовалось: "Уроки калмыцкого языка должны изучаться не за счет других предметов, а сверх сетки часов, но в расписании уроки калмыцкого языка не должны планироваться последними уроками" [9].

Историки считают, что период с середины 1960 - х до середины 1980-х годов можно назвать началом, расцветом и концом застоя в системе политической и государственной власти в стране. Со страниц газет и журналов шел постоянно поток бодрой информации с небольшой, точно выверенной дозой критики.

В таком же духе были и выступления руководителей Калмыкии на всех совещаниях и конференциях по проблемам обучения родному языку. Калмыцкий язык фактически перестал быть средством активного национального общения. Начиная с 1970 года, ни один руководитель республики не выступил на родном языке; степень знания родного языка совершенно не учитывалась при назначении на должности, для которых просто необходимо было знание родного языка.

И, тем не менее, несмотря на трудности, в школах самоотверженно трудились учителя калмыцкого языка Катышева Н.К., Ченкалиева А.С., Боджаева М.Б. и др. Они использовали на своих уроках различные приемы обучения с целью развития устной и письменной речи, давали открытые уроки, работали с техническими средствами обучения, изучали калмыцкий

героический эпос "Джангар" [2, с. 15, 19].

В эти же годы предусматривались меры, направленные на дальнейшее повышение общественного престижа и авторитета учителя, на качественное улучшение его теоретической и практической подготовки, на создание условий для полноценного творческого труда. Выдвигалась задача полного обеспечения потребностей системы народного образования в квалифицированных кадрах, совершенствовании их психолого-педагогической подготовки. Подчеркивалась важность использования новых эффективных методов и форм обучения, внедрения в практику достижения педагогической науки и передового опыта.

Но число высших учебных заведений в стране почти не изменилось: в 1940 г. - 817, в 1987 г. - 856 вузов [10, с. 213]. Разумеется, у многих вузов появилось больше возможностей для обучения, но в любом случае за этим стоял "поток", который прокручивали через "старую мельницу".

Количественная сторона подавила в вузах качественную, возобладала уравниловка. Расплатой за это стала деформация и девальвация высшего образования.

Для 1950-1960-х годов был характерен более качественный, тщательный отбор в систему высшего образования. По ряду важных направлений именно специалисты, получившие образование в эти годы, вывели страну в авангард научно - технической революции. И не являлось ли показателем уровня знаний то, что во второй половине 1980-х годов, каждое научно-техническое достижение давало меньший эффект, чем достижения конца 1960-х годов [11, с. 327].

Как в целом по стране, так и в республике шел выпуск специалистов для народного хозяйства. Но в то же время не было подготовки специалистов по новейшим направлениям, как информатика, управление, психология и т.д. А экономический всеобуч был остро необходим для страны, для республики. Некомпетентность планирования - один из серьезных недостатков выпуска специалистов, что ощущается до настоящего времени.

В результате таких просчетов был недоиспользован интеллектуальный потенциал. Многие квалифицированные специалисты были заняты на должностях, не требующих специального образования. И даже те, кто работал по специальности, не были удовлетворены, так как многие из них не имели четких обязанностей и выполняли работу, не требующую вузовского диплома. Зарплата была невысокой, творческий труд составлял меньшую часть времени. Все это привело к отчуждению умов профессионалов, специалистов. Важнейшие специальности - инженер, врач, учитель - стали непопулярны.

Были существенные различия по уровню образования по регионам нашей страны. Достаточно высоким был общий уровень и качество образования в признанных культурных и научных центрах (Москва, Ленинград, Новосибирск и др.). Что касается отдельных регионов, то, как отмечают исследователи, в конце 70-х - начале 80-х годов наилучшие условия для обучения сохранялись в Литве, Белоруссии, Украине (по материальной базе и уровню квалификации педагогических кадров) [12, с. 140].

Наиболее низкими показателями в ряде южных республик, в Восточно - Сибирском, Поволжском регионах [12, с. 141]. Тем не менее, прогресс в образовании был ощутим. За 25 лет (1960 - 1985 гг.) число детей, обучающихся в средних школах страны, увеличилось с 50 % до 85 %, а число школьных педагогов, имеющих высшее образование с 34 % до 77 % [12, с. 140].

В Калмыкии в системе образования в немалой степени утвердился так называемый всеобуч. Практически возобладала усредненная масса, система образования работала на "вал", на "массовость". В итоге значительная часть молодежи имела откровенно слабые знания. Образование во многом стало формальным, необязательным, фиктивным. В эти же годы наблюдается потеря у школьников интереса к обучению, появляются понятия о формализме и даже о развале и крушении школы. Причины, видимо, в следующем. Во - первых, определенная девальвация самой массовой профессии - учителя, потеря им популярности и престижа. Во - вторых, на что следует обратить внимание, это низкий уровень экономического и социального обеспечения учительского труда.

Что же касается молодых преподавателей, то их положение существенно не улучшилось. После окончания вуза молодой учитель получал около 100 рублей (в ценах конца 70-х годов).

Молодежь (по крайней мере, лучшие молодые учителя) знала больше, имела более современную информацию, была более мобильна, охотнее шла на эксперименты. По проявлять свои новаторские начинания ей не давали, и поэтому возраст новаторов в эти годы был близок к пенсионному.

Серьезным противоречием являлась пропасть между высокими требованиями, предъявляемыми временем к школе, и случайностью выбора многими профессии учителя. Уже говорилось, что долгие годы в нашем обществе система школьного образования формировалась и финансировалась по "остаточному» принципу. Туда шло то, что оставалось после распределения между престижными и приоритетными сферами. Многие шли и по сей день идут в пединституты и педучилища не по призванию, а только для получения диплома и дальнейшей переориентации.

Еще одно противоречие, которое наметилось в эти годы - между требованиями научно-технической революции и характером знаний, получаемых в педвузах или педагогических факультетах вузов. Учитель более чем кто-либо должен быть в курсе новейшей информации.

Известный английский психолог Э. Стоунс в книге "Психопедагогика" писал: "В любом человеческом сообществе дети обучаются взрослыми физическим и умственным навыкам, необходимость которых определяется техническим развитием общества. В обществах с низким техническим уровнем передача навыков может осуществляться и неспециалистами. Навыки могут передаваться от родителей к детям, поскольку они достаточно просты и их относительно немного. Но с развитием науки и техники навыки и методы их передачи значительно усложняются, а, значит, требуют все более и более специализированной деятельности, то есть учителей - профессионалов. И работа учителя становится все более сложной, поскольку он должен осваивать знания и навыки, превышающие знания и навыки предшествующих поколений учителей" [13, с. 79].

По данным же опросов, большинство учителей опирались в своей деятельности на опыт учителей - новаторов (56 %) и труды и советы ученых - практиков старшего поколения (38 %) [11, с. 79].

Формальный ценз получаемого учителем образования был достаточно высок. Средняя продолжительность обучения работников просвещения была на 20 - 25 % выше, чем работников промышленности [8, с. 147]. Так, среди школьных учителей Калмыкии на конец 70-х - начало 80-х годов высшее образование имели 79,5 %, незаконченное высшее - 3,6 %, среднее педагогическое - 16,2 % [15].

Что касается руководителей средних школ, то практически все они окончили вуз. В то же время заняты были здесь преимущественно женщины - 74% всех учителей и директоров школ. Феминизация образования продолжалась. К середине 80-х годов более 70% студентов педагогических специальностей Калмыцкого госуниверситета и более 80% студентов педагогического училища составлял «слабый» пол [15].

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, в 1960-е - 1980-е гг. введение всеобщего среднего образования, изменение срока обучения поставило целый ряд новых задач перед системой образования. При решении их педагогические коллективы пытались совершенствовать методику обучения, менялись подходы к созданию учебных планов, содержанию школьных программ, была предпринята попытка сочетания решения задач эстетического, патриотического, трудового воспитания в процессе школьного обучения;

во-вторых, все эти направления в конечном итоге шли по пути унифицирования образовательной системы, проводимой в масштабе всей страны, но без учета региональных особенностей;

в-третьих, в Калмыкии резкий переход от национального образования к унитарному, введение обязательного среднего образования привели к росту второгодничества, отсева

учащихся из дневных общеобразовательных школ, падению престижа знания;

в-четвертых, очередное реформирование школьной системы не вело к глубинным изменениям содержания учебно - воспитательного процесса, парадигма образования оставалась прежней. В целом, в этот период оно проходило противоречиво, скачкообразно и непоследовательно.

Литература:

1. Народное образование в СССР. 1917-1973. Сб. документов. М., 1978.
2. Опыт лучших - во все школы. // Материалы II республиканского съезда мастеров педагогического труда. Элиста, 1965.
3. Третий съезд учителей Калмыкии. Сб. документов. Элиста, 1975 г.
4. Из опыта работы учителей Калмыкии. Сб. документов. Элиста, 1978 г.
5. Жамин В.А. Оптимизация размещения сети общеобразовательных школ. М., 1975.
6. НАРК. Ф.Р-25. Оп. 4. Д. 901. Л.6.
7. Народное хозяйство СССР за 70 лет. // Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.
8. Миронов В.Б. Век образования. М., 1990.
9. НАРК. Ф.Р-25. Оп.4. Д.901. Л.3.
10. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1987.
11. Народное образование в СССР. Под ред. Сб. документов. М., 1985.
12. Литвинова Н.П. Образование в условиях интенсификации экономики. М., 1989.
13. Стоунс Э. Психопедагогика. Психологическая теория и практика обучения. М., 1984.
14. Вендровская Р.Б. Обучение и воспитание: исторический аспект (60-е - начало 80-х гг.) // Советская педагогика. 1989. № 8. С.25-30.
15. НАРК. Ф.Р-25. Оп. 4. Д. 1127. Л.3.

УДК 902

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ - АРХЕОЛОГОВ В ДАГЕСТАНЕ В 60-Е ГГ. XX В.

EXPEDITIONARY ACTIVITY OF SCIENTISTS - ARCHAEOLOGISTS IN DAGESTAN IN THE 60-IES OF THE XX CENTURY

Ю.М. Лысенко,

к.и.н., ученый секретарь,

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Yu.M. Lysenko,

Institut of History, archeology and ethnography of the DSC RAS

В статье рассматривается деятельность отечественных археологов: Атаева Д.М., Котович В.Г., Котович В.М., Магомедова М.Г., Маммаева М.М., Гаджиева М.Г., Фёдорова Г.С., Давудова О.М. и др. по изучению древней и средневековой истории Дагестана в 1960-е годы. Дана характеристика работы ряда археологических экспедиций, проведенных в республике в рассматриваемый период, результаты которых имели большую научную ценность. Показано значение археологических экспедиций, организованных Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Названы основные археологические памятники, изученные в 1960-е гг. XX в.

Ключевые слова: археология; древняя история; история средних веков; Дагестан; ученые; экспедиция; памятники; археологическая культура.

The article discusses the work of Russian archaeologists: Kotovich V.G., Atayeva D.M., Kotovich V.M., Magomedov M.G., Mammaeva M.M., Gadzhiev M.G., Fedorova G.S., Davudov O.M. and others for the study of ancient and medieval history of Dagestan in the 1960-ies. The characteristic of the work of a number of archaeological expeditions conducted in the country during the period under review, the results of which have great scientific value.

Shows the importance of archaeological expeditions organized by the Institute IYaL. Named the major archaeological sites, studied in the 60-ies of the twentieth century.

Key words: *archaeology; ancient history; medieval history; Dagestan; scientists; expedition; monuments; archaeological culture.*

В 1960-е гг. XX в. в Дагестанской республике сформировался коллектив ученых, успешно работавших в институтах Дагестанского филиала Академии наук СССР, разрабатывая важные научные фундаментальные и практические проблемы. Значительных результатов в рассматриваемый период достигли археологии Института истории, языка и литературы ДагФАН в исследовании местных памятников древней и средневековой эпох.

Основное внимание, созданной в 50-е гг. Дагестанской археологической экспедиции, в 60-е годы было обращено на изучение средневековых поселений и городищ. Вопрос финансирования данных археологических исследований решался в Академии наук СССР. Так, 29 ноября 1960 г. на заседании Бюро Отделения исторических наук АН СССР рассматривалось ходатайство Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР о выделении средств на проведение археологических раскопок. Бюро Отделения поддержало ходатайство и обратилось в Совет по координации о выделении Институту 800 тыс. руб. на проведение археологических раскопок в течение трех лет, начиная с 1961 г. Бюро отмечало, что освоение указанной суммы силами археологов Дагестанского филиала при участии приглашенных ученых вполне реально [34, л. 56].

В постановлении отмечалось, что наиболее целесообразно в течение этого срока использовать дополнительные средства на раскопки Урцекского городища с культурными слоями II-VIII вв. н.э., археологический материал которого, по мнению Бюро будет способствовать уточнению ряда важных вопросов и в том числе вопросов связей с культурой Кавказской Албании и Хазарскими каганатом [34, л. 56].

Раскопки Урцекского городища проводились с 1960 по 1964 гг. под руководством Владимира Герасимовича Котовича. В 1961 г. приморский отряд Дагестанской археологической экспедиции вел исследования на городской цитадели, на культовом месте Урцекского городища и на могильнике. Помимо раскопок продолжались разведочные работы, велась топографическая работа. Раскопки в Урцеках вели В.Г. Котович (раскоп № 1), А.И. Абакаров (раскоп № 2), В.М. Котович (раскоп № 3), Н.Д. Путинцева (раскопы № 4 и № 5), К.А. Бредэ (раскопы № 6 - 8), Д.М. Атаев - могильник [21].

В полевом сезоне 1962 г. приморская археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Даг.филиала АН СССР продолжила раскопки Урцекского городища и некрополя, начатые в 1960 - 1961 гг. Вместе с сотрудниками института работали, и студенты историко - филологического факультета ДГУ. Объектом исследований оставалась городская цитадель, где продолжилось изучение отдельных участков оборонительных сооружений и примыкающих к ним построек их планировки устройства и т.п. Продолжались раскопки и на культовом месте, разведочные работы велись на городской периферии и в окрестностях городища. В результате были обнаружены два участка городского некрополя, расположенного на небольшом расстоянии от городища. В 1962 г. размеры раскопок увеличились до 1130 кв. м., при том что в 1961 г. площадь раскопа составляла 410 - 450 кв.м. [22].

Продолжалась работа по выявлению древних дорог, пограничных стен, строительных остатков, расположенных на значительном (более 1,5 - 2 км.) расстоянии от городища. Выявленные объекты наносились на топографическую основу, что позволяло составить известное представление о системе обороны и коммуникаций города, о размерах городской территории и др. В сезоне 1963 г. работы были продолжены на городской цитадели, а также на некрополе Урцеков. [23].

В июне - августе 1964 г. Приморская археологическая экспедиция Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР проводила стационарные и разведочные работы в приморских районах Дагестана. Экспедиция работала в составе: Котович В.М. (начальник экспедиции), Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., М.С. Арипов, Н.В. Елизарова, а также в разведочных работах принимал участие научный сотрудник Г.С.

Фёдоров. Стационарные работы экспедиции проводились на Урцекском городище и на участке от среднего течения р. Сулак до гор. Дербента (Казбековский, Кизилюртовский, Ленинский, Левашинский, Сергокалинский и Кайтагский районы ДАССР).

В 1964 г. на Урцекском комплексе древностей стационарные работы проводились на цитадели, некрополе и оборонительных сооружениях. Раскопками установлена многослойная стратиграфия городища, возникшего еще в эпоху раннего железа (VII - IV вв. до н. э.), а затем существовавшего и развивавшегося на протяжении последующих исторических эпох вплоть до VIII в. н. э. [20, с. 191].

Обширные археологические раскопки, проводившиеся на этом памятнике в 1960-1964 гг., позволили выявить значительные по протяженности мощные крепостные сооружения, свидетельствующие о сложном характере памятника как крупного экономического и политического центра раннесредневековой эпохи. Раскопки дали археологический материал, характеризующий многие стороны быта, экономики и социальной организации дагестанского общества в албанское время и в раннем средневековье, развитие местной материальной культуры с VII до н.э. до начала VIII в. н.э., историческую топографию и планировку города, особенности местной архитектуры и домостроительства, строительной техники [19, с. 154-156]. Было получено много материала, характеризующего хозяйство, ремесло, торговые и культурные связи, религиозные представления и обряды населения Дагестана в раннем средневековье. [33].

На основе материалов раскопок Урцекского городища В.Г. Котовичем с коллегами было подготовлено монографическое исследование «Урцекское городище - памятник раннесредневековой культуры Дагестана». В данной работе была охарактеризована политическая обстановка в Приморском Дагестане в период существования Урцекского городища, проанализировано географическое положение Приморского Дагестана и его историческое значение. Исследованы были походы скифов и история Кавказской Албании, а также «Великое переселение народов» и значение Хазарского каганата [28].

Археологические раскопки Урцекского городища и могильника, проведенные экспедицией Института ИЯЛ ДагФАН СССР в 1960 - е гг., познакомили научную общественность с одним из значительных средневековых городов Приморского Дагестана. Сопоставление данных письменных источников с результатами археологических раскопок позволило В.Г. Котовичу локализовать столицу гуннского царства Варачан на территории городища Урцеки. [1, с. 12].

Помимо стационарных работ, Приморская археологическая экспедиция в эти годы проводила разведочные исследования. В 1964 г. разведочными отрядами экспедиции в Ленинском, Буйнакском, Левашинском и Каякентском районах ДАССР было обнаружено около четырех десятков новых археологических памятников, был собран подъемный материал и дано его подробное описание.

Третий разведочный отряд Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. проводил разведки в Дербентском, Табасаранском, Касумкентском, Хивском, Агульском и Ругульском районах Дагестана, выявляя средневековые бытовые объекты, главным образом остатков средневековых городов. Разведки производились преимущественно по долинам крупных рек южного Дагестана и у главных перевалов, где проходили древние и средневековые коммуникации и где вероятность выявления соответствующих памятников была наибольшей. В ходе разведок было выявлено и обследовано более двадцати поселений и городищ средневековой эпохи, была составлена карта расположения обследованных объектов. [31].

С 1963 по 1966 гг. на средневековых Аркасском городище и могильнике вела стационарные раскопочно-исследовательские работы экспедиция под руководством Д.М. Атаева [3, с. 128 - 129]. В результате раскопок этого памятника были выяснены топография и планировка городища, выявлены хозяйственные и жилые помещения, несколько ремесленных мастерских, остатки мечети XIV в., оборонительные стены и башни, ограждающие городище с напольной стороны. Был добыт материал, свидетельствующий о высоком уровне развития городской культуры,

хозяйства и социально-экономических отношений в средневековом горном Дагестане. Параллельно со стационарными работами на Аркаском городище в 1963 г. экспедиция проводила археологические разведки на Хунзахском плато. В урочище Чинна, например, было обследовано два поселения, одно из которых относилось к домонгольскому времени (IX - XIII вв.), другое - к энеолиту и ранней бронзе [6, с. 68-73], [7, с. 22-27], а в окрестностях Ботлиха - могильник раннесредневекового времени (VIII - X вв.) [2, с. 51-59].

В 1961 - 1964 гг. в горных районах Дагестана одним из отрядов ДАЭ под руководством М.Г. Гаджиева исследовались поселения Гинчи, Чинна и могильники Гинчи, Урма [8], [9], [10].

В 1965 - 1966 гг. были начаты широкие археологические работы в зоне затопления Чиркейской ГЭС под руководством М.Г. Гаджиева. Работы были сосредоточены на поселении периода ранней бронзы на горе Тад - Шоб, где были обнаружены строительные остатки ранней бронзы и раннего средневековья, а также на Чиркейском курганном могильнике [13]. На поселении Тад - Шоб археологам удалось обнаружить целый ряд круглоплановых каменных жилищ с пристроенными к ним прямоугольными хозяйственными сооружениями. Выяснилось, что все эти жилища были внезапно оставлены жителями после сильных пожаров, о чем свидетельствовали мощные угольно - зольные напластования. Памятник характеризовался сохранностью интерьера жилищ, домашней и хозяйственной утвари в виде многочисленных керамических сосудов, орудий труда из самых различных материалов, в том числе из бронзы.

В 1966-1967 гг. под руководством Г.С. Федорова были начаты разведочные работы на Новонадежнинском, Тамазатюбинском и Герменчикском городищах [35, с. 92]. Одним из объектов, на котором велись археологические работы, являлось поселение Чопалав-тепе, где были выявлены жилища полужемляночного типа, обнаружено большое количество керамического материала, позволившего исследователю выделить три этапа его обживания (среднесарматский - II в. до н.э. - I в. н.э., позднесарматский - II - IV вв. и раннесредневековый - V - VIII вв.).

В 1967 - 1968 гг. стационарные работы были начаты на Андрейаульском городище под руководством Д.М. Атаева. Раскопкам была подвергнута часть городища и синхронные этому городищу курганы [4], [5]. Исследовались оборонительные сооружения городища, состоявшие из глубокого рва и довольно высокого насыпного вала, а также строительные остатки на его территории. Кроме того, на юго-восточной окраине городища был исследован комплекс гончарных обжигательных печей. В результате был собран большой материал, позволяющий судить об уровне развития материальной культуры, хозяйства и ремесленного производства. (Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С.121 - 139).

Параллельно с дагестанскими экспедициями в 1966 - 1967 гг. изучением археологических памятников в Терско-Сулакском междуречье занималась археологическая экспедиция исторического факультета Ленинградского государственного университета под руководством известного ученого А.В. Гадлю. Им было исследовано городище Хазар - Кала [14], [15].

В это же время археологические исследования в регионе проводил Л.Н. Гумилев. В результате этих исследований в монографии «Открытие Хазарии» были сопоставлены остатки Шелковского городища на Тереке, с остатками древнего Семендера. Различия между ним и остальными памятниками Прикаспия автор объяснил отсутствием или слабой выраженностью культурных отложений на городище, которые Л.Н. Гумилев объяснил нарушением стратиграфии Шелковского городища разливом Терека.

Привлекло внимание Л.Н. Гумилева и Некрасовское городище, остатки которого он относит к сарматскому времени [16, с. 163]. Поиски хазарских памятников в Прикаспии нашли отражение в ряде статей и в монографии Л. Н. Гумилева (Гумилев Л. Н. Где же тогда Семендер? // История СССР. 1969. № 3; Алексин А., Гумилев Л. Н. Хазарская Атлантида // Азия и Африка. 1962. № 2; Гумилев Л. Н. Хазария и Терек // Вестник ЛГУ. 1964. Вып. 4.).

В 1965 - 1969 гг. изучением бытовых памятников Дагестана эпохи раннего железа занимался В.Г. Котович. Экспедицией под его руководством были выявлены и изучены Шахсенгерский комплекс и Согратлинское поселение Гургурраал, окрестности хутора Хабада в частности раскопки и разведки Хабадинского могильника, Цыйшинское городище и могильник албанского времени, Вихлинское поселение I - V и IX - XIII вв., а также ряд других раннесредневековых поселений и городищ [27, с.120, 121].

Первый отряд Дагестанской археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР под руководством В.Г. Котовича в течении июля - августа 1966 г. производил раскопки памятников эпохи раннего железа в Каякентском и Гунибском районах ДАССР.

В 1965 г. в горном Дагестане на Турчидагском плато М.Г. Магомедов вел обследование древних бытовых памятников и комплекса раннесредневековых крепостных сооружений у сел. Риквани [32].

В 1966 г. горный отряд ДАЭ под руководством В.М. Котович исследовал могильник позднебронзового времени и урочище Мискин - булак около сел. Параул, городище албано - сарматского времени у сел. Куппа и местонахождение древних рисованных наскальных изображений у сел. Кара. Изучение наскальных изображений Дагестана в эти и последующие годы становится одним из важнейших направлений научно - исследовательской деятельности ИИЯЛ. В эти годы было выявлено более двух десятков местонахождений наскальных изображений, датирующихся временем от раннего мезолита до албанского и средневекового периодов [30, с. 92], [29, с. 97, 98].

В 1968 и 1970 гг. поселения и могильники ранней и средней бронзы в Ботлихском районе (Галгалатли I и II, Шебока, Ашали I, II и др.) исследовал отряд под руководством М.Г. Гаджиева [11, с. 102 - 103], [12, с. 104 - 105].

С 1969 г. изучением памятников раннего железа и албанского времени занималась экспедиция, возглавляемая О.М. Давудовым. Силами этой экспедиции исследовано большое количество разновременных памятников в разных районах Дагестана, в том числе Сумбатлинский и Курклинский могильники, Верхнелабкомахинское городище албано - сарматского и раннесредневекового времени [17, с. 100 - 101], [18, с. 126 - 127].

Своими первыми успехами дагестанская археология была обязана таким ученым, как Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, В.Г. Котович, Д.М. Атаев, М.Г. Гаджиев, правильно определивших основные направления археологических поисков и организовавшим раскопки важных памятников.

В 60 - е гг. были опубликованы первые монографии дагестанских археологов, в частности работа Д.М. Атаева «Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок в Аварии)» (1963), монографии В.Г. Котовича «Каменный век Дагестана» (1964) и «Верхнегунибское поселение - памятник эпохи бронзы горного Дагестана» (1965), монография М.И. Пикуль «Эпоха раннего железа» (1967), работа Исакова А. «Археологические памятники Дагестана» (1969).

Таким образом, в рассматриваемый период археологами республики была проделана большая экспедиционная работа, были выявлены и изучены новые памятники.

Литература:

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
2. Атаев Д.М. Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1973. Т. 3.
3. Атаев Д.М. Раскопки Аркаского городища // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. Баку, 1965.
4. Атаев Д.М., Абакаров А.И., Магомедов М.Г. Отчет о раскопках Андрейаульского городища. 1967 г. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 12.
5. Атаев Д.М., Абакаров А.И., Магомедов М.Г. Раскопки Андрейаульского городища. 1967. // Археологические открытия в 1967 г. М., 1968.
6. Атаев Д.М., Кушнарева К.Х. Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан) // Краткие сообщения Института Археологии. М., 1966. Вып. 108.

7. Гаджиев М.Г., Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1980. Т. 9.
8. Гаджиев М.Г. Гинчинский могильник эпохи бронзы // Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1962. Т. 10.
9. Гаджиев М.Г. Отчет о раскопках Гинчинского могильника в 1961 // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 137.
10. Гаджиев М.Г. Отчет о работе первого горного ДАЭ // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 176.; Д. 190.
11. Гаджиев М.Г. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане // Археологические открытия в 1968 г. М., 1969.
12. Гаджиев М.Г. Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане // Археологические открытия в 1970 г. М., 1971.
13. Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 227; Д. 229.
14. Гадло А.В. Городище Казар-Кала: к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане // Краткие сообщения Института Археологии. М., 1975. Вып. 144.
15. Гадло А.В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана: материалы по археологии. Махачкала, 1974. Т. 5.
16. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
17. Давудов О.М. Археологические работы в горах Дагестана // Археологические открытия в 1969 г. М., 1970.
18. Давудов О.М. Раскопки Сумбатлинского могильника // Археологические открытия в 1970 г. М., 1971.
19. Котович В.Г. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. Баку, 1965.
20. Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленжера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
21. Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Бредэ К.А., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1961 г. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп.1. Д. 47.
22. Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Котович В.М., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Даг. филиала СССР в 1962 г. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп.1. Д. 39.
23. Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп.1. Д. 49.
24. Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда. 1960. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.27. Оп.1. Д. 16.
25. Котович В.Г., Атаев Д.М., Абакаров А.И. и др. 1961 // Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ. 1961. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.27. Оп.1. Д. 47.
26. Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г. Отчет о работе Приморского отряда. 1963. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.27. Оп.1. Д. 49.
27. Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М. Раскопки в Кулинском районе горного Дагестана // Археологические открытия в 1968 г. М., 1969.
28. Котович В.Г. Урцекское городище - памятник раннесредневековой культуры Дагестана. (Коллективный труд) // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 178.
29. Котович В.М. Изучение древних рисованных изображений в горном Дагестане // Археологические открытия в 1970 г. М., 1971.
30. Котович В.М. Новые наскальные изображения горного Дагестана // Археологические открытия в 1968 г. М., 1969.
31. Котович В.М. Отчет о работе 3-го разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 178.
32. Магомедов М.Г. Отчет о работе первого разведывательного отряда ДЭА // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д.205.
33. Маммаев М.М. О знаках на керамике Урцекского городища // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. Баку, 1965.
34. Протокол № 35 заседания Бюро Отделения исторических наук АН СССР // Архив Российской академии наук. Ф.457. Оп.1. Д.300. Л.56.

УДК 902.6

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОНДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (РАБОТА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ КОЛЛЕКЦИЙ)

ARCHEOLOGICAL FUNDS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE CHECHEN REPUBLIC (WORK ON RECOVERY OF COLLECTIONS)

Р.Х. Мамаев,

с.н.с. Центра археологических исследований АН ЧР

И.С.-Х. Дачаев,

с.н.с. Центра археологических исследований АН ЧР

R.H. Mamayev,

Senior researcher Center for Archaeological Research of the Academy of Sciences of the Czech Republic

I.S-Kh. Dachaev,

Senior researcher Center for Archaeological Research of the Academy of Sciences of the Czech Republic

В статье рассматривается состояние археологического фонда Национального музея Чеченской Республики и работа по его комплектации.

Ключевые слова: Чеченская Республика, Национальный музей, археологические коллекции.

The article examines the state of the archaeological fund of the National Museum of the Chechen Republic and the work on its completion.

Key words: the Chechen Republic, the National Museum, archaeological collections.

Археологические коллекции как правило, составляют одну из наиболее репрезентативных частей музейных собраний и в этом смысле Национальный музей Чеченской Республики (ранее Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей, позднее Чеченский государственный объединенный музей) не является исключением. Вместе с тем именно эта часть музейных фондов во времена всевозможных катаклизмов и культурных катастроф наиболее подвержена разорению и гибели, в чем, к сожалению, еще раз получила возможность убедиться научная и культурная общественность нашей республики.

К вопросу о состоянии археологических фондов Национального музея Чеченской Республики в результате событий конца прошлого - начала нынешнего века специалисты обращались уже не раз [1, 2, 3, 4, 5, 6], причем разброс мнений здесь достаточно широк.

Так, С.С. Магомадов и Д.В. Пыльцин в статье, изданной в 2005 г. указывают, что в результате августовских боев 1996 г. в Грозном в целом потери музейных фондов составили до 99%. Сведений по археологическим фондам они не приводят, сосредоточив внимание на коллекциях этнографических, холодного оружия, изобразительного искусства [1, с.386].

В статье В.А. Асталова, опубликованной в том же году сообщается, что: «В третью, самую губительную кампанию в Грозном (1999-2000 гг.), военные подразделения довершили уничтожение Национального музея ... уничтожены и разграблены частично сохранившиеся было в первую войну фонды этнографических и археологических коллекций...» [5, с. 96-97].

Несколько позже, в 2009 г., в публикации М.К. Осмаева, основанной на докладе 2001 г.[6] сообщалось, что были «...уничтожены или разграблены около 90 % музейных экспонатов...» Национального музея и археологической коллекции в том числе [6, с.27].

Вместе с тем есть основания полагать, что представления о практически полной гибели

археологического фонда НМЧР были преувеличены, что следует из сопоставления следующих данных. Так, в статье В.А. Асталова, вышедшей в 2006 г. отмечалось, что в фондах музея к началу 1970-х гг. находилось до 33 000 «археологических памятников» [2, с.395] - Эти сведения были взяты из статьи И.З. Пономаревой «Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея» вышедшей в 1975 г. Но при этом надо учитывать, что в указанное количество были включены находки с территории всей тогдашней Чечено-Ингушетии [8, с.15].

Для сравнения - в монографии В.А. Асталова и И.С. Хамурзаева «Музейная сеть Чеченской Республики в конце XX - начале XXI», вышедшей в 2014 г., мы находим цифру в 25 634 единицы хранения, основного фонда Национального музея Чеченской Республики (без учета его филиалов) [4, с. 110]. Правда, под основным фондом авторы имеют ввиду не только археологические, но и естественно-исторические, этнографические, нумизматические коллекции, изобразительные источники и изделия из металла, дерева, керамики, ткани и др. [4, с. 110].

По итогам предварительной разборки в описи археологического фонда, 2000 г. количество единиц хранения составляло 26 196 единиц [9].

При этом нужно учитывать, что у музея тогда не было возможностей для ее нормального проведения как ввиду отсутствия необходимых условий, так и квалифицированных специалистов - археологов.

Сегодня мы можем констатировать, что в результате уже проведенного при участии авторов разбора основной части депаспортизированных материалов было установлено наличия находок с эпохи каменного века и до XVIII в. включительно, представляющих практических все районы Чеченской Республики, при этом сохранились не только материалы экспедиционных раскопок и разведок, но и археологические находки, переданные в музей жителями Республики.

Среди последних немало тех, что не были учтены специалистами и поэтому не нашли отражения ни в археологической карте 1966 г., ни в других профильных статьях и работах. Сейчас эти сведения вводятся в соответствующие разделы при выполнении научного проекта «Карта археологических памятников Чеченской Республики» Центра археологических исследований Академии наук Чеченской Республики (ЦАИ АН ЧР) [10, 11, 12, 13, 14].

Ниже приводится краткий обзор основных памятников, материалы с раскопок которых и сборов сохранились хотя бы частично, распределенные по соответствующим районам. Как уже отмечалось выше, с определением большей части находок возникли сложности, поскольку они депаспортизированы, прежняя опись фондов не сохранилась, как и отчеты о проведенных на территории республики в советский период археологических исследованиях. Поэтому их идентификация является по сути результатом комплексной источниковедческой работы с использованием опубликованных работ, отчетным материалам, находящимся в архиве Института археологии Российской Академии Наук и сведениям из хранилищ музеев России - ГИМа, Гос. Эрмитажа, Кунсткамеры (Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) и др.

В Наурском и Шелковском районах представлены находки многочисленных находок из кремня, собранные в бурунах и Ногайской степи¹, сборы подъемного материала с Шелкозаводского городища, несколько предметов из раскопанных курганов у с. Бурунское. Часть этих материалов уже опубликована в сводках (картах) соответствующих районов [10, 11]. С Надтеречным районом связаны немногие находки, сохранившиеся в музее, в том числе опубликованы недавно [13].

Гудермесский район представлен материалами Гудермесских курганов разных эпох, разновременных могильников у с. Джалка и у горы Гумси-Новогрозненского могильника

¹ История этих находок до конца пока неясна. Они были собраны неким энтузиастом- краеведом из г.Аргуна еще до событий 1990 – х гг. Позднее, стремясь сохранить их, он переправил коллекцию в музей г.Владикавказ, откуда она уже недавно вернулась в г.Грозный.

скифского времени, сборами с нескольких Качкальковских и Брагунских городищ¹, Ишхой-Юртовского средневекового поселения. Стоит отметить и несколько обсидиановых поделок и обломков шлифованного каменного проушного топора происходящих из окрестностей сел. Брагуны, которые не попали в опубликованную карту [12].

Материалы Грозненского района составляют многочисленные находки с известного Алхан-Калинского городища, нескольких Ханкальских памятников - поселений и могильников, Петропавловского городища эпохи раннего средневековья и т.д., а так же артефакты, собранные и переданные жителями различных населенных пунктов района. Некоторые из этих находок так же еще не были учтены в археологической литературе.

Коллекция находок из памятников Ачхой-Мартановского района численно невелика, но происходит из раскопок двух известных археологических памятников - Бамутского поселения и курганного могильника эпохи бронзы, из которых уцелели редкие керамические сосуды майкопской культуры и некоторые металлические предметы, часть из которых была умело реконструирована специалистами. Сохранилось кое-что и из раскопок позднесредневековых кабардинских курганов.

Из памятников Урус-Мартановского района уцелели немногочисленные материалы из катакомбных могильников² и поселения у с. Мартан-Чу, а также находки из раскопок позднесредневекового поселения³ у с. Алхазурово и курганов разных эпох у с. Гойты.

Памятники Шалинского района представлены материалами поселений кобанской культуры и могильника у с. Сержень-Юрт. К сожалению, от выразительных материалов могильника поздней бронзы - раннего железа практически ничего не осталось, в том числе и не одного знаменитого бронзового топора. К этому же району относятся материалы Гельдыгенского поселения и могильника и Шалинского могильника скифского времени.

Курчалоевский район представлен находками с многочисленных и разновременных памятников из окрестностей с. Мартуп - от кобанских могильника, средневековых могильников и поселений. А так же материалами Аллероевского могильника.

С территорией Ножай-Юртовский района связаны в основном фрагментарно сохранившиеся материалы из многочисленных разновременных могильников от эпохи бронзы и до позднего средневековья включительно - Бети-Мохского, Зандакского, Бельтинского, Ялхой-Мохского, Галайтинского скифского времени. Лехч-Кортовского сарматского времени и некоторые другие.

Из материалов известных могильников Шатойского района эпохи бронзы и средневековья осталось немного - находки из Гатын-Калинского и Харсенойского могильников, частично сохранились предметы из Дайского могильника (в том числе птицевидные бляхи) и отдельные вещи из позднесредневековых пещерного могильника Кешни-Ин и каменнаящичного могильника у с. Борзой.

К Веденскому району из всего уже обработанного материала фондов относятся находки из Харачоевского и Элистажинского могильника, а так же сборы каменных орудий из местонахождений в окрестностях озера Кезеной.

В сохранившихся материалах археологических памятников с территории Итум-Калинского и Шаройского района удалось выделить соответственно - в первом находки из Ушкалойского катакомбного и двух каменнаящичных могильников, Бугаройского могильника, известных склепов Малхисты и Майсты - Цой-Педе и Васеркела, а также Чааре, Басты, Коротоха, Комолха; во втором - отдельные предметы из раскопок каменнаящичных могильников у селений Кенхи [14].

¹ Эти материалы интересны, по причине того, что памятники, видимо, были обнаружены краеведом М.П. Севостьяновым в 1953 г., однако уточнить сведения о них ранее не представлялось возможным из-за отсутствия материалов. Теперь этот пробел можно восполнить.

² Некоторые из них редки, как например, т.н. «венгерская сумка» - ташка, которая с эпохи раннего средневековья дожила вплоть до начала XX в., являлась неизменным атрибутом экипировки гусарских полков всех европейских армий.

³ Которое считается одним из первых чеченских селений на плоскости.

Археологи республики продолжают разбор оставшихся материалов, которые станут основой постоянной археологической экспозиции Национального музея Чеченской Республики. Основным же вывод из уже проделанного очевиден - значительную часть накопленного удалось сохранить, несмотря на все коллизии и потрясения.

Литература:

1. Магомадов С.С., Пыльцин Д.В. Государственные музеи Чеченской Республики в период Российско-Чеченской войны 1994-1996 годы // Культура Чечни. История и современные проблемы. Москва, 2006. С. 379-391.
2. Асталов В.А., Войны, общественные катаклизмы в Чечне и историко-культурное наследие // Культура Чечни. История и современные проблемы. Москва, 2006. С. 392-405.
3. Гапуров Ш.А., Мамаев Х.М., Сохранение археологического наследия Чеченской Республики - наша общая задача // Историко-культурное и природное наследие народов юга России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития». (г.Грозный, 25-26 июня 2009 г.). Том I. Грозный, 2009. С. 12-19.
4. Асталов В.А., Хамурзаев И.С. Музейная сеть Чеченской Республики в конце XX - начале XXI века. Грозный, 2014. 196 с.
5. Асталов В.А. Историко-культурное наследие Чечни // Культура Чечни: испытание временем. Махачкала, 2005 г., с. 90 - 100 с.
6. Осмаев М.К. Культурное наследие Чечни на грани исчезновения // Наш долг - спасти и сохранить. Грозный, 2009 г. с. 26-31.
7. Мамаев Х.М., Еще раз о раскопках кургана 1929 г. в г. Грозном // Вестник академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2008. С. 111-118.
8. Пономарева И.З., Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Выпуск XI. Грозный, 1975. С. 5-17.
9. Архив НМ ЧР.
10. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Археологические памятники Наурского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики Грозный. 1(12). 2010. С. 147-153.
11. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Археологические памятники Шелковского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики Грозный. 2 (13). 2010. С. 147-153.
12. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. Археологические памятники Гудермесского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики Грозный. 1(16). 2012. С.121-130.
13. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Археологические памятники Надтеречного района (материалы к археологической карте) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. №2 (19), 2013 г. с.68-72.
14. Мамаев Х.М., Исаев С.Х., Тангиев М.А., Археологические памятники Шаройского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №4 (21), 2013 г. С.50-54.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЧЕЧНЕ
В 20-30-Е ГОДЫ XXВ.

FROM THE HISTORY OF CULTURAL DEVELOPMENT IN CHECHNYA
IN THE 20-30TH YEARS OF XX CENTURY

М.А. Манаев,

*Заведующий музеем кафедры
истории мировой культуры и музееведения
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

М.А. Манаев,

*Head museum of the Department of history of world culture and museology
FGBOU VO «Chechen State University»*

В представленной статье рассматриваются вопросы истории культурного строительства в Чечне в 20 - 30 - е годы XX в. Основное внимание уделяется задачам социалистического преобразования в Чеченской автономной области, которым служило искусство. Советская власть проводила политико - просветительскую и культурно-массовую работу среди населения посредством культурно - просветительских учреждений, которые 1920 - 1930 гг. строились в Чечне.

Ключевые слова: история, культурное строительство, искусство, Чечня, социалистическое преобразование.

In the present article deals with the history of cultural development in Chechnya in the 20-30-ies of XX century. The focus is on the tasks of socialist transformation in the Chechen Autonomous Oblast, which serves as an art. The Soviet government conducted political - educational and cultural-mass work among the population by means of cultural and educational institutions that 1920-1930 years. built in Chechnya.

Keywords: history, cultural development, arts, Chechnya, the socialist transformation.

Культурное развитие Чечни в 20-30-е гг. XX века связано с необходимостью осмыслить многосложный и противоречивый процесс, связанный с социалистическим преобразованием общества.

В исследуемое время повышению культурного уровня служили культурно-просветительские учреждения. В Чеченской автономной области в 1920 - 1930 гг. строились клубы, библиотеки, избы - читальни, музеи, театры, посредством которых советская власть проводила политико - просветительскую и культурно-массовую работу среди населения.

Со второй половины 1920-х гг. населенные пункты, колхозы и совхозы Чечни были прикреплены к районам, предприятиям, культурно-просветительским учреждениям Грозного. В 1923 г. политпросвет Грозного открыл Дом крестьянина. Для женщин - горянок открывались промысловые артели, школы кройки и шитья, в которых велась культурно-просветительская работа.

Задачам социалистического преобразования общества служило и искусство. При исполнении Чечни создается отдел народного образования, при котором открываются подотделы искусства. В 1923 г. в Грозном открылся музыкальный техникум [2].

В 1925 г. была организована научно - исследовательская экспедиция по изучению чеченского фольклора, в которой участвовал Александр Александрович Довиденко. Труды этой экспедиции были выпущены в свет в 1926 г. в Москве. А.А. Довиденко издал сборник фортепианных пьес, в который вошли 30 народных мелодий и песен.

Неоценимый вклад в дело собирания чеченского музыкального фольклора внес Георгий Христофорович Мепурнов, который руководил оркестром и хором Чечено-Ингушского радиокомитета, созданного в 1935 г.

Под руководством Мепурного работали такие музыканты как братья - гармонисты

Димаевы - Умар и Абдул - Азим, Ахмед Эльмурзаев, Йисита Ганукаева, Бауди Сулейманов, Хожа Мандиев и др. Важная роль в собирании и пропаганде народного фольклора принадлежит народному артисту ЧИАССР Умару Димаеву и Баудину Сулейманову.

Ярким событием в культурной жизни ЧАО стало открытие государственной филармонии. При филармонии функционировал симфонический оркестр, созданный еще в 1928 г., на концертных площадках исполнялась чеченская музыка в обработке советских композиторов [5, с. 215].

«В числе талантливых музыкантов, певцов, сказителей того времени были и Балкан Анзорова, Идрис Цицкиев, Мариам Айдамирова и др. В 1932 г. был организован первый национальный хор» [5, с. 214].

Определенные успехи были достигнуты и в киноискусстве. Первые советские фильмы и хронику массовый зритель в национальных областях края увидел еще в 1920 г.

«В 1926 г. киносетъ края состояла из 433 точек, в начале 1928 г. уже насчитывалось 565 киноточек. Северокавказское отделение «Совкино» ежемесячно получало из центра 16 кинокартин» [1, с. 28].

На экранах появились кинофильмы: «Золотой запас Колчака», «В тылу у белых», «Крест и маузер», «Степан Халтурин», «Робин Гуд» и др.

Большим успехом у зрителей пользовались «Красные дьяволята», «Аэлита», а также одна из первых советских кинокомедий - «Папиросница из Моссельпрома».

Крайком партии, придавая большое значение массовому киноискусству, рассмотрел вопрос «Об организации горского кино в крае». Краевое отделение «Совкино» должно было «организовать выпуск фильмов, отражающих жизнь и быт горских областей [9, с. 200]. Вскоре на экраны нацобластей края вышли художественные фильмы из жизни горцев: «Зелимхан», «Закон гор» и др. В 1932 г. в Чечне было 100 киноустановок с платным показом [7, с. 163].

В 1920-х гг. в ЧАО появляются драматические кружки, которые разыгрывали небольшие пьесы на русском языке и инсценировки из жизни чеченцев и ингушей: «Многоженство» (Козлова), «Самооборона», «Сыновья муллы» (М. Булгакова) и др.

К середине 1920 - х гг. театральная самодеятельность сделала первые попытки сыграть спектакли на чеченском языке. Были поставлены импровизированные спектакли в ст. Ермоловская, роли в котором исполнялись самими сельчанами [6, с. 437-438].

Магомед Яндаров в 1928 г. организовал первый драмкружок, который впоследствии стал Театром рабочей молодежи (ТРАМ), насчитывающий 50 членов. «На сценах дворцов культуры, клубов города и селений театр поставил ряд интересных спектаклей. Только в 1930 г. силами молодежного театра в городе и деревне было поставлено 150 спектаклей» [3].

В 1924 г. был создан русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова.

1 мая 1931 г. был открыт Чеченский национальный театр, первым директором которого стал М. Яндаров. Первыми артистами были 45 студийцев, в основном набранных из художественной самодеятельности. От первого студийного спектакля по пьесе Саида Бадиева «Красная крепость» (1933 г.) театр сумел перейти к профессиональным постановкам.

Пьесы для театра «Алибек - Хаджи Зандакский» (1923 г.), «Шейх Казиб», «Шейх Махсум» и др. писались на русском и чеченском языках.

Творческая деятельность Саида Бадиева была тесно связана с театром, который создал 15 пьес на злободневные темы. Его перу принадлежат такие пьесы, как «Красная крепость», «Закон отцов», «Горы меняются» и др. Пьеса «Петимат» стала классикой и десятилетиями не сходила со сцены национального театра.

В этот период сформировались такие талантливые актеры, как Ася Исаева, Измаил Ибрагимов, Ассих Эскерханов, Баудин Эльмурзаев, Мовждин Бадиев, Шамсутдин Кагерманов, Осман Горчханов, Тапа Исаев, Билал Саидов, Ася Ташухаджиева, Роза Бутиева, Тутта Алхазов, Гарун Батукаев [9, с. 203].

В городах и селах развернула работу художественная самодеятельность. В репертуар художественной самодеятельности входили пьесы местных авторов. Широкой популярностью пользовались произведения М. Мамакаева, А. Мамакаева, Х - Б. Муталиева, Н. Музаева и

других.

В 1923 г. Чечня прислала в Москву до 100 пудов своих экспонатов, выявляющих национальный быт чеченцев, а также модель чеченского двора. Экспонаты были помещены в Отделе Быта в Домоводства.

Первая экскурсия из Чечни прибыла 19 августа в количестве 19 человек и, посвятив 5 дней на просмотр Выставки, просила представительство Чеченской автономной области в Москве ходатайствовать остаться им еще на два дня для осмотра древних памятников Москвы. Председателем представительства было исходатайствовано перед соответствующими органами таковое разрешение, и был получен пропуск для осмотра Кремля [4].

7 ноября 1924 г. городской отдел народного образования открыл в Грозном окружной музей по истории культуры и религий.

21 июня 1925 г. Северо - Кавказский крайком ВКП(б) принял решение о передаче музея ЧАО и придании ему статуса областного музея.

По решению Чеченского облисполкома для музея приобретались различные экспонаты, относящиеся к истории Чечни. В музей поступали картины художников Маковского, Самакина, Лагорно, Вилевальда и др.

В 1927 г. из Эрмитажа в музей передали автопортрет художника П.З. Захарова, Рубо и Горшельдта («Пленение имама Шамиля» и «Смерть генерала Слепцова») [5, с. 180].

В 1926 г. Московское отделение Государственного музейного фонда передало 200 экспонатов и кавказоведческие книги. «Экспонаты поступали из Третьяковской галереи, тбилисского и дагестанского музеев, Ассоциации филателистов и других учреждений. Эти и другие приобретения позволили открыть при музее художественный отдел. В 1926 г. в музее насчитывалось 1400 экспонатов» [8, с. 6].

В 1927 г. директором музея стал З.Д. Шерипов. При нем музей пополнился многими экспонатами. В музее велась работа по краеведению, закладывались основы научно-исследовательской деятельности края.

В 1920 - 1930 гг. развитие получило живопись, графика, скульптура. В области успешно работали профессиональные и самобытные художники.

Скульпторы Х - Б. Ахриева были посвящены историко - этнографической тематике. Он автор миниатюр из слоновой кости. Организационный комитет I - ой краевой олимпиады искусств горских народов Северного Кавказа в 1931 г. признал его работы лучшими. Участником I - ой Олимпиады искусств горских народов был и Г. Даурбеков, окончивший Ленинградскую академию художеств в 1930 г. и со второй половины 1930 - х годов работавший в Грозном. «Его кисти принадлежит большое количество работ. Среди них картины, посвященные эпизодам гражданской войны, портреты, иллюстрации к книге Л.Н. Толстого «Хаджи - Мурат» и к другим литературным произведениям, пейзажи, зарисовки из жизни горцев, написанные им во время этнографических экспедиций в горах Чечни» [5, с. 217].

В творчестве художников, в основном, преобладала историко - революционная, фольклорно - этнографическая тематика. Изобразительное искусство в 1920 - 1930 - е гг. характеризовалось произведениями, проникнутыми агитационным пафосом, часто изображались люди труда, герои революции и гражданской войны.

Летом 1925 г. в Чечне работали художники Федор Черноусенко и Василий Шлиппнев. Среди работ художников особое внимание привлекают портреты горцев и горянок, которые с этнографической точностью фиксировали одежду, украшения. Композиционное решение авторов раскрывают духовный мир горцев.

В 1930 - е гг. наступает новый этап в развитии художественной культуры чеченского народа. С утверждением единого художественного метода социалистического реализма, было покончено с плюрализмом нэповских времен.

Литература:

1. Агаджанов Ю.Г. Правда против вымыслов. Грозный, 1987. 57 с.
2. Грозненский рабочий. 1928. 30 октября.

3. Грозненский рабочий. 1930. 29 декабря.
4. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 476. Л. 36
5. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено - Ингушетии (1920 - 1940 годы). Грозный: Чечено - ингушское книжн. изд-во, 1974. 235с.
6. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 832 с.
7. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т.2. 1917 - 1970 годы. Грозный: Чечено - ингушское книжн. изд-во, 1972. 360с.
8. Пономарева И.З. Из истории Чечено - Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 15 - 38.
9. Эльбиздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2012. 410 с.

УДК 9394

М.Х. БАГАЕВ - ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ И НАСТАВНИК: 75 - ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МУСЫ ХАРОНОВИЧА ПОСВЯЩАЕТСЯ

M.H. BAGAYEV - TEACHER, TEACHER AND SUPERVISOR: 75th ANNIVERSARY OF MUSA HARONOVICH DEDICATED TO 75TH ANNIVERSARY

Х.А. Матагова,

к. и. н., доцент кафедры истории России

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

H. A. Matagova,

to. and. Assistant Professor of the Department history of Russia

FGBOU VO "Chechen State University"

Статья содержит воспоминания об учебно - воспитательной деятельности М.Х. Багаева в Чечено - Ингушском государственном университете имени Л.Н. Толстого (с 1991 г. Чеченский государственный университет) в 1990 -е гг. Характеризуется вклад М.Х. Багаева в отечественную историческую науку. Автор рассказывает об участии великого педагога в личной судьбе.

Ключевые слова: *М.Х. Багаев, Чеченский государственный университет, педагог, история древнего мира, лекции, книга «Тайна имен».*

The article contains the memories about the educational activities of H. M. Bagaeva in the Chechen-Ingush state University named after L. N. Tolstoy (1991 Chechen state University) in the 1990s is characterized by the contribution of M. H. Bagaeva in the domestic historical science. The author tells about the participation of the teacher in personal destiny.

Key words: *Bagaev M. H., Chechen state University, teacher, ancient history, lectures, book "the Mystery of names."*

Минуло много дней и даже несколько десятилетий с того дня, когда я получила документ о высшем образовании. Однако образ родного вуза - Чеченского госуниверситета 1990 -х гг. и многих преподавателей до сих пор сохранился в моей памяти. В числе преподавателей, ведущих занятия на первом курсе исторического факультета, к великому счастью, оказался выдающийся педагог Муса Харонович Багаев. Он настолько интересно и доступно объяснял нам новый материал по истории древнего мира, что все усваивали его легко. Муса Харонович был для нас образцом честности, справедливости и трудолюбия, за что мы его очень любили.

На нашем курсе 1990 года набора было две группы по специальности «История». В моей группе «Б» было 25 человек. Все старались хорошо учиться. Регулярно посещали библиотеку им. Чехова, которая располагалась рядом со зданием корпуса университета. До сих пор вспоминаем годы учебы с теплотой: наши просторные аудитории, кабинеты;

гардеробную на первом этаже с очень вежливыми работниками преклонного возраста; столовую, в которой любили посидеть; наших ровесников, друзей и, конечно же, любимых преподавателей.

Первое знакомство с Мусой Хароновичем произошло до начала учебных занятий, когда нас первокурсников вместе со старшими курсами отправили на производственную практику в селение Алпатово Наурского района собирать виноград. Помню, как начальник смены Муса Харонович учил нас в первый день практики как необходимо чистить зубы. Каждое утро я вспоминаю рекомендации своего преподавателя, который оказался не только опытным педагогом историком, но знатоком многих медицинских тонкостей. Тонкое чувство юмора всегда позволяет Мусе Хароновичу быть своим среди студентов.

Об этих событиях двадцатилетней давности напоминают чуть пожелтевшие черно - белые фотографии, которые всегда приятно перебирать. Мы, первокурсники очень гордились тем, что получили возможность сфотографироваться с нашим наставником.

Помню, как все волновались, когда пришли на первое учебное занятие по истории древнего мира. Муса Харонович стал знакомиться с каждым из нас очень необычным образом: он просил каждого назвать имя, а сам комментировал его. Когда очередь дошла до меня я встала и назвала свое имя - Хатмат, которое не только в 1990-е, но даже сегодня считается не столь распространенным, а значит «модным». Реакция, последовавшая от моего преподавателя, вызвала во мне огромное чувство гордости за свое имя. Муса Харонович воскликнул: «Вот это я понимаю, вот это имя!». Нас всех и меня, в частности, поразили его познания в происхождении личных имен. Позже мы узнали, что областью научных интересов Мусы Хароновича именно в этот период стали личные имена чеченцев и ингушей. Результатом исследований ученого стала книга - «Тайна имен», вышедшая в 1994 г. в Грозном [1]. Особое внимание в ней автором уделено чеченским и ингушским именам арабского происхождения.

Вклад Мусы Хароновича в отечественную историческую науку не оценим. Он является автором более 180 научных работ, десятков учебно-методических пособий для студентов исторических факультетов, в том числе нескольких учебников истории для средних школ Чечни и Ингушетии [2]. М.Х. Багаев принимал участие в подготовке коллективных фундаментальных трудов, как, например, двухтомная история Чечни [3].

Лекции Мусы Хароновича открывали для нас новые миры древних цивилизаций. Он был и продолжает оставаться преподавателем, для которого работа была не просто профессией, а призванием, как и для многих других преподавателей исторического факультета. Поэтому многие однокурсники после окончания университета нашли себя, достигли заметных успехов в научно - исследовательской и учебной деятельности.

Думаю, об университетских годах у всех остаются самые светлые воспоминания, где были и достижения, и неудачи, а самое главное, вера в будущее и мечты, многие из которых стали реальностью. Мы все были разными, но каждый из нас чувствовал себя частицей одного большого сообщества, имя которому - Альма - матер.

Через некоторое время после окончания Чеченского государственного университета я была принята на работу методистом кафедры «История России». На протяжении многих лет я безуспешно пыталась получить разрешение на выезд для исследовательской работы в архивах и библиотеках г. Москвы. Судьбоносную роль в моей жизни сыграл Муса Харонович, который будучи деканом исторического факультета в 2007 г. предоставил возможность для выезда в Москву на повышение квалификации на 4,5 месяца в МГУ им. М. Ломоносова. Об этом можно было только мечтать, тем более начинающему исследователю. С чувством безграничной благодарности я всегда вспоминаю причастность великого педагога к личной судьбе. Он всегда будет оставаться для меня образцом искренности и бескорыстности.

С юбилеем Вас, Муса Харонович!

Литература:

1. Багаев М.Х. Тайна имен: вайнахи, арабы и ислам. 1994. 44 с.

- Багаев М.Х. Страницы древней истории Чечни. 2012. 256 с.; Ахмадов Ш. Б., Багаев М. Х., Ерещенко Г.А. Рассказы по истории родного края: учебное пособие для учащихся 6 класса. - 1991. - 112 с. ; Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье, VI в. до н. э. - XII в. н. э. / Козенкова В. И. М.: Наука, 2008. 454 с.; Багаев М.Х. Древняя и средневековая Чечня в исследованиях археологов - кавказоведов. Грозный, 2012. 192 с.
- История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2008.

УДК. 93/94

ЕВРОПЕЙСКИЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АВТОРЫ XVIII-XIX ВВ. О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ ВАЙНАХОВ

EUROPEAN AND DOMESTIC AUTHORS XVIII - XIX CENTURIES ABOUT RELIGIOUS BELIEFS OF VAINAKHS

К.З. Махмудова,

*к.и.н., доцент кафедры истории мировой культуры и музееведения
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

K.Z. Makhmudova,

*k.i.n., Associate Professor Department of the History of World
Culture and museology of FGBOU VO "Chechen State University"*

В статье на основе свидетельств европейских ученых и путешественников выявляется синкретический характер религиозных верований вайнахов XVIII века. Сочетание элементов язычества, христианства и ислама создавало своеобразную специфику в этнической культуре вайнахов.

Ключевые слова: *язычество, христианство, мусульманство, европейские авторы, синкретизм.*

In the article, based on the testimonies of European scholars and travelers, the syncretic nature of the religious beliefs of the Vainakhs of the 18th century is revealed. The combination of elements of paganism, Christianity and Islam created a peculiar specificity in the ethnic culture of the Vainakhs.

Key words: *Paganism, Christianity, Islam, European authors, syncretism.*

В вайнаховедении существуют вопросы, традиционно занимающие особое место и привлекающие постоянное внимание исследователей. К их числу относятся вопросы, связанные с историей религиозных верований. Весьма ценными являются работы европейских авторов, ученых XVIII века И. Гюльденштедта, П. Палласа, Я. Потоцкого, которые путешествовали по Кавказу и проводили его описание по программе Российской Академии наук [11, с.15-19]. Другие исследователи, осуществляли сбор сведений, находясь на русской военной службе и по заданию русского правительства. В их числе заметный след оставили И. Гербер и Я. Рейнеггс и др. [11, с 20].

Наличие следов христианства вперемешку с древней религией в некоторых горных обществах вайнахов фиксируют путешественники в конце XVIII века, хотя еще в начале XVIII века в 1728 году И. Г. Гербер писал: «чеченцы - мусульмане - сунниты» [4, с.4]. Некоторые уточнения следуют из известий Рейнеггса и Потоцкого, которые отмечают, что чеченцы были «ревностными» мусульманами, а ингуши и карабулаки [10] - язычниками. Ингуши, по Рейнеггсу, «почитали священную пещеру около деревни Вапила и священные скалы, которые назывались у них Иерда, а также небольшие серебряные фетиши неопределенной формы, называемые Тсуум», у которых ингуши просили ниспослать дождь, детей и т.д.; ингуши не признавали бога, которого чеченцы называли Даа или Даал. Для убитых молнией ингуши

воздвигали «постройку», на которой вешали шкуру козла с головой [13]. «Карабулаки» «...имеют нечто вроде естественной религии» (naturliche Religion - вероятно, речь идет об анимизме) «они почитают высшее существо и верят в загробную жизнь», - свидетельствовал в своем дневнике Я. Штедер [17, с.18] и дополняет «они берут, как магометане, многих жен, едят однако же свинину, вопреки магометанскому обыкновению» [17, с. 87].

То же время академик Паллас писал, что некий католический миссионер рассказал ему о религии горцев, «имеющих в своей земле христианскую церковь, именем которой даются самые священные клятвы. Никто не смеет войти в эту церковь» [12, с.417]. «...У них было разрешено многоженство и употребление свинины. Они соблюдали посты, летом короткий, зимой - более длительный. ... почитали некоего «благочестивого старца», которого звали Цанистаг (чистый муж); он жил высоко в горах возле одной древней церкви, в которой совершал жертвоприношения» [5, с.150, 479], - отмечал в своем труде Гюльденштедт.

Но при более пристальном изучении проблемы и обращении к другим источникам и достижениям современной науки, обнаруживается, что среди чеченцев ислам утвердился на самых ранних этапах. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в родовых книгах («тептарях») «генеологические древа» чеченцев, в которых фиксируются мусульманские имена праотцов, относящиеся к VIII веку н.э, а к X веку относятся обнаруженные археологами надмогильные чурты у высокогорных чеченских селений Хой, Макажой, Кезеной, Тазбичи, Дышни, Боторч, Нижний Кокадой и др.

Весьма информативны источники - «челобитные» (письма) чеченцев русскому царю Ивану IV (Ивану Грозному) в XVI веке, в которых вайнахи делились на мусульман, христиан и язычников. Это подтверждают и документальные источники, опубликованные в конце XIX века российским историографом С.А. Белокуровым в своем капитальном труде «Сношение России с Кавказом», а также археологические памятники.

Следует отметить и место христианства, которое стало проникать в вайнахскую среду с VIII века н.э. [9] не только с Закавказья (Грузия), но и юго - восточной Европы (Византия). В X-XI веках в Ассиновском и других ущельях появляются христианские храмы, о чем свидетельствует и сообщение Гюльденштедта. «... они имеют ... некоторые следы христианства, даже явственные, нежели у других кавказцев. Они веруют токмо в единого Бога, именуемого ими Даиле... Они, как и абхазы празднуют воскресные дни, одним токмо оставлением всякой работы; не употребляют мясного, летом короткое время, а зимою должайшее...» [6, с. 81]. В дневнике он с сожалением записал: «...есть, говорят, в помянутой церкви надписи, статуи, а под сводами и рукописи» и сетовал, что не смог посетить христианский храм (вероятно, Тхаба - Ерды) из - за снега: При этом делает весьма важное замечание: «одно за другим местные общества стали принимать за истину предписания Корана» [6, с. 89].

Вместе с тем, позднее в начале XIX века исследователь С.М. Броневский отмечал и примечательную особенность: «...В древнейшие времена ингуши, равно как и все кисты были христиане и находились в подданстве грузинских царей. Отпавши от христианства, они обратились к древнейшему своему богопочитанию, потом опять возникло христианство на короткое время, и, наконец, приняли ингуши магометанский закон, но притом держатся еще совокупно языческих и христианский постов, празднуют воскресенье и уважают отсутствие церкви» [2, с. 61]. Относительно же чеченцев другой автор в середине XIX К. Самойлов писал: «...Рассказывают, что в горной Чечне, в местах, не подвергавшихся влиянию мюридизма, можно и теперь встретить много медных маленьких крестиков, очень уважаемых их владельцами, и что, такие кресты попадаются иногда и в полях. Наконец, сами предания чеченцев сохраняют нередко какое - то смутное воспоминание о христианстве...» [14, с. 73]. Интересно замечание исследователя А.М. Шегрена: «...Они, ингуши, в отношении религии сделали ни то ни се: мулла свободно кричит при колокольном звоне, кистинский кумир Гальерд спокойно стоит в старой оставленной церкви царицы Тамары [16]. А во второй половине XIX века Н.Ф. Грабовский свидетельствовал: «Между ингушами встречаются еще старики, которые помнят обращение их в христиан и которые сами крестились. Побуждением

к обращению в христианство, как рассказывают они, служило главным образом, желание получить 50 коп., рубаху и крестик (крестики раздавались медные, но ингуши сначала полагали, что они золотые), которые снабжали каждого новообращенного. Один из стариков рассказывал мне, что он, подобно другим, несколько раз крестился, чтобы получить деньги, рубаху и крестик...» [8, с. 27-28].

Совершенно очевидно, что у горных вайнахов (разной степени превалирования) в XVIII веке бытовали черты язычества и христианства.

Влиятельное положение в горском обществе занимали служители «языческих культов», главными среди которых выделяли колдунов, шаманов, жрецов. Жречество являлось общественной группой, занимавшейся отправлением религиозных культов (жертвоприношениями, молитвами и т.п.). Об одном из таких представителей записал в своем дневнике и Гюльденштедт: «...есть у них род жертвоприношения. Оно состоит в заклании овец, по некоторым временам которое совершает нарочно для того избранный муж, называемый ими Цанистаг, т.е. чистый человек. Он представляет род священнослужителя, живет в безбрачном состоянии подле древней каменной церкви, которая, как говорят, лежит далече в горах, имеет каменные статуи и надписи и под одним сводом много книг...» [6, с. 116].

Другое наблюдение связано с поклонениями языческим идолам. Путешественником Я. Потоцким описываются находки у ингушей в виде маленьких серебряных идолов без определенной формы так называемые «цуумы». Он отмечает, что «циу» было одним из главнейших божеств до проникновения в горные общества христианства, а затем мусульманства. Приведены также примеры имен, произошедших от имен домашних животных и птиц. Подобные свидетельства отражают бытование языческих верований в горных ингушских обществах и в конце XVIII века. Надо заметить, что европейские исследователи наблюдали некое разнообразие религиозных ритуалов, празднеств и почитаемых святилищ: языческих, христианских и мусульманских в горных обществах чеченцев и ингушей.

По этой причине авторы XVIII в. не могли четко определить религию народов края. Трудность состояла в том, что и после широкого утверждения ислама продолжали функционировать некоторые культы христианского и языческого происхождения. Сельский мулла участвовал в коллективных обрядах, часто носивших языческий характер. В конце XIX - начале XX в. синтез ислама с языческими традициями проявлялся в общественных молениях об урожае, ритуале проведения первой борозды, празднике возвращения пахарей в село. Языческие святыни оставались объектами культа, в частности, у ингушей, которые продолжали возносить им молитвы на «священных» горных вершинах [3, с. 14].

Европейские ученые зафиксировали ряд божеств и святилищ. Правда, незнание ими языка, а в связи с этим и плохая транскрипция названий божеств и святилищ, затрудняли более глубокое их изучение и особенно этимологические изыскания в данной области. Однако отдельные описания божеств, святилищ и религиозных ритуалов дают нам богатейший материал.

Исследователи фиксируют следующие названия божеств: **Дели//Дяла//Дали** - главный и древнейший бог вайнаховского пантеона богов; **Ц1у//Ц1ув//Ц1иу** - один из позднейших основных богов вайнахов; **Сели//Стели//Сяли** - бог грома и молнии (ср.чеч.стелахаштиг - молния, букв. «факел бога Стелы: **Стела1ад//Дела1ад** - радуга, букв. «дуга бога // **Стелы Делы**); **Сигал //Стигала** - божество неба; **Сата** - дочь бога **Стелы//Селы**, покровительница невест (ср.чеч.**Селасат** - иволга или дочь бога грома и молнии, помогающая нахскому Прометею - **Пхьармату//Пхьармаку** - похитить огонь у отца); **Тушоли** - богиня деторождения, кумир женщин (ср.инг.Тушоли коатам - удод, букв. «журица Тушоли», появление которой предвещало радость и счастье); **Гушмали** - один из богов; **Кинч** - мать луны; **Аза//Аьзни** - красавица, или дочь солнца; **Лайаьзни** - красавица снежная, снегурочка; **Г1умаьзни** - красавица песков); **Елт** - покровитель хлебов, пищи; **Молыз** - бог войны; **Дардз - наьнилг** - букв. «мать вьюги»; **Хинана** - богиня вод, букв. - «мать вод»; **Гурметц1у** - бог

рая; **Боалам дала** - бог покосов; **Фурке** - богиня ветров.

Научную ценность представляет обнаруженная учеными стилизованная каменная статуя XV - XVIII вв. в районе высокогорного озера Галанчож Чеченской республики, посвященная богине плодородия Тушоли. Высеченная из огромного скального валуна, статуя достигает в высоту 4,5 м и весит около двух тонн. Тушоли, олицетворяющая по поверьям вайнахов, образ великой «матери людей» и покровительствующая плодородию, на протяжении многих веков пользовалась особым почитанием, прежде всего - у местных женщин. О популярности данного культа свидетельствуют также многочисленные святилища этого божества, разбросанные по всей горной зоне Чечни и Ингушетии [15]. Ежегодно пышный праздник в честь Тушоли справлялся весной (время возрождения природы), в месяц «Тушоли-бут» (апрель), а когда прилетала «священная птица удад» («Тушоли котам») и впервые стада выгонялись на летние пастбища.

Примечательна особенность была замечана исследователями - нижняя часть обнаруженной статуи носит следы многочисленных сколов: по бытовавшим в прошлом у вайнахов поверьям, кусочки, отколотые от нее, обладали якобы целебными свойствами. Их часто носили на шее бездетные женщины [15].

Многочисленные святилища говорят о существовании и других божеств: Пхьамат - Ерда, Баин - Ерда, Баин - Сели, Туига - Ерда, Дзарож - Ерда, Галь - Ерда, Мят - Сели, Магы - Ерда, Алби - Ерда, Сусюн - Дела, Сели - Тхьа, Цлуна - Куорта, Фьаппи - Ерда («Ерда» в транскрипции «йерда», означает «святилище»). Почти каждое племя, род, семья, а то и члены семьи имели своего патрона - покровителя, о чем говорит и сохранившееся выражение «хьай делан дуюхьа», что означало «ради твоего бога».

Анализ лингвистического материала вайнахских языков, предпринятый современными исследователями [1, с. 285-342], данные археологии, народных поверий и фольклора [3, с. 9-19], выявляют огромный пласт религиозной терминологии, отражающих специфику конфессиональных воззрений, своеобразный синкретизм элементов язычества, христианства и ислама у вайнахов в XVIII - нач. XIX в., что подтверждает достоверность свидетельств европейских авторов на страницах их научных трудов.

Литература:

1. Алироев И.Ю. Язык. История и культура вайнахов. Грозный: Книга, 1990. С.285-342.
2. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1 М., 1823; Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. VII. С.9-19.
3. Вайнахи - собирательное имя чеченцев, ингушей, бацбийцев, составляющие единую, этнокультурную общность
4. Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекой Курой народах, землях и о их состоянии в 1728 году // Ежемесячные сочинения. 1760. октябрь. С.4
5. Güldenstädt I.-A. Reisen durch Rußland und die Kaukasischen Gebirge. StPbg. Th. I. 1787.
6. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С.81
7. Георгий Готлиб. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятостей. Перед сим на немецком языке в переводе на российский язык весьма во многом исправленная и вновь сочиненная. 4. 1 - 4. С. - Петербург, 1799.
8. Грабовский Н.Ф. Ингуши. Экономика и домашний быт // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып.9. С.27-28.
9. Давид, царевич Грузинский. Краткая история Грузии. Тифлис, 1893.
10. Карабулаки - экзотным нахской группы населения, проживавшего на территории теперь современного Малгобекского района Ингушской республики.
11. Махмудова К.З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII-первой половине XIX вв. М.: Парнас, 2012. С.15-19.
12. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russieschen Reichs, in die Jahren 1793 und 1794. Bd. 1-2. Leipzig, 1799-1801. С. 417.
13. Reineggs J. A general, historical and topographical description of mount Caucasus. Transl. by Ch. Wikinson. London, 1807. С. 42.
14. Самойлов К. Заметки о Чечне. // Пантеон, СПб., 1855, с.83.

15. Чахкиев Д.Ю. Тушали // Грозненский рабочий. 1988. 12 сентября.
16. Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин и ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1840. № 27.
17. Stader L.L. Tagebuch einer Reise, die in Jahre 1781 von des Grenzfestung Mosdok nach dem inner Caucasus unternommen worden. Spb.- Leipzig, 1797.

УДК 902.6

«ЗАБЫТЫЙ МАВЗОЛЕЙ» (ЧЕЧНЯ) И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ АТТРИБУЦИИ

«FORGOTTENED MAUSOLS» (CHECHNYA) AND ITS POSSIBLE ATTRIBUTION

Е.И. Нарожный,

НАО «Наследие Кубани»», г. Краснодар

E.I. Narouzhny,

NAO "Heritage of the Kuban", Krasnodar

В статье рассматриваются различные версии относительно возможной этнокультурной атрибуции остатков кирпичного сооружения из Чечни, в свое время (1900 г.) исследованных краеведом-исследователем Г.А. Вертеповым. Описание сохранившегося до этих раскопок остатков кирпичного строения дают все основания для их сопоставления с такими категориями, как «золотоордынские мавзолеи» и подкурганые кирпичные «оградки». Проверка указанных гипотез заставляет авторов больше склоняться к предпочтению в его сопоставлении с группой наиболее поздних (XV в.) мавзолеев, представленных, как минимум, каменным мавзолеем Борга-Каш в Ингушетии. Однако наиболее важной ему аналогией авторы называют кирпичный мавзолей из Северной Осетии, являющегося на 52 лет хиджры старше Борга-Каш.

Ключевые слова: мавзолеи, Золотая Орда, Северный Кавказ, Чечня, мавзолей Борга-Каш.

The article considers various versions of the possible ethno-cultural attribution of the remains of a brick structure from Chechnya, which in due time (1900) were investigated by the local historian-researcher G.A. Vertepov. The description of the remnants of the brick structure, preserved before these excavations, gives all grounds for their comparison with such categories as «Golden Horde mausoleums» and podkurgannye brick «fences». The verification of these hypotheses makes the authors tend to prefer to compare it with the group of the latest (XVth century) mausoleums, represented at least by the stone mausoleums of the Borg-Kash in Ingushetia. However, the authors call the most important analogy to him a brick mausoleum from North Ossetia, which is 52 years older than the Borg-Kash.

Key words: mausoleums, Golden Horde, Northern Caucasus, Chechnya, mausoleum of Borga-Kash.

В 2010 году, на страницах № 1 (12) «Вестника Академии наук Чеченской республики» была опубликована статья, посвященная одному, действительно оказавшемуся всеми забытым археологическим фактом» - раскопанному еще в 1900 году фундаменту кирпичного мавзолея. Этот объект был раскопан «известным на любителем археологии» - Г.А. Вертеповым¹ Фундамент средневекового строения был обнаружен в основании одного из нескольких курганов, находившихся на окраине чеченского селения Урус-Мартан [Даутова. Мамаев. 2010, с 128-131].

Остатки этого строения были выявлены в небольшом кургане № 1. Как описывал его Г.А. Вертепов, изначально оно покоилось на каменном фундаменте округлой формы (ширина около 0,5 м) и было сложено из обожженных кирпичей «правильной прямоугольной формы»,

¹ Сведения о Григории Абрамовиче Вертепове (род. 22 января 1862 г.- 1919 г.) см. в статье А.А. Головлева: (Головлев. 2013, с. 126-134).

но несколько разнившихся между собой по своим размерам. Их Г.А. Вертепов сравнивал с современными ему кирпичами, но отличавшимися от них большими размерами. Упомянутый выше каменный фундамент строения был сложен, якобы, «на цементе» (?); по рассказам же местных жителей, которых краевед привлекал к раскопкам кургана затем сообщали: курган, за несколько лет до раскопок был разграблен. Все кирпичи, добытые при этом, были растащены по домам и использованы затем для устройства печей в своих жилищах. В сообщении нет ничего удивительного, поскольку аналогичная практика широко использовалась в различных уголках бывших золотоордынских владений, где такого «строительного материала», причем - бесхозного, было очень много, в чем можно убедиться ознакомившись, к примеру, с мемуарами В.Н. Татищева. В бытность астраханским губернатором он много внимания уделял описаниям подобных фактов [Нарожный, 2016, с.4]. Кирпичи и камни, выбиравшиеся из развалин различных золотоордынских руин Нижнего Поволжья, как утверждают различные документальные источники, вывозились на территорию «каспийской столицы» - Астрахани, где активно использовались при строительстве и реконструкции зданий различного назначения. Хорошо известно их применение не только при строительстве, например, астраханского Кремля [Нарожный, 2016, с.4], но и Успенского, и Троицкого храмов Астрахани и ее пригородов. При этом, для таких целей, по утверждению некоторых авторов, «кирпичи и камни привозились из развалин бывшей татарской столицы - Сарая» [Архирей, 1902, с. 4. с. 9]. Аналогичная ситуация длительное время наблюдалась и на руинах золотоордынского города Маджара, а также и в окрестностях ст. Ессентукской (Кавминводы), где местное население при ее основании, также добывали кирпич из расположенных поблизости золотоордынских мавзолеев. Как отмечали Т.Б. Палимпсестова и А.П. Рунич, при основании этой станицы казаки обнаружили мавзолеи и стали разбирать их, «забирая для хозяйственных целей часть камня, кирпича, а покрытые голубой глазурью кирпичи использовали для облицовки русских печей, как это делали и жители Прасковеев, разрушая Маджары» [Палимпсестова, Рунич, 1974, с.231]. На этом фоне сообщение Г.А. Вертепова о том, что кирпичи из раскопанной им постройки у Урус-Мартана, задолго до этого были растащены местными жителями для своих отопительных печей, не вызывает каких-либо особых комментариев.

В лаконичных описаниях своих раскопок Г.А. Вертепов сообщает о находках лишь нескольких фрагментов от кувшина из слабо обожженной глины. Однако ни возможной датировки, ни предположений о возможном функциональном назначении остатков этого сооружения краевед не сообщает. Сегодня остается только сожалеть, что интересный и не совсем характерный для археологии Чечни архитектурный объект оказался вне поля зрения исследователей.

В 2010 году, как мы уже отмечали выше, была предпринята попытка интерпретации остатков данного объекта. Высказанные тогда аргументы предполагали возможность видеть в сооружении фундамента, скорее всего, кирпичного мавзолея XIII-XIV вв. [Даутова, Мамаев, 2010. с 128-131]. При всей очевидной заманчивости именно такой атрибуции интересующего нас археологического памятника, тем не менее, сохраняются некоторые основания и для построения, кроме уже предложенной («мавзолеем XIII-XIV вв.») версии, как минимум, еще двух версий.

Версия 2010 года (*версия №1*) наряду со всеми убедительными аргументами, сохранила, к примеру, несколько уязвимых позиций. Известные к настоящему времени золотоордынские мавзолеи, как правило, не с курганами, в то время как доисследованная Г.А. Вертеповым постройка находилась в кургане; как известно, золотоордынские мавзолеи сооружались без курганной насыпи. Мавзолеи сооружались как правило из обожженных кирпичей [Гарустович, 2013, с.108-113, 2014, с.95-119],¹ что отмечено и в отношении

¹ В литературе известно о мавзолеех, якобы, полностью построенных из сырцовых (?) кирпичей (Матюшко, 2016, с. 153-160; Зиливинская, 2016, с. 86-105 и др.).

постройки из-под Урус-Мартана; либо же, мавзолеи полностью строились из камней¹. Нередко возводились они, как и в нашем случае, стены мавзолеев возвышались на каменных фундаментах, что было зафиксировано было и при исследовании мавзолеев близ Эссентуков [Палимпсестова, Рунич, 1974, с. 229-238]. Однако при строительстве таких усыпальниц широко использовался и богатый архитектурный декор, включая и его многочисленные детали, или даже наборные панно с разноцветной поливой. При археологическом изучении остатков известных нам мавзолеев, как правило, в большом изобилии встречаются фрагментированные остатки такого архитектурно-декоративного боя с поливой и иного «строительного мусора» [Палимпсестова, Рунич, 1974, с. 229-238; Васильев, 2008, с.10; Нарожный, 2017а, с.517. рис. 3, 1-69], чего в случае с раскопками Г.А. Вертепова не отмечается. Уже хотя бы по этой причине отождествление докопанного Г.А. Вертеповым объекта, с мавзолеем XIII-XIV вв., представляется не совсем реальным. Тем не менее, не отказываясь совсем от рассмотренной версии, предложим еще один вариант возможной идентификации интересующей нас постройки в кургане у сел. Урус-Мартан.

Версия №2. В принципе, она уже была обозначена в 2010 году наряду с версией № 1, но из-за незначительного привлечения возможных аналогий, версия №2 не получила своего развития и была признана как не соответствующая реалиям.

Выше, помимо отсутствия следов поливной керамики и кирпичей с глазурью, мы подчеркнули и то, что «мавзолеи» под курганными насыпями неизвестны. К тому же, если следовать видо-типологической классификации мусульманских погребальных сооружений на территории Золотой Орды, в свое время разработанной Л.Т. Яблонским, тип погребальных сооружений: «*мавзолеи*», справедливо был включен в категорию 1: *надземным* надмогильные сооружения [Яблонский, 1975, с.76]. В этом смысле более реальнее остатки сооружения из-под Урус-Мартана связывать с другой категорией подкурганых сооружений из кирпича, ныне более известных как «*оградки*», хотя в литературе встречаются и другие их терминологические обозначения [Зиливинская, 2016, с. 88-105]. Последнее диктует на перспективу потребность в выработке общих подходов и терминологии в едином обозначении и восприятии интересующих нас погребальных сооружений. Тем более, что попытки выработать такой унификации для единообразного, не только определения подкурганых кирпичных сооружений, но и общего (единообразного) их восприятия, изредка предлагались, но подобная работа в будущем представляется по-прежнему актуальной. При этом такая актуальность отмеченной проблемы вряд ли должна ограничиваться только территорией «Нижнего Поволжья», т.к. интересующие нас подкурганые кирпичные сооружения ныне известны не только на указанной территории. Сегодня они фиксируют от территории Западного Казахстана (обзор известных там объектов см.: [Бисембаев, 2003, с.193, рис. 34, 1-6, с.194, рис.35, 1-4 и сл.; Кригер, 2012, с. 164, рис. 8, с. 165, рис. 9 и др.; Марыксин, 2012, с.243-248 и др.), но и на территории Урала и Приуралья (Иванов, Кригер, 1988, с. 46, рис.12-14; Матюшко, 2011, с.146-155 Матюшко, Марыксин, 2014, с. 404-406; Матюшко, 2016а; 2016б, с.153-160]. Хорошо известны они и золотоордынском Поволжье (обзор см.: [Федоров-Давыдов, 1966, с. 131, с. 161, с. 201; Яворская, 1999, с. 249-255; Дворниченко, Зиливинская, 2006, с.281-303; Нарожный, Охонько, 2007, с. 27-35 и сл.; Зиливинская, 2009, с.119-140; 2016, с.86-105; Мыськов, 2015, с.383, рис. 15,1, с.384, рис. 16,1, с.386, рис. 18,1, с.389, рис. 21,1, с.391. рис.23,4; с.393. рис.25,3; с.400, рис. 32,1; с.401, рис. 33,1 и др.]. Типологически близкие подкурганые сооружения из сырцового кирпича известны также на территории Калмыкии, Ставрополя [Нарожный, 1988, с.183-184; Нарожный, Охонько, 2007, с.27-354; Бабенко, 2009, с 18-28; 2012, с.193-230], а также на Дону (их обзор см.: [Чхаидзе, 2014, с. 240-262]. В литературе уже указывалось [Нарожный, 1988, с. 183-184; Нарожный, Охонько, 2007, с.31] на то, что к точно таким же северокавказские объекты интересующего нас типа подкурганых погребальных сооружений из кирпича были ранее зафиксированы на территории Кабардино-

¹ Например - мавзолей Борга-Каш (нач. XV в.) в Ингушетии (Борга-Каш, 1974, с.2-6; Виноградов, 1980, с. 5-10 и сл.; Кодзоев, 2002, с.3-6 и др.).

Балкарии [Крупнов, 1950, с. 218-219; Чеченов, 1969, с. 97, с. 100]. Судя по лаконичному сообщению А. Фирковича, вовремя своей «Археологической разведки» видевшего выход кирпичей в разрушенной насыпи одного из курганов на Кавминводах, заманчиво полагать о том, что и в этом случае кирпичи могли быть от такой же подкурганной усыпальницы из кирпича [Нарожный, 1988, с. 184]. На этом фоне северокавказских аналогий, вероятно, и кирпичное сооружение из-под Урус-Мартана можно воспринимать в качестве такого же подкурганного сооружения - «оградки», ставя это сооружение в один ряд с выше указывавшимися археологическими объектами, связанных с погребальными традициями кочевников XIII-XIV вв. В их череду сооружение из-под Урус-Мартана занимает промежуточное географическое положение между ставропольскими и кабардино-балкарскими археологическими материалами. Однако интересующий нас тип подкурганного погребального сооружения из кирпичей, в литературе воспринимается и позиционируется сегодня неоднозначно. Некоторые из северокавказских, в основном, со Ставрополя кирпичных сооружений, предварительно была позиционирована как «мазары» [Белинский, Березин, Калмыков, 2001, с. 17-18], что не совсем соответствует реальности. По верификации погребальных мусульманских надгробий; «мазары», обычно рассматриваются в рамках одной «категории» наземных (надмогильных) погребальных надгробий, в которую их включают вместе с другими надмогильными надгробиями - «дюрбе» и «мавзолеи» [Яблонский, 1975, с. 76; Нарожный, Охонько, 2007, с. 27].

В других случаях, подкурганное кирпичное сооружение, правда, без дополнительных комментариев, названы «склепами» (Доде, 2001, с. 66-68), что на тот момент, также вызвало возражения [Нарожный, Охонько, 2007, с. 27-30]. В работах некоторых современных исследователей интересующие нас кирпичные сооружения рассматривают лишь как сохранившиеся части некогда *наземных сооружений* из сырца и жженного кирпича, сопоставляя их, исключительно с другим типом погребальных сооружений - «мавзолеями» [Власкин и др., 2006, с. 80; Матюшко, 2011, с. 146-155; Марыксин, 2012, с. 243-248; Матюшко, Марыксин, 2014, с. 404-406; Матюшко, 2016а, с. 265, рис. 76, 1, с. 266, рис. 77, 1, с. 267, рис. 78, 1 и др.; 2016б, с. 153-160; Зиливинская, 2016, с. 88-105 и др.], или же, «склепами-мавзолеями» [Васильев, 1998а, с. 101-112; 1998б, с. 6-55 и сл.]. Полагая, что на территории Золотой Орды, «среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют наибольшее количество», некоторые исследователи вполне справедливо указывают и на наличие подземных и полуподземных погребальных сооружений, которые они предлагают называть «склепами-мавзолеями» [Васильев, Зиливинская, Рудаков, 2012, с. 14]. В число таких же «склепов-мавзолеев» ныне включают и известное погребальное сооружение, находившееся под полом Нижнее-Джулатской мечети в Кабардино-Балкарии [Чеченов, Зиливинская, 1999, с. 201 - 210; Зиливинская, Чеченов, 2004, с. 138-159], ничего общего с подкурганными сооружениями не имеющего. Впрочем, предлагаемый терминологический «симбиоз»: «склепы-мавзолеи», представляется надуманным, поскольку в таком сочетании объединяются совершенно разные понятия. Если «мавзолеи» - это, как уже отмечалось выше, наземные надгробия, то «склепами» ныне называют погребальные сооружения не только подземного или полуподземного характера, но и погребальные сооружения. Целиком базирующиеся на земле. В тех же случаях, когда, например, у мавзолеев отмечалось наличие подземного «склепа», например, как это зафиксировано на примере мавзолея Борга-Каш, или же у части мавзолеев Маджара, описанных Ю. Клапротом [Нарожный, 1988, с. 184], существование таких склепов никоим образом не мешает восприятию таких объектов в целом, как «мавзолеев». Использование сочетания «склеп-мавзолей» к подземной части (под полом) мечети Нижнего Джулата, вряд ли правомерно, поскольку в таком случае, в роли собственно «мавзолея» должна выступать сама мечеть, т.е., как это было воспринято другими исследователями, например, по отношению к исследованному «мавзолею-мечети» на территории Воронежской области [Левашева, 1960, с. 181]. По этому поводу Э.Д. Зиливинская справедливо отмечает: «однако термин мавзолей-мечеть является спорным, поэтому более корректным было бы говорить о большом богатом мавзолее» [Зиливинская, 2014,

с.257].вероятно, будет справедливым и в отношении подземной части (под полом) мечети Нижнего Джулата, речь вести лишь о ее подземном «склепе».Что же касается подкурганых сооружений из кирпича (как правило - сырцового, и изредка - из жженного), то их терминологическое определение требует дальнейших усилий многих специалистов. Находясь под насыпью курганов, строения эти не только «ограждали» разнотипные погребальные сооружения, совершенные под полом такого строения. Однако, в одних случаях, подобные кирпичные конструкции, действительно напоминают известные «оградки»; в других, - это законченная конструкция с «крышей», что и вызывает ассоциации у некоторых исследователей с «мавзолеями», хотя, как уже отмечалось выше, «мавзолеи» - это, отнюдь, не подкурганые объекты. Да и отсутствие каких-либо следов от возможного разрушения таковых «мавзолеев» в курганах, не приводится. Более того, использование сырцовых кирпичей в повседневной практике эпохи средневековья общеизвестно. Преимущественно его использовали в домостроительстве и в хозяйственных нуждах, т.к. подобный кирпич в домостроениях обеспечивал сохранение тепла в холодное время года и прохладу в летнее. Однако недолговечность такого строительного материала общеизвестна. Использование сырцовых кирпичей под насыпью курганов, вполне обеспечивало относительную долговечность подобных конструкций, поскольку курганная насыпь должна была предохранять конструкцию от всех неблагоприятных условий. «Мавзолеи», как правило, погребальные (мемориальные) объекты с явными признаками социального престижа и предназначались, как правило, для длительного и, в основном, зрительного напоминания об этом. Даже а priori заставляет сомневаться в том, что для возведения мавзолеев использовался сырцовый кирпич. В этом смысле, подкурганые кирпичные сооружения, вне зависимости от того. Из каких - сырцовых, или жженных кирпичей они сооружались, более заманчиво рассматривать как *склепы*, которые, как известно, подразделяют на подземные, полуподземные и наземные, хотя в нашем случае можно вести речь еще об одной из разновидностей - о подкурганых склепах, несмотря на то, что ранее, такая возможность отрицалась [Нарожный, Охонько, 2007, с.27-28].

При наличии многих, других спорных вопросов, связанных с изучением подкурганых сооружений из кирпичей, не менее дискуссионным является и вопрос об этнокультурной принадлежности погребенных в таких сооружениях, впрочем, как и вопрос об определении конфессиональной принадлежности погребенных внутри таких конструкций. В одних случаях речь идет об «языческом», наряду с «мусульманским» их характером [Яворская, 1999, с. 249-255; Зиливинская, 2009, с.119-140]. В.Г. Блохин, например, акцентирует внимание на кургане («всхолмлении») №11 курганного могильника Аксай-1 в Октябрьском районе Волгоградской области. В нем, вокруг захоронения была зафиксирована двойная «квадратная оградка». Конструкция эта была устроена из сырцового кирпича. Находившееся внутри погребение (по квалификации автора публикации - «расчлененный» умерший), к югу от которого находилось кострище, внутри которого, как и в курганной насыпи были отмечены и кости животных. Погребальный комплекс, к тому же датированный монетами 50-нач. 60-х гг. XIV в. Указанный автор пишет и о «нарушениях целостности скелета»,¹ связываются им с т.н. «обрядом

¹ В.Г. Блохин пишет: «Разрушению подвергнуты череп погребенного и его ноги», в чем автор увидел преднамеренное (?) «расчленение погребенного». На самом деле, речь идет о том, что «череп был перемещен в район тазовых костей, а нижняя челюсть – на плечевую кость левой руки». А «отсечение ног по тазобедренным суставам» В.Г. Блохин «документирует» лишь предположительно. Не ставя задачи более детального рассмотрения этой, причем, вполне типичной ситуации, достаточно сложно видеть в ней некую преднамеренность, или, даже, специальный «обряд обезвреживания погребенных», как полагает В.Г. Блохин. Опираясь на личный опыт раскопок значительного количества каменных ящиков, например, Келийского могильника в высокогорной Ингушетии, отметим: подобные ситуации там встречались неоднократно. Смещение верхних и нижних конечностей, впрочем, как и черепов и их нижних челюстей, прежде всего объяснялось длительным отсутствием внутри каменной погребальной конструкции грунта заполнения, когда в «пустом» пространстве, под воздействием различных причин, включая и такой фактор, как «деятельность» грызунов, различные части скелетов,

обезвреживания погребенных» (далее - ООП) [Блохин, 2014, с. 81-82], существование которого в свое время было обосновано В.С. Флеровым на материалах раннесредневековых, преимущественно аланских памятников СМК [истор. см.: Флеров, 2000, с.55-74; 2002, с. 222-234 и др.]. Нам же представляется более реальным речь вести о том, что нередко, внутри подкурганных кирпичных сооружений встречаются грунтовые ямы с дополнительными внутримогильными конструкциями из кирпичей, находящими аналогии на мусульманских некрополях Золотой Орды, включая и Северный Кавказ (Маджары, Верхний Джулат¹). А это, в свою очередь, позволяет считать, что интересующий нас нас обряд захоронений, так или иначе связан, преимущественно, с исламизированным этнокомпонентом кочевой среды. По этим причинам распространение кирпичных подкурганных сооружений в Золотой Орде, ныне заманчиво рассматривать параллельно аналогичным процессам, прослеживаемым на территориях городских мусульманских некрополей [Нарожный, 2017, с.211]. К тому же, использование кирпича в погребальных сооружениях мусульман Северного Кавказа, возможно, было связано с появлением разрешительных мер, определенных исламскими законодателями [Халикова, 1988, с. 44-48; Нарожный, 2014, с. 147-153], хотя складывается впечатление о том, что «правовое» оформление указанных разрешительных мер было принято уже по «факту», т.е., узаконивая традицию в связи с ее массовым использованием.

Таким образом, на фоне рассмотренных выше материалов, несмотря на множество дискуссионных моментов в их современной трактовке указанных выше подкурганных кирпичных сооружений Золотой Орды, включая и территорию Северного Кавказа, упомянутая Г.А. Вертеповым кирпичная постройка в кургане под Урус-Мартаном, вполне могла являться точно таким же типом кочевнических подкурганных захоронений эпохи Золотой Орды. Однако нет полной уверенности в таком отождествлении, поскольку в описаниях Г.А. Вертепова присутствуют отдельные и, только на первый взгляд, несущественные моменты. Среди них - наличие у описанной Г.А. Вертеповым постройки, например, фундамента из камней, что для подкурганных кирпичных сооружений не характерно, т.к. сложены они прямо на материке при помощи глинистого раствора. У Урус-Мартановской постройки фундамент был сложен из булыжника, что характерно, в основном, для мавзолеев Золотой Орды. Именно это обстоятельство заставляет выстроить еще одну версию.

Версия 3. На территории Золотой Орды известны, к примеру, мавзолеи, построенные из камней, либо же из обожженных кирпичей [Гарустович, 2013, с. 108-113; 2014, с. 95-119]. Если обратить внимание на фразу Г.А. Вертепова о том, что кирпичная постройка в кургане у Урус-Мартана по словам местных жителей, разобравших ее еще до его раскопок, постройка эта, изначально, была построена из хорошо обожженного кирпича «правильной прямоугольной формы», напомнивших ему современные, но большего размера и неодинаковые [Даутова, Мамаев, 2010, с.128]. Упомянутые кирпичи, вполне могли быть не

после истлевания мягких тканей смещались в сторону. Смещение нижних челюстей и черепов, на примере Келийского могильника объясняется значительным возвышением черепа над скелетов. Как правило, череп в таких случаях находились на искусственной «подушке» или затылочной частью опирались на короткую стенку каменного ящика. Со временем череп сначала «склонялся» влево или вправо, в результате чего нижняя челюсть оказывалась на левой или правой стороне (впрочем, и по центральной оси верха грудной клетки), а череп затем скатывался вниз. По всей вероятности ВГ. Блохин столкнулся с аналогичной ситуацией.

¹ Интересную ситуацию отметил В.А. Кузнецов. Публикуя материалы раскопок церкви №3 городища Верхний Джулат, кавказовед указывает на «каменный саркофаг». Открытый близ этой церкви с погребением безинвентарного мужчины в нем. В качестве прямой и тождественной аналогии этому «саркофагу» исследователь приводит в ссылке на книгу В.Ф. Баллода «Приволжские Помпеи» (Баллод. 1923, рис. 86). Но на указанном рисунке – изображения нескольких типов мусульманских погребальных конструкций из золотоордынского г. Маджара (по материалам раскопок В.А. Городцова) и г. Укека. Отмеченная ситуация, вероятно, может дать основания и для иного восприятия раскопочных материалов церкви № 3 верхнего Джулата, которая, может быть, судя по этому «саркофагу», могла быть перестроена и использована для захоронения там мусульманских погребений (?).

только квадратной [Даутова, Мамаев, 2010, с.128] формы, но и близкой к ней конфигурации. Важно здесь другое: отсутствие хотя бы какого-нибудь намека на изначальное наличие у данного объекта каких-либо декоративных деталей, что, как мы уже подчеркивали выше, не позволяет сопоставлять указанное строение с золотоордынскими мавзолеями XIII-XIV вв. Однако, на Северном Кавказе известны и более поздние их образцы - это не только хорошо известный мавзолей Борга Каш,¹ по надписям над его входом [Лавров, 1964, с. 162-163; 1966, с. 129-131], датированный нач. XV в., который, однако, был построен не из кирпича, а из камня [Борга- Каш, 1974, с.2-6; Виноградов, 1980, с. 4-15; Кодзоев, 2002, с. 2-12 и др.]. По отрывочным данным XVIII столетия известно о существовании другого мавзолея в свое время зафиксированного на территории современной Северной Осетии (окрестности сел. Заманкул) и кратко описанном И.А. Гильденштедтом и интерес к которому, позднее, справедливо проявил Л.И. Лавров. В частности, цитируя И. Гильденштедта, кавказовед отметил: мавзолей, судя по указанным записям, находился «на восточной стороне речушки Яманкул, около 3 верст от Боташева кабака, на равнине, к северу». Мавзолей этот - кирпичный, что весьма важно для нас, но восьмигранной формы. Над входом в него - 3-строчная надпись (что напоминает ситуацию с эпиграфикой Борга-Каш); по Гильденштедту, мавзолей этот 860 г.х. Однако по уточнениям Л.И. Лаврова, ее «одинаково неуверенно можно читать: 86, 860, 16 и 160» г.х. (Лавров, с. 65). Однако, исторически, наиболее реальной может быть дата «860 г.х.», что позволяет мавзолей у с. Заманкул ставить в один ряд с мавзолеем Борга-Каш, полагая, что он «моложе» Борга-Каш на 60 лет по хиджре. [Нарожный, 1998, с.5-12]. А это, в свою очередь, позволяет синхронизировать с заманкудским мавзолеем и остатки мавзолея у Урус-Мартана.

Несмотря на всю неполноту имеющихся сведений, а также на предположительный характер предлагаемых выводов, указанные материалы - мавзолеи Борга-Каш и у сел. Заманкул, равно как и «забытый мавзолей» у Урус-Мартана, все они могут оказаться маркерами небольшого географического микрорегиона, скорее всего, на протяжении XV столетия ставшего ареалом этнополитической активности неких «борганов», поскольку в пределах этого ареала находит свое место не только цикл фольклорных материалов, связанных с мавзолеем Борга-Каш. Здесь же локализуется и «присунженский пласт» все той же борганской топонимии, в свое время собранной и опубликованной М.М.Базоркиным, одно время определявших и название Сунжи - «Борганской реки»), что зафиксировали грузинские источники, сохранив грузиноязычный вариант названия реки - «Борагнис-Цкали» (Нарожный, 2004. с. 193-200). Интересно, что с тем же ареалом хронологически связаны и находящиеся на небольшом удалении от Урус-Мартановского мавзолея разрозненные погребения грунтовых могильников «Урус-Мартановский поворот» (Урус-Мартановский район Чечни) и Алхан-Юртовский 1-й могильник (Грозненский район) [Мамаев, Нарожный, 2014, с. 43-45]. Вполне вероятно, что именно этот ареал и мог являться территорией формировавшегося в то время «Брагунского княжества», чуть позднее «сузившегося» территориально до значительно меньшей округи, соседствующей непосредственно с районом места слияния Терека с Сунжей с центром в Брагунской деревне (свор. сел. Брагуны), что хорошо фиксировалось в документальных источниках более позднего времени [Магомадова, 2010, с.142-146].

Литература:

1. Архирей, 1902. Архирей астраханской епархии за 300 лет ее существования с 1602 до 1902 г./ Составитель - духовник Астраханской духовной семинарии М. Благодоров. Астрахань: Типография П.С. Цейхенштейна, 1902. 212 с
2. Бабенко В.А., 2009. Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и Калмыкии // Донские древности. Вып. 19: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (30 сентября-3 октября 2008 г.). Азов: АКМ.2009. С.18-26.
3. Бабенко В.А., 2012. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на

¹ В литературе существует информация о том, что таких мавзолеев было два. Однако других данных на этот счет неизвестно.

- территории Центрального Предкавказья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.11. Донецк: ДГУ. 2012. С.193-230.
4. Баллод В.Ф., 1923. Приволжские. Москва-Петроград. 1923. 132 с.
 5. Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2000. Предварительные итоги комплексного археологического исследования северной части Ставропольского края // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск. 2000. С.16-21.
 6. Бисембаев А.А., 2003. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). Уральск. 2003.232 с.
 7. Блохин В.Г., 2014. Несколько этюдов об этнокультурной идентификации золотоордынских погребальных памятников Нижней Волги // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. Волгоград. №1. С.75-85.
 8. Борга-Каш, 1974. Борга-Каш (XV в.). Буклет. Текст и оформление В.Б.Виноградова и В.А.Петренко. Грозный. 1974. 6 с.
 9. Васильев Д.В., 1998а. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. Волгоград: ВГПИ, 1998. С.101-112.
 10. Васильев Д.В., 1998б. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: АГУ.205 с.
 11. Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д., Рудаков В.Г., 2012. Полуподземные погребальные сооружения в Золотой Орде // Каспийский регион: политика, экономика, культура. №1(30). С.14-21.
 12. Виноградов В.Б., 1980. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1980. С.3-15
 13. Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А., 2006. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала (МИИКНСК. Вып. VI). М.: Памятники исторической мысли. 232 с.
 14. Гарустович Г.Н. 2013. К вопросу о хронологии кирпичных мавзолеев в степной полосе Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник ВЭГУ № 1 (63) Уфа. 2013. С.108-113.
 15. Гарустович Г.Н.2014. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. Казань. 2014. №2 (4). С.95-119.
 16. Головлев А.А.2013. Братья-казаки Вертеповы как краеведы и географы Терской области // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии - Самара. 2013. Т.22. Вып.2. С. 126-134.
 17. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. 2010. Об одном забытом археологическом факте (золотоордынский мавзолей из раскопок Г.А. Вертепова) // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 1 (12). С. 128-131.
 18. Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д., 2006. Средневековые погребальные сооружения из могильника кривая Лука в астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып.6. Волгоград. 2006.С.281-303.
 19. Доде З.В., 2011. Костюм народов Северного Кавказа. М. 2001.136 с.
 20. Зиливинская Э.Д., 2009. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // ВМУ. История. 2009.№2. С.119-140.
 21. Зиливинская Э.Д., 2014. Мавзолеи западных районов Золотой орды // Крымское историческое обозрение. №1.С.256-281.
 22. Зиливинская Э.Д., 2016. Что же такое подкурганские сырцовые оградки XIII-XIV вв. в нижнем Поволжье? // РА. 2016. № 1. С. 86-105.
 23. Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М., 2004. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.: ИА РАН. с.138-159.
 - Иванов В.А., Кригер В.А.1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.: «Наука».1988. 94 с.
 24. Кодзоев Н.Д., 2002. Мавзолей Борга-Каш. 1405-1406 гг. Буклет. Минводы: ФГУП «Изд-во: Кавказская здравница». 12 с.
 25. Кригер В.А., 2012. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века. Уральск. 200 с.
 26. Лавров Л.И., 1964. Надписи мавзолея Борга-Каш // Известия ЧИНИИИЯЛ. Серия: истории. Т.V. Вып.1. Грозный. С.162-163.
 27. Лавров Л.И., 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.2: Надписи X-

- XVII вв. М. 300 с.
28. Лавров Л.И., 1968. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.1: Надписи XVII-XX вв. М. 320 с.
 29. Левашева В.П., 1960. Золотоордынские памятники в воронежской области // Тр. ГИМ. Вып.37. М.: ГИМ. С.175-185.
 30. Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., 2014. Новые археологические памятники золотоордынского времени в чечне // Вестник АН ЧР. Грозный, № 3(24). С.43-55.
 31. Марыксин Д.В. 2012. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, №3. С.243-248.
 32. Матюшко И.В., 2011. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области //Археологические памятники Оренбуржья) /Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С.146-155.
 33. Матюшко И.В., 2016а. Памятники IX-XIV вв. степного Приуралья. Москва-Берлин: «DirectMedia».324 с.
 34. Матюшко И.В., 2016б. Сырцовый мавзолей на территории Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т.18, №3, 2016. С. 153-160.
 35. Матюшко И.В., Марыксин Д.В., 2014. Сырцовые надмогильные сооружения Приуралья // Тр. IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Казань, С. 404-406.
 36. Мыськов Е.П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в Золотоордынское время. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС. 484 с.
 37. Нарожный Е.И., 1988. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Сулакского междуречья) по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе. С. 159-172.
 38. Нарожный Е.И. 1998. Несколько свидетельств XVIII-XIX вв. о золотоордынских древностях Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып.3. / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир: АГПИ. 1998. С.5-12.
 39. Нарожный Е.И., 2004. Борганы Северного Кавказа (Историко-этнографический аспект проблемы) // «Дикаревские чтения» (10). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Материалы северокавказской научной конференции. - Краснодар, с. 193-200
 40. Нарожный Е.И., 2014. Конфессиональный синкретизм XIII-XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории России и Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции /отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: АГУ. С.147-153.
 41. Нарожный Е.И.2016. Историко-географические реалии Нижнего Поволжья и Терско-Сулакского междуречья рукописной карты 1720-х гг.// *Argiori*. Гуманитарные науки. 2016. №5. <http://apriori-journal.ru/serial1/5-2016/Narozhnyj.pdf>
 42. Нарожный Е.И., 2017а.О находках поливной керамики XIII-XIV веков на территории Северного Кавказа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X- XVIII вв. (Серия: «Археологические источники Восточной Европы») /Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа. А.Г. Ситдикова. Казань-Кишинев: ИА АН РТ- «Высшая антропологическая школа». С.513-538.
 43. Нарожный Е.И., 2017б. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимодействие (XIII-XV вв.) // III международный конгресс средневековой археологии евразийских степей: «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий, империй» /Под ред. Н.Н. Крадина и А.Г. Ситдикова. Владивосток: «Дальнаука». С.208-215.
 44. Нарожный Е.И., Охонько Н.А.2007. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей (МИАСК. Вып. 7). Армавир-Ставрополь. 2007. 173 с.
 45. Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. 1974.О эссентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974.№2. С.229-238.
 46. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной европы под властью золотоордынских ханов. М.275 с
 47. Флеров В.С., 2000. Разыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1.Днецк: ДГУ. С.55-74.
 48. Флеров В.С., 2012. Заметки к теме: «Обряд обезвреживания погребенных» // Дивногорский сборник. Труды Дивногорского музея-заповедника «Дивногорье». Воронеж. С.222-234.
 49. Халикова Е.А, 1988. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X-XIII вв.

- Казань. 160 с.
50. Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: «Эльбрус». 152 с.
 51. Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д., 1999. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М. 1999. С.201 - 210
 52. Чаидзе В.Н. 2014. Позднесредневековый курганный могильник Попова (Дубовский район Ростовской области) // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн.1. Зимовники: ЗКМ. С.240-262.
 53. Яблонский Л.Т.1975. Типы погребального обряда на мусульманских некрополях городищ Золотой орды //Вестник Московского университета. Серия: история. . №2. С.75-84.
 54. Яворская Л.В., 1999. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (Опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья (Научные Школы Волгоградского университета). Волгоград: ВолГУ. С. 242-270.

УДК 93/94

К ВОПРОСУ О СОСЛОВИИ ЯЗЫЧЕСКИХ ЖРЕЦОВ ПО ДАННЫМ ЭТНОНИМИКИ ЧЕЧЕНЦЕВ

TO THE QUESTION OF THE SUSPICION OF THE LINGUISTIC PRISONS BY THE DATA ETHNONOMICS OF CHECHENANS

С.А. Натаев,

*к.и.н., доцент кафедры истории народов Чечни
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

S.A. Nataev,

*Ph.D., Associate Professor of the History of the Peoples of Chechnya
FGBOU VO "Chechen State University"*

В статье на основе анализа семантики названий чеченских тайпов и социальной терминологии предлагается материал, развивающий тезис о существовании в Чечне института жрецов «Цунта». Рассматривается роль языческих жрецов в общественном быте и их социальные функции до утверждения ислама среди чеченцев. Представлен перечень названий тайпов, которых автор относит к сословию жрецов. Сделан вывод, что языческие жрецы в Чечне являлись служителями и хранителями языческих храмов, святилищ. Они отправляли религиозные культовые ритуалы, следили за соблюдением обычаев и традиций, судили провинившихся, проводя ритуалы общественного осуждения и наказания преступников, лечили людей, обучали детей. Влияние жрецов на народ было безграничным до середины XVI в., когда на юго - востоке Чечни в Нохчмохке начал утверждаться ислам, и окончательно оно ослабло в конце XVIII в., когда мусульманство окончательно вытеснило язычество в высокогорных районах Чечни, с этих пор как социальный институт жреческая каста перестает существовать.

Ключевые слова: Чечня, язычество, жрецы, тайпы, социальная структура, традиционное общество, ислам, адаты.

In the article, based on an analysis of the semantics of the titles of the Chechen Taipies and social terminology, material is proposed that develops the thesis about the existence in Chechnya of the institution of the priests "Tsunta". The role of pagan priests in the social life and their social functions is considered before the Islam is approved among the Chechens. A list of taip names is given, which the author refers to the estate of priests. It is concluded that pagan priests in Chechnya were ministers and guardians of pagan temples, sanctuaries. They sent religious cult rituals, followed the observance of customs and traditions, tried the guilty, conducted rituals of public condemnation and punishment of criminals, treated people, trained children. The influence of the priests on the people was boundless until the middle of the sixteenth century, when Islam began to be established in the south-east of Chechnya in Nokhmochka, and finally it was weakened at the end of the eighteenth century, when Islam

finally supplanted paganism in the highlands of Chechnya, from that time as a social institution The priestly caste ceases to exist.

Keywords: Chechnya, paganism, priests, taips, social structure, traditional society, Islam, adats.

Проблема института и языческих жрецов, относится к малоизученным вопросам социальных отношений и социальной структуры традиционного чеченского общества. К вопросам язычества у чеченцев в специальной работе обращался Б.К. Далгат [1, 2.], М.А. Мамакаев [3] в работах которых даны материалы о языческих святилищах, обрядах и ритуалах осуществляемых жрецами в Чечне.

Материалы этнографа И.М. Саидова также подтверждают, что в до мусульманской Чечне существовал общественный институт языческих жрецов «Цунта» - от чеч. «цIу» - жрец», «цIой» - жрецы. Жрецы «цIой», кроме своей основной социальной функции, выполняли и роль судей, они осуждали преступников на принудительные работы, в том числе пасти скот в пользу пострадавших территориального общества - тайпа, языческого храма и Мехк - кхела. Был также общенахский религиозный центр (языческое святилище) «цIой мат» или «цIой пхьеда» - «Центр жрецов», «Поселение жрецов», отсюда и исчезнувшее тайповое название «цой» [4].

Нами на основе анализа семантики названий чеченских тайпов и социальной терминологии предлагается материал развивающий тезис о существовании в Чечне института жрецов и его социальных функций до утверждения ислама среди чеченцев. Представлен перечень названий тайпов, которых автор относит к сословию жрецов.

Тайны жрецов:

Алларой/Галларой - по мнению А. Сулейманова, этимология Галлара, вероятно, от «Гайла» - зимовье. [5, С. 321] По версии краеведа А. Магомадова, алларой - жрецы, духовное сословие, букв. «хранители духа» - от чеч. «ла» - дух, «ларой» - хранители [6, с. 146].

Букарой/Букъарой - возможно, жрецы, знатоки и хранители древнего письма. У чеченцев в древности существовало письмо «букъар дешар» - обратное чтение, «букъар хабар» - обратная речь (разговор).

Дайя - жрецы, по мнению А. Магомадова, хранители «Дай яй» - «Котел предков», где «дай» - предки, а «яй» - котел, жители села Дай.

Дархой - жрецы-лекари, врачеватели ран, где «дар» - болезнь, хой» - знающие.

Гулатхой - вероятно, жрецы; в основе этнонима лежит др.-чеч. слово «гулат» - календарь, летоисчисление.

Зусой - жрецы-воспитатели в чеченских традиционных школах «Кхетош-кхиор» (букв. «Разумное возвращение») по подготовке юношей с 12 до 15 лет к военному делу и к жизни. Параллельно этому Зусой выявляли душевные склонности юношей и закаливали характер. Вероятна лексическая и семантическая близость этнонимов зумсой и зусой, так как некоторые представители тайпа зумсой называют себя зусой.

Жайнахой/Джейнахой - ученые, астрологи, книжники от чеч. «жайна» - книга, летопись.

Кирдой/КIирдой - языческие жрецы, название тайпа от аула КIирда с уникальным башенным комплексом КIирдойн бIаьвнаш и святилищем КIирдой Деле - «К Богу КIирдой».

Кулой/Кулинхой - жрецы-лекари, врачеватели нервных болезней, стрессов - от слова «кула» - стресс. депрессия.

Майстой/МаIистой - жрецы, судьи «Дай кхел» (Суд отцов) - суда по адату. МIайста - это место, где заседали букв. «девять верховных» судей Мехк-кхела. МIайста долгое время был духовным центром Чечни, где заседал Мехк-кхел - Совет Страны.

Мацархой/МацIархой - есть версия, что это жрецы-лекари - специалисты по снятию кожного покрова с головы и трепанации черепа.

МозIарой - языческие жрецы. В чеч. яз. есть архаизмы «мозIар», «моIзар» для обозначения жреца - служителя языческих культов.

Моцкарой/Моцкъарой - служители языческого культа - жрецы. По мнению С. Гаева,

в Моцкъара хранился «Къоман Яй» (Котел Народа) - символ народного единства чеченцев. По мнению А. Сулейманова, этноним связан с культовым местом периода христианства, от Моцкъара, заимствованного из груз. «моцквари» - священник, священнослужитель. [6, .с. 166.]

Пхьяьмтой - языческие жрецы, от слов «пхья» - кровь, человек, поселение, храм-святилище и «мта» - страна, родина. Кистинцы считают, что Пхьяьмта означает «ранняя родина». Предания связывают происхождение этнонима с языческим божеством Пхья и богиней Анапхья, где Ана - богиня неба, а «пхья» имеет семантику «первоначало, начало, кровь, человек, поселение». Вероятно, Пхьяьмта был культовым центром божеств Пхья и Анапхья, а пхьяьмтой - жрецы, служители храма святилища Пхья.

Садой - представители языческого духовенства в войсках, от чеч. слов «с. са» - душа, душевного, «адо» - подъема. Термин «садой» можно связать с этнонимами античных авторов «соды, исадики».

Сигхой/Сиккхой - жрецы, знатоки времени, от чеч.

«сиг» - миг и «х, ха, хан» - время.

Сингалхой - жрецы, букв. «знатоки духовной пищи» от чеч. «син» - души, душевной, «гал, гала» - хлеб, галушки, т. е. пищи.

Терлой/Терлой - жрецы; этноним произведен от чеч. «Тер» - верхние, верховные и «лой» - слуги Бога. В языческие времена у терлой был верховный бог Терлой Дела.

Тератхой/Тертхой - вероятно, жрецы, знатоки дат, чисел, от слова «терахь» - дата, число, календарь.

ТIаркхой - жрецы-лекари, знатоки костных заболеваний, от нахского слова «ТIарк» - кость.

ТунтIалхой - установщики суточного, «ТIал» - перста, «тунталг» - так называется камень на макушке башен, по которому определяли время.

Тусой - жрецы-воспитатели в чеченских традиционных школах системы обучения и воспитания «Кхетош-кхиор». Этноним произведен от чеч. «туса» - доводки умений и навыков, склонностей до профессионализма. Вероятна связь с этнонимом «тумсой», представители этого тайпа называют себя и тусой.

Хьурхой - жрецы «Эрабун» - храма плодородия и деторождения, от чеч. «бун» - храм, «эра» - жизненная энергия.

Урдухой - жрецы, знатоки «ур дов» - букв. «скандала полов», т. е. гендерных отношений - отношений между мужчиной и женщиной.

Цамадой/Цамадой - жрецы храма языческого божества «Верховного Отца»: «ЦIа» - храм, «МаI» - верховного, «Да» - отца, владыки.

Цеси/Цеси - жрецы; этноним произведен от чеч. слов «ЦIе» - огонь, имя (теоним ЦIе, ЦIу, ЦIой), «си» - честь; служители храма божества огня и чистоты ЦIе.

Цекхаьллой - возможно, жрецы языческого божества огня и чистоты ЦIе, ЦIу. Этноним привязан территориально к топониму «ЦIекхелла» - «ЦIена меттиг» - Чистое (святое) место.

Цечой/Цечой - букв. рыжие, классический тип нахов. Жрецы, служители языческого божества огня и чистоты ЦIу.

Цикарой/Цикарой - букв. «нашедшие огонь». Жрецы. По мнению К.З. Чокаева, этноним связан с ойконимом ЦIикара, в основе которого лежит теоним ЦIу - божество Огня и чистоты.

Цийлахой - жрецы; в основу этнонима, вероятно, легло имя языческого божества ЦIу.

ЦIой - тайп-каста жрецов. В домусульманской Чечне существовал институт «ЦIунта» (от «ЦIу» - «жрец», «цIой» - «жрецы»). Были общенахские языческие храмы «ЦIой мат» (Центр жрецов) или «ЦIой пхьеда» (Поселение жрецов), отсюда и исчезнувшее тайповое название «цIой».

Цуонтарой/Цуонтарой - от топонима ЦIонтара, где «ЦIу» - божество огня, «аре» -

поляна, место, пространство. Вероятно, жрецы, служители храма общенахского языческого божества Цой (Цу, Це, Цив).

Чаголдой/ЧагЮлдой - жрецы, от слова «чагЮл» - клятва, присяга, «дой» - уверяющие.

Шикарой/Шикъарой - жрецы, писари, от слова «шикъ, шекъ» - чернила.

Эрахой - жрецы, знатоки «эра» - жизненной энергии, плодородия и деторождения.

ЭргЮстой - языческие жрецы; одно из древних названий аьккхий (горных аккинцев).

Эрсаной/Арсаной - жрецы. По мнению Чокаева, эрсануой (эрдснуй) от имени языческого культа «Эрд» - святой, святилище (ср. Эрд богЮам - священный столб).

Этнонимика чеченцев богата свидетельствами о существовании в Чечне в далеком прошлом касты языческих жрецов института «Цунта». Этноним Пхъаьмтой имеет семантику «жрецы, служители храма-святилища божества Пхъа». Служителями общенахского языческого божества Цой (Цу, Це, Цив) в разных регионах Чечни являлись Цой - тайп-каста жрецов, служители храма «Цой мат» (Центр жрецов) или «Цой пхъеда» (Поселение жрецов). Жрецами божества Цой являлись представители тайпов: Цамадой, Цеси, Цекхаьллой, Цечой, Цикарой, Цийлахой, Цуонтарой. Терлой являлись жрецами верховного бога Терлой Дела. Представители тайпов Зусой и Тусой - жрецы-воспитатели в чеченских традиционных школах системы обучения и воспитания «Кхетош-кхиор». Жрецы-лекари Дархой, Кулой/Кулинхой, Паркхой, Сингалхой облегчали физические и душевные страдания. Проблема семьи и нравственности занимались жрецы Урдухой, Хьурхой, Эрахой. Учеными - астрологами были жрецы тайпа Жайнахой. Эрсаной/Арсаной - жрецы языческого культа Эрд. Этноним МозгЮарой имеет семантику «языческие жрецы», в чеч. яз. есть архаизмы «мозгЮар», «мозЮар» для обозначения жреца-служителя языческих культов [6, с.217].

Как видно из семантики этнонимов, языческие жрецы в Чечне являлись служителями и хранителями языческих храмов, святилищ. Они отправляли религиозные культовые ритуалы, следили за соблюдением обычаев и традиций, судили провинившихся, проводя ритуалы общественного осуждения и наказания преступников, лечили людей, обучали детей. Некоторые тайпы, как, например, «Цой», исчезли. Влияние «МЮстой» как судей по адату еще долго сохранялось. Вероятно, тайпы Зусой и Тусой с ликвидацией традиционной системы обучения и воспитания детей «Кхетош-кхиор», где они обучали детей, стали называть себя Зумсой и Тумсой.

Влияние жрецов на народ было безграничным до середины XVI в., когда на юго-востоке Чечни в Нохчмохке начал утверждаться ислам, и окончательно оно ослабло в конце XVIII в., когда мусульманство окончательно вытеснило язычество в высокогорных районах Чечни, с этих пор как социальный институт жреческая каста перестает существовать [6, с. 218].

Литература:

1. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1893.
1. Вып. III. Кн. 2.
2. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы. 1892-1894 гг. М., 2008.
3. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973. 98с.
4. Саидов И.М. О нахских тайпах и тайповых отношениях» / Справедливость.1990. №3-3 (15-16). С. 12-15.
5. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. 704 с.
6. Натаев С.А. Чеченские тайпы. Махачкала, 2013. 413с.

УДК: 93/94 (930.1)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЮГА РОССИИ В КОН. XIX - НАЧ. XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛМЫКИИ)

THE NATIONAL INTELLIGENTSIA IN SOUTHERN RUSSIA IN THE CONTEXT. XIX - BEG. XX CENTURY: THE BASIC PROBLEMS OF THE STUDY (AT THE KALMYKIA MATERIALS)

Ц.В. Олчанова,

Преподаватель, Калмыцкий государственный университет им.Б.Б.Городовикова

TS.V. Olchanova,

Ph.D., Kalmyk State University im.B.B.Gorodovikova

В данной статье рассматриваются основные вопросы проблем изучения национальной интеллигенции в российской и региональной историографии народов юга России кон. XIX - нач. XX века на материалах Калмыкии.

Ключевые слова: *интеллигенция, историография, традиции, сфера, методология.*

This article describes the main issues concerns the study of the national intelligentsia in Russia and the regional historiography of the peoples of the south Russian con. XIX - beg. XX century Kalmykia materials.

Keywords: *intellectuals, historians, the tradition, the scope, methodology.*

Проблема изучения интеллигенции, определение ее значимости в социокультурных и общественно - политических процессах страны традиционно составляет одно из приоритетных направлений в исторической науке. Необходимо отметить, что история национальной интеллигенции, история ее конкретной деятельности в жизни региона, история ее духовной жизни, идеологической и общественно - политической деятельности является предметом пристального внимания исследователей, ученых-историков на общероссийском и региональном уровнях.

Историки - исследователи все большее внимание обращают на специфическую роль регионов, характер их отношений с центром, и протекавших в них социокультурных и общественно - политических процессов, где особое место в социальной, культурной, образовательной сферах занимает интеллигенция в национальных регионах.

Оценивая новейшую отечественную литературу по национальным проблемам России, исследователи отметили недооценку роли интеллигенции в жизни наций и тот факт, что лишь недавно стал преодолеваться сугубо классовый подход в освещении культуры народов.

Для народа калмыцкого региона это означало изменение всей картины окружающего мира. Привычные, «естественные» институты, представления и нормы, коренящиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции народа, включались теперь в современный социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его сильное влияние. С этого времени фундаментальной чертой социального бытия народов национальных окраин юга России становился дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов, в которых и через которые они осуществляли свою жизнедеятельность и важную роль в этом сыграли общественные деятели и просветители народов южной России.

Новые исторические условия сближения народов южнороссийских окраин с капитализирующейся Россией поставили традиционные общества перед необходимостью модернизации, обновления экономики, социальных отношений, повседневного быта населения. В частности, формирующаяся благодаря русско-калмыцким отношениям и европейскому просвещению, национальная интеллигенция Калмыкии, осознав требования эпохи, выдвинула общенациональную задачу становления новой культуры, которая восприняла бы все лучшее из европейской и русской культуры и в то же время сохранила национальные достижения в своей деятельности.

Интересные данные для исследования истории образовательных учреждений и сведения о педагогах общегосударственного и регионального уровней содержатся в справочных и статистических изданиях. Они помогают проанализировать численный, социальный, партийный состав преподавательских кадров. Традиционный для отечественной историографии тезис о многоукладности экономики недостаточен для адекватного представления социально-культурных реалий в тот период, скорее следует говорить о своеобразной «мозаичности» социально-экономической структуры южнороссийских окраин.

Проведенный современный анализ историографии истории Калмыкии в период первой трети XX в. позволяет прийти к выводу, что существует довольно многочисленная, разноплановая литература. Большая ее часть создана в советский период и, несмотря на наличие идеологической заданности, вносит определенный научный вклад в изучение поставленной тематики.

Для данного периода характерно не только возрастание интереса к теме, но и появление оригинальных подходов, в том числе к освещению проблем в отдельных районах региона. Это и общие работы, в которых затрагиваются вопросы исследования по интересующей нас проблеме.

Исследуя в целом российскую историографию по интеллигенции, необходимо назвать работы В.Р. Лейкиной - Свирской, Л.К. Ермана, О.Н. Знаменского, А.С. Федюкина, А.В. Ушакова и других, которые составили «классическое» наследие интеллигентоведения [1].

Начало комплексному подходу к исследованию методологических основ проблем формирования социальной структуры советского общества, в том числе интеллигенции, было положено рядом специальных работ по проблемам формирования и развития интеллигенции, ее места и роли в процессе советского строительства, динамики ее внутреннего состава, создания и развития ее отдельных отрядов, в работах Руткевича М.Н., Дяновой Л.Г., Ивановой Л.В., Тастанова Ш.Ю., Ульяновской В.А., Андренюк Г.П., Катунцевой М.Н., Галкиной. Помимо этого, внимание историков привлекали проблемы культурного строительства (Зак Л.М. Соскин В.Л. Главацкий М.Е.), развития науки, образования, в том числе проблема интеллигенции отразилась в работах Красовицкой Т.Ю. [2].

Крупным исследователем истории интеллигенции является Сибирь, где появляются работы В.Л. Соскина и С.А. Красильникова, Н.Н. Дьяконовой [3] и др., которые существенно продвинули развитие интеллигентоведения в целом. Работы посвящены теоретическим и конкретным проблемам, изучению истории интеллигенции, выявлению региональной специфики и социокультурных процессов. Такой подход был оправдан, ибо отражал назревшую потребность в переходе к углубленному исследованию проблемы. Этим создавались предпосылки для подготовки на следующем этапе историографии обобщающих работ по истории интеллигенции.

В публикациях дореволюционных исследований в краткой форме приводились отдельные сведения о просвещении, ликвидации неграмотности среди калмыков. Рассмотрение этих вопросов велось в контексте русификаторской политики российского самодержавия как главной стратегической линии развития национальных окраин Российской империи. Литература о развитии школьного дела среди калмыков до революции ограничивалась краткими очерками Аммосова К.М., Сильницкого А.Д., Спасского Н.А., Позднева А. М.. Эти авторы не претендовали на теоретическое обобщение, но по горячим следам событий зафиксировали реальные результаты и трудности в преодолении культурной отсталости калмыков как этап, создавший предпосылки к формированию интеллигенции.

Советская историография 20-х гг. на начальной стадии ее развития в основном создавалась непосредственными участниками событий революций и гражданской войны [4]. Интеллигенция периода революции и гражданской войны в Калмыкии впервые была затронута местными партийными и советскими работниками и представляла, как правило, их доклады на съездах Советов либо выступления в местной печати, где основное внимание уделяется общей картине революционного процесса и оценке гражданской войны как определенного этапа в истории калмыцкого народа.

Вместе с тем практически малоисследованны проблемы формирования и развития калмыцкой советской интеллигенции, органической составной части народной интеллигенции. В отдельных работах, посвященных советскому строительству в Калмыкии, решению задач культурной революции с целью ликвидации неграмотности в начале 30-х годов, освещаются некоторые аспекты этой сложной проблемы.

Определяя в целом историографическую значимость литературы 20 - 30-х годов, необходимо отметить, что в научный оборот был введен определенный круг источников, сделаны попытки к систематизации и их обработке. Написанные непосредственными участниками и руководителями культурного строительства, эти работы ярко передавали колорит того времени.

Первые исследования калмыцких ученых по истории развития народного образования республики появились в начале 1960-х годов. Это работы Н.Ш. Ташнинова, В.У. Килганова, Д.Ц.-Д. Номинханова, И.Е. Намсинова и других [5], явившиеся первыми обобщающими трудами в изучении истории просвещения как составной части культурной революции в Калмыкии. Ими были внесены определенные вклады в освещение проблем школьного образования и ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения, а также нашло отражение в той или иной степени развитие всех отраслей культуры Калмыкии. Они знаменовали начало становления научной разработки проблем культурной революции в Калмыкии. На рубеже 1960 - 70-х годов выходят ряд статей И.К. Илишкина [6], отражающих не только развитие просвещения, но и науки. Работы советских историков на первых порах были подчинены задаче освещения положительных результатов новых преобразований в жизни малочисленных народов Калмыкии.

В последующих исследованиях 1960 - 70-х гг. представил собой фундаментальный коллективный труд «Очерки истории Калмыцкой АССР» в 2-х томах, где в одной из глав освещалось развитие культуры в довоенный период [7]. Вполне понятно, что многие положения этого коллективного труда концептуально устарели. Истории интеллигенции на этом этапе уделялось незаслуженно мало внимания, основной акцент историков был сделан на проблему образования, ликвидации неграмотности. В последующие годы опыт комплексного анализа истории калмыцкой интеллигенции не получил должного развития. Следует иметь в виду, что работы, написанные в период господства марксистско - ленинской методологии, страдали определенной узостью, и их авторы рассматривали национальную интеллигенцию только с классовых позиций. Кроме того, характерным для них было абстрагирование от общероссийских социокультурных, политических явлений.

Определенный интерес представляет повесть автобиографического характера калмыцкого общественного деятеля А.М. Амур - Санана [8], в которой приведены его многочисленные выступления на заседаниях ЦИК Калмыцкой автономной области, на митингах и собраниях, выступления в печати по вопросам национальной и социальной политики.

В разработке истории революции, становления национальной автономии Калмыкии первых лет ее существования, принимали участие и историки партии. Приоритетным направлением их исследований является история областной партийной организации, ее строительство и структура, численность, идеологическая и организационная деятельность, связанная с вопросом создания административных кадров.

Вопросы борьбы калмыцкого народа за свое социальное и национальное освобождение в начале XX века, в частности, в период первой русской революции 1905 - 1907 гг., освещаются в сборнике документов [9] и в статье Б.С. Санджиева. Он описывает создание и деятельность «нелегального союза «Хальмг тангчин туг» («Знамя калмыцкого народа»), члены союза ставили своей целью «вести среди калмыцкого населения культурно-просветительную работу, добиться преподавания в школах родного языка и литературы, развить национальную культуру» [10].

Обращением к процессу формирования Калмыцкой автономной области в 1920 - 1935 гг. и общественно - политическому развитию Калмыцкой степи явились труды К.Ц.

Саврушевой и К.Н. Максимова [11]. Это в целом характерные образцы советской историографии периода развитого социализма. То есть, в этих работах можно проследить развитие и деятельность калмыцкой интеллигенции в советский период.

В 1980-е гг. региональная историография пополнилась исследованиями по истории советской интеллигенции и рядом статей, касавшихся вопросов деятельности национальной интеллигенции [12]. Определенное значение имели вышедшие в 1980-х гг. две статьи Кудайбергеновой Н.И., посвященные истории формирования социалистической калмыцкой интеллигенции в довоенный период [13].

Таким образом, приходится констатировать, что научное изучение истории данного исследования в Калмыкии даже в традиционном ключе находится в зачаточном состоянии.

Однако в конце 1990-х - начале 2000 года ситуация изменилась, и этот период был отмечен всплеском интереса и к региональной истории в целом, и к интеллигенции южнороссийского региона, в частности. Появился ряд работ, авторы которых предпринимают попытки расширить круг изучаемых вопросов, дать более объективную оценку, актуализировать историческую проблематику.

К числу отрядных явлений последних десятилетий следует отнести появление исследовательской работы по калмыцкой интеллигенции на рубеже XIX - нач. XX вв. Антоновой Е.А., где рассмотрена калмыцкая интеллигенция в контексте этносоциального развития. Разработке этой проблемы она посвятила ряд своих статей и диссертацию [14]. Ею были выявлены первые упоминания о калмыках, процесс зарождения представителей первого поколения национальной интеллигенции, а также был представлен профессиональный состав калмыцких специалистов дореволюционного периода - это учителя, медицинские работники, специалисты народного хозяйства, местное управление, буддийско - ламаистское духовенство.

Особый интерес представляют статьи Бурчиновой Л.С., Алексеевой П.Э., работы Джалаевой А.М., посвященные дореволюционной калмыцкой национальной интеллигенции [15]. В работе Михайловой С.М. имеются некоторые сведения о студентах - калмыках, учившихся в Казанском университете [16].

Имеющиеся по теме работы носят узкий характер, и с этой точки зрения не хватает широких обобщающих сравнительно - аналитических исследований. Это потребовало дальнейшего изучения дореволюционной интеллигенции.

В 2000-х г. выходят монографии Е.В. Сартиковой, Ю.О. Оглаева, И.М. Корниловой, Лиджеевой К.Ф., Олчановой Ц.В. [17], в которых расширен круг изучаемых вопросов, актуализирована изучаемая проблематика.

Таким образом, вместе с тем, оценивая то, что было сделано в последние годы, в процессе изучения темы, необходимо подчеркнуть его плодотворный характер исследования:

во-первых, появились специальные работы по истории калмыцкой национальной интеллигенции в дореволюционный период, обоснована необходимость ее изучения;

во-вторых, существенно расширилась источниковая база исследований, началось освоение достижений современного интеллигентоведения;

в-третьих, успешно начата разработка персонификации на уровне отдельных личностей истории калмыцкой интеллигенции.

Литература:

1. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988; Лейкина - Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985.
2. Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально - культурным строительством в РСФСР. 1917 - 1925 гг. М.: Наука, 1992.
3. Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция: генезис, формирование, деятельность: II пол. XIX в.- 30е гг. XX в. Дисс. на соиск. д.и.н. С - Петербург, 2004.

4. Хара - Даван Э. Калмыцкие студенты - пионеры // Ковыльные волны 1932. №5; Амур - Санан А.М. Голос калмыцкой интеллигенции: Письмо в редакцию // Жизнь национальностей. 1919. 18 мая. №18; Чапчаев А.Ч. Выступления, речи, доклады. Сборник документов. Элиста, 1990 и др.
5. Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста, 1969; Килганов В.У. Становление народного образования в Калмыкии. Элиста, 1968; Номинханов Д.Ц.-Д. Очерки истории культуры калмыцкого народа. Элиста, 1968; Намсинов И.Е. Культура Советской Калмыкии на подъеме. Элиста, 1972.
6. Илишкин И.К. Просвещение, наука, культура // Элиста - 100 лет. Прошлое, настоящее, будущее. Элиста, 1965. С.41-51 и др.
7. Очерки истории Калмыцкой АССР. Т.1. Дооктябрьский период. М., 1967; Очерки истории Калмыкии. Т.2. Эпоха социализма. М., 1970.
8. Амур - Санан А.М. Мудрешкин сын. Избранное. М., 1966.
9. Из истории движения за национальную школу в Калмыкии. Элиста, 1967.
10. Санджиев Б.С. Установление Советской власти в Калмыкии. Элиста, 1959.
11. Саврушева К.Ц. Образование Калмыцкой автономной области. Элиста, 1969; Саврушева К.Ц., Максимов К.Н. Развитие советской национальной государственности (На материалах Калмыцкой АССР). Элиста, 1981; Иванько И.И., Наберухин А.И., Орехов И.И. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста, 1968 и др.
12. Сенглеева С.З. Деятельность калмыцкой областной партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928 - 1937 гг.). Автореф. дисс. на соиск. к.и.н. Ростов - на - Дону, 1986; Джалаева А.М. Культурное строительство в Калмыкии в период борьбы за победу социализма. Автореф. дисс. на соиск. к.и.н. М., 1988; Годяев П.О. Роль передового учительства в становлении советской школы в Калмыкии // Проблемы социалистического строительства в Калмыкии. Элиста, 1980. и др.
13. Кудайбергенова Н.И. Основные пути и особенности процесса формирования социалистической интеллигенции в Калмыкии // Проблемы социалистического строительства в Калмыкии. Элиста, 1980. С.63.
14. Антонова Е.А. Интеллигенция Калмыкии на рубеже XIX - начало XX вв. (1892-1917гг.). Дисс. на соиск.к.и.н. М., 1996.
15. Алексеева П.Э. Питомцы Казанской учительской семинарии из Калмыкии // Бюллетень. Вып.4. Материалы. Казань, 18-22 окт. 1999; Джалаева А.М. Социальный и духовный облик калмыцкого учительства первой трети XX века. // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (К 360-летию со дня рождения Хана Аюки). Ч. 2. Элиста, 2002. С.21; Бурчинова Л.С. На рубеже веков // Теегин герл. Элиста, 1990. № 4. С.84.
16. Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (19 век). Казань, 1991.
17. Сартикова Е.В. Образование Калмыкии: истоки и становление / Под ред. Ю.С. Борисова. Элиста, 2000; Оглаев Ю.О. Первые шаги высшего образования в Калмыкии (1920 - 1943 гг.). Элиста, 2005; Корнилова И.М. Становление и развитие высшего образования в Калмыкии (1920 - 2005 гг.). Элиста, 2005; Лиджеева К.Ф. Развитие системы образования в национальных республиках юга России в конце XIX в. - 1941 г.: историко-сравнительный анализ. Элиста, 2012 г.; Олчанова Ц.В. Калмыцкая национальная интеллигенция: формирование и развитие в конце XIX - начале XX вв. Элиста, 2016.

УДК 908

СЕЛО СТАРЫЕ АТАГИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

OLD OLD TAGS IN HISTORICAL SOURCES THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

А.Д. Осмаев,

*д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
Академия наук Чеченской Республики, КНИИ РАН*

A.D. Osmaev,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ancient and Middle Ages History
FGBOU VO "Chechen State University,"
Academy of Sciences of the Chechen Republic, CRI RAS

В статье приведены выдержки из исторических источников первой половины XIX века, характеризующие географическое и политическое положение с. Старые Атаги - одного из больших и старинных равнинных населенных пунктов Чеченской Республики в период Кавказской войны.

Ключевые слова: исторические источники, документы, село Старые Атаги, воспоминания, Кавказская война, население, география.

The article presents excerpts from historical sources, the first half of the XIX century, describing the geographical and political situation Starye Atagi - one of the largest and oldest lowland settlements of Chechnya during the Caucasian War.

Keywords: historical sources, documents, village Starye Atagi, the memories, the Caucasian war, population, geography.

История села Старые Атаги, как и подавляющего большинства сел республики, малоизучена, основной корпус источников - записки русских путешественников, ученых, чаще всего, офицеров, воевавших на Кавказе. К сожалению, практически нет письменных источников (или они не выявлены), составленных жителями наших сел в те времена, отчасти помогают генеалогические древа и устные предания, которые, впрочем, как и письменные источники, требуют критического подхода. Особый интерес представляют источники периода Кавказской войны, в которых селу Старые Атаги (Большая Атага) уделено достаточно много места: это связано, на наш взгляд, с политическим значением атагинского общества, и с его географическим расположением.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧ

ОПИСАНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО ПОХОДА 1826 г.

Второй, более значительный поиск против чеченцев был предпринят в 1809 году. Пробившись сквозь Ханкалу, Булгаков не встретил уже большого сопротивления до деревни Большой Атаги, которая им занята и покорена тоже без большого урона. Оттуда, оставив Гойтинский лес вправо, пошел он дальше, овладел без сопротивления деревню Урус - Мартаном, и потом и Гихами, жители которых успели спрятаться в окрестных лесах.

Пройдя Ханкалу (1826 г. - А.О.), части отряда в ожидании обозов приказано сделать привал, а двум батальонам, со всеми казаками, велено идти быстро вперед и занять непокорную деревню Большую Атагу, находящуюся на реке Аргун верстах в 12 от Ханкалинского ущелья. В половине третьего часу пришел обоз, тоже без всякой потери; и с ним вместе все войска, оставленные у выхода из Ханкалы, двинулись к Большой Атаге, которая найдена уже занятою посланным вперед отрядом. Сопротивления со стороны жителей не было, и они успели скрыться в окрестных лесах.

Деревня Большая Атага лежит на левом берегу Аргуна, на двух каналах, проведенных из этой реки и прорезывающих деревню во всю длину. Она раскинулась версты на две по низменному месту, кроме двух или трех сакель, находившихся на небольшом возвышении, которое, вероятно, прежде было настоящим берегом Аргуна. Там же на возвышении находится довольно обширное кладбище, усеянное камнями, по обыкновению мусульман, поставленными стоймя. Дома, числом около 300, выстроены довольно прочно и были содержаны опрятно. При каждом почти был сад с фруктовыми деревьями. Особенно много было огромных шелковиц; но занимались ли жители шелководством, узнать мне было не можно.

В деревне были найдены значительные запасы муки, пшена, меду, масла и сыру. Все это было отдано солдатам, и они завели стряпню, продолжавшуюся всю ночь.... Но чеченцы не спали и не давали нашим хозяйничать их добром спокойно. Подползая к селению, они

стреляли туда, где видели разложенные огни; наши отвечали им тем же, и это продолжалось до самой утренней зари.

27 января отправлен был полковник Петров с 400 казачками, 300 егерями и одним конным орудием для осмотра переправ через Аргун, ниже Атаги находящихся. Чеченцы встретили этот отряд и завели жаркую перестрелку с бывшими впереди казаками; но когда казаки, приняв влево, зачали их отрезывать от кустарников, а пехота пошла на них прямо в штыки, они тотчас отступили на правый берег Аргуна и более наших не тревожили. Осмотрены два брода и найдены удобными, один у самой деревни Малой Атаги, другой немного ниже. В перестрелке ранено легко 5 казаков и 1 егерь. В предшествующую ночь шел снег, и следы чеченцев ясно были видны. Не без удивления я заметил, что все пешие чеченцы сражались босиком: от бедности ли или для того, чтобы было легко на бегу, решить трудно. Удивлялись также их прыжкам, которые ясно означались на вновь выпавшем снеге: редкие из них были менее 3 аршин, и все были вперед, навстречу нашим. Отступали чеченцы гораздо тише.

28-го чеченцы, пользуясь густым туманом, около полудня, в большом числе, сделали нападение на Большую Атагу. Конница же их, предполагая ударить на наших во фланг от Малой Атаги, наткнулась на казаков и завязала с ними жаркую перестрелку. Но генерал Ермолов, предвидев это еще с раннего утра, вывел из деревни все войска в вагенбург, составленный из обозов на высоком и открытом месте, близ кладбища. Чеченцы, найдя деревню уже оставленной, сами начали жечь ее и, пробираясь между горящих сакель на самое близкое расстояние от возвышения, на котором находились наши войска, открыли сильнейший огонь. Им отвечали наши стрелки, залегшие по возвышенности вдоль кладбища, и перестрелка продолжалась до самой ночи. У нас убит рядовой 1, ранен офицер 1, унтер-офицеров, рядовых и казаков 8 человек. Какую понесли потерю чеченцы - неизвестно.

29-го, около полудня, чеченцы опять зачали приближаться и, забегая в кустарник, выше Атаги по Аргуну растущий, стрелять издали по нашим войскам; но несколько пушечных выстрелов скоро их остановили, и они, в виду нашем, потянулись к деревне Чахтыры (Чехкара - А.О.), находящейся в 7 верстах выше Атаги при выходе Аргуна из ущелья на плоскость. В этот день не было у нас даже раненых.

Генералу наскучили ежедневные нападения чеченцев и перестрелки, не ведущие ни к какому результату. Движение их к деревне Чахтыры и показания лазутчиков удостоверили, что они выбрали эту деревню сборным местом и что там был их обыкновенный ночлег, и потому генерал предположил истребить Чахтыры и рассеять собиравшиеся там толпы.

Для выполнения этого предположения 30 числа, за два часа до рассвета, послан отряд из 2 батальонов Ширванского пехотного и 300 человек 43-го егерского полков, 500 линейных казаков, 4 пеших и 2 конных орудий, под начальством командира Ширванского полка подполковника Ковалева. Приблизившись к Чахтырам на рассвете, Ковалев отрядил подполковника Ефимовича с казаками и одним конным орудием обойти деревню и отрезать ее от гор; а подполковнику Грекову с одним батальоном пехоты под огнем 4 орудий приказал ударить прямо на деревню. Неприятель, в числе не более 50 человек, охваченный с двух сторон, мгновенно вытеснен и рассеян. Деревня, зажженная в нескольких местах, сгорела до основания. Все это было кончено менее нежели в полчаса и стоило нам одного раненого. После чего Ковалев, не видя более неприятеля, повернул назад к вагенбургу.

Главные силы чеченцев в эту ночь, против обыкновения, были собраны не в Чахтырах, а на правом берегу Аргуна, верстах в 4 выше деревни Большой Атаги, и из этого ночлега приготовились они сделать общее решительное нападение на наши войска, но, услышав выстрелы в стороне Чахтыры, все бросились туда на помощь.

День только что начинался. Густой туман скрывал все предметы так, что в 10 шагах не видно было ничего, и Ковалев медленно и, так сказать, ощупью подвигался к главному отряду. Вдруг между цепью стрелков, находившихся в арьергарде, и главною колонною пронеслась многочисленная конница с такой быстротой, что наши не могли отличить, были ли то казаки или чеченцы, и тогда только узнали, что это был неприятель, когда он, наткнувшись в тумане

на казаков, на правом фланге находившихся; завел с ними перестрелку. Едва успели наши встать в боевой порядок и снять с передков пушки, как навалила и чеченская пехота. Туман был так велик, что заметили ее только тогда, когда чеченцы, оттеснив наших стрелков к самой колонне, сделали общий отчаянный натиск. Удачные картечные выстрелы и сильный огонь нашей пехоты остановили неприятеля и заставили его податься назад; но через несколько минут чеченцы, прикрываемые туманом, возобновили с новым ожесточением свою атаку и четыре раза повторяли ее, стараясь врезаться в колонну и вступить в рукопашный бой. Только отличному мужеству и стойкости нашей пехоты, неустрашимому хладнокровию офицеров и удачному действию артиллерии должно приписать, что наши выдержали это отчаянное нападение. Наконец чеченцы, поражаемые картечью и сильнейшим батальным огнем, принуждены были оставить место сражения и отступили к Чахтырам с такою поспешностью, что, против обыкновения своего, не успели даже подобрать тел убитых своих товарищей. Преследовать их, по причине все еще продолжавшегося тумана, не было возможности, и потому Ковалев решил возвратиться в вагенбург, куда и прибыл около 10 часов утра.

По недалекому расстоянию от Большой Атаги места, где происходило чахтыринское дело, с возвышения, находившегося близ вагенбурга, можно бы было видеть его простыми глазами, но за туманом нельзя было различить ничего, даже в нескольких шагах....

За два дня еще до чахтыринского дела начала убывать вода в каналах, проведенных в Атагу из Аргуна, и 30 числа каналы эти найдены сухими. Очевидно было, что чеченцы запрудили их и отвели воду, и потому для отыскания водопоя по Аргуну, далее версты от вагенбурга протекающему, отправлен был 31 января подполковник Петров с одним батальоном пехоты и 300 казаков. Водопой на Аргуне оказался под выстрелами с противоположного берега, заросшего кустарником, и потому небезопасным; но Петров, потянувшись вверх по реке, нашел верстах в двух выше вагенбурга начало запруженных каналов, прочистил их и пустил воду, в которой после того не было уже недостатку. Несколько человек чеченцев стреляли по нашим все время расчистки, но без всякого для нас урона.

1 февраля не слышно было ни одного выстрела и не видно ни одного чеченца! Так ускромил их дело под Чахтырами. В этот же день явились многие жители Большой Атаги, депутаты от деревни Большой Чечень, деревни Шевдон и от половины деревни Альды с повинной головою и с просьбами о пощаде. Генерал, побранив хорошенько, простил их и приказал привести аманатов [1].

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТТО КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни

И вот в ноябре 1830 года огромная партия, в которой участвовало гораздо более мирных, чем немирных чеченцев, вошла в карабулакские земли и через несколько дней возвратилась назад с огромным количеством отбитого скота и лошадей. Замечательно, что мирные чеченцы на этот раз не думали даже и скрывать своего участия в набеге. “Сегодня, - писал генерал Вельяминов Эмануэлю, - я говорил об этом происшествии с тремя старшинами Атагинской деревни, и они уверены, что не сделали в этом случае ничего дурного, хотя и ограбили деревни нам покорные. Они уверяют, что карабулаки в разное время похитили у них гораздо больше, и, кажется, что, несмотря на значительное количество отбитого скота и лошадей, чеченцы не считают себя вполне удовлетворенными, а потому едва ли за этим предприятием не последует вскоре еще подобное же на карабулак нападение” [2].

ИОГАНН БЛАРАМБЕРГ ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ, СТАТИСТИЧЕСКОЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ОПИСАНИЕ КАВКАЗА

(труд И. Бларамберга завершен в 1835 г., но издан не был и сохранялся в архиве с грифом «совершенно секретно» только для использования офицерами Генерального штаба - А.О.)

На реке Аргун: Нехехей (Нихало - А.О.) на Чанти - Аргуне, вблизи от этого поселения

находится каменный мост через этот поток; Дачуборзой, где сливаются два рукава Аргуна. Слева от Дачуборзой между Аргуном и Гойтой находится довольно высокий пик — Шато - Вардануи, а также поселки Тембула и Чаккери. Большие Атаги — крупный поселок в 300 очагов, разрушенный многочисленными набегами, слева от Аргуна; Малые Атаги, Ставнокуль Верхн. и Нижн.; Больш. Чечен (250 очагов), слева от Аргуна; Бердикель, Джан - юрт, Тепли, Курдали [3].

АКТЫ СОБРАННЫЕ КАВКАЗСКОЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОМИССИЕЮ.
ТОМ III. ТИФЛИС. 1869.

*Репортъ ген.-л. Мусина-Пушкина гр. Гудовичу,
отъ 31-го декабря 1806 года, № 2572.—Георгиевскъ.*

Сверхъ сего съ ними пріѣхали Большой Атагинской деревни старшины Цуцу Жанбатыревъ и Мурза-бекъ Али-Султановъ, которые представляли ген.-м. гр. Ивеличу 3-му данные имъ отъ ген.-л. гр. Зубова свидѣтельство и аттестаты, по коимъ Цуцу и Мурза-бекъ Али-Султановъ, армейское поручичье жалованье получали; нынѣ-жъ возобновляя свое желаніе быть подъ Россійскою державою и подъ покровительствомъ Россійскихъ законовъ, въ доказательство вѣрнаго ихъ подданства, въ залогъ оставилъ брата своего роднаго Мурза-бека Али-Султанова, съ тѣмъ чтобы онаго Цуцу съ его товарищами отправить къ в. с.

1142. *Репортъ ген.-м. гр. Ивелича 3-го гр. Гудовичу,
отъ 30-го марта 1807 года, № 151.—Владикавказъ.*

Большая Чеченская Атага, которая отрядомъ ген.-отъ-инф. Булгакова предана огню, нынѣ-жь оставшися жители сдѣлали между *собою согласіе войти въ покровительство Россіи и дать отъ себя аманатовъ и на вѣрность учинить присягу, на что выбрали отъ себя почетнаго мирнаго владѣльца Алгота Алханова, сел. Чортутагай, кой пріѣхалъ отъ нихъ ко мнѣ обще съ Цуцу Жѣнбатыревымъ съ помянутымъ изъясненіемъ просить, съ тѣмъ если будутъ в. с. приняты въ подданство Россійское, то помянутый владѣлецъ утверждаетъ, что всѣ остальные Чеченцы, которыхъ селенія ихъ истреблены огнемъ, отдадутъ тожь отъ себя аманатовъ и учинятъ на вѣрность присягу и будутъ жить впредь спокойно; а что до сего ими учинено противу Россіи, за каковое и сами считаются теперешнею экспедицею въ конецъ раззоренными, почему за грабительство ихъ до сего учиненное пополнить ничего не въ состояніи. О коемъ донеся, долгомъ поставляю при семъ помянутаго владѣльца отправить къ начальническому в. с. рассмотрѣнію.

1143. *Предписаніе гр. Гудовича ген.-м. гр. Ивеличу 3-му, отъ 6-го апрѣля 1807 года, № 252.*

Какой я далъ отвѣтъ обществу Большой Чечен-

ской Атаги, просившему Россійскаго покровитель-ства,—съ онаго прилагаю при семъ копію для свѣдѣнія вашего и исполненія, поручая вамъ сходно съ симъ привести старшинъ Большой Чеченской Атаги къ присягѣ на вѣчную вѣрность подданства Е. И. В., истребовать отъ нихъ почетныхъ и важныхъ аманатовъ и взять обязательство, чтобы они хищника, Кабардинскаго владѣльца Канчокина отнюдь къ себѣ не принимали. О всемъ же семъ увѣдомте отъ себя ген.-отъ-инф. Булгакова и рапортуйте меня, когда все сіе будетъ вами исполнено. Присланнаго отъ васъ старшину при семъ, одаривши, возвращаю.

Обвѣщеніе гр Гудовича старшинамъ и народу Большой Чеченской Атаги, отъ 6-го апрѣля 1807 года, № 253

Узнавъ чрезъ избраннаго вами почетнаго владѣльца Алгота Алханона, присланнаго отъ общества ко мнѣ съ просьбою, что вы приносите чистосердечное раскаяніе въ вашихъ проступкахъ, объявляю чрезъ сіе вамъ, почетные старшины и народъ Большой Чеченской Атаги, что я приѣмлю ваше раскаяніе, если оно искренно, прощаю васъ во всѣхъ проступкахъ, когда дадите лучшихъ и почетвѣйшихъ изъ среды себя аманатовъ, учините присягу на вѣчную вѣрность Е И В и обяжетесь ни подъ какимъ видомъ не только сами не дѣлать хищничества и набѣги, но и не принимать къ себѣ извѣстнаго Кабардинскаго хищника владѣльца Канчокина и давать ему чрезъ вашу землю проѣздъ и разбой, за что вы приняты будете въ сильное покровительство всемогуществѣйшаго и величайшаго въ свѣтѣ Г И, и если при томъ сохраните ненарушимо вѣрность, воздержитесь отъ всякихъ хищничествъ и исполните всѣ ваши обязанности, то можете надѣяться большаго для себя выгоды, о коихъ не премину всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Е И В Въ противномъ-же случаѣ, кромѣ собственной своей гибели ничего больше не същете, ибо вы испытали уже, какъ непослушность и хищничества наказываются. Но когда замѣчу я на самомъ опытѣ вашу вѣрность и усердіе, то представлю вамъ и ту выгоду, что позволю вамъ пользоваться съ Диницъ солью и прикажу по билетамъ ген -м гр Ивелича, чрезъ коего вы должны будете о семъ просить, отпущать вамъ соль на такомъ-же основаніи, какъ отпущается она Кабардинцамъ и другимъ народамъ, по Диницъ кочующимъ.

1146. *Тожѣ, полк. Ахвердову, отъ 11-го іюля 1807 года, № 379.*

Сверхъ прежнихъ извѣстныхъ вамъ мирныхъ деревень Чеченскихъ, въ нахожденіе войскъ нашихъ въ Чечнѣ для наказанія хищныхъ Чеченцевъ и послѣ уже того, по предписаніямъ моимъ Владикавказскаго гарнизоннаго полка ген.-м. гр. Ивеличу 3-му, приведены въ подданство и повиновеніе Всероссійскому престолу жители деревень Чеченскихъ Большой Чечень, Алдинской, Шали, Кахко-юртъ и Шагдинъ, Большой Атаги, Малой Атаги, Керменчуки, Чахкари, Гехи и прочихъ другихъ учинены ими на вѣрность Е. И. В. присяги и даны аманаты.

полк. Ахвердову, отъ 11-го іюля 1807 года, № 379.

(Эти старшины из села Старые Атаги - А. О.)

Чеченскимъ старшинамъ Цуцу Жанбатыреву и Мирза-бекъ Али-Султанову, которые, раскаявшись во всѣхъ прежнихъ ихъ поступкахъ, пріѣзжали въ началѣ прошедшаго января мѣсяца въ Грузію ко мнѣ и давъ на усердіе ихъ къ службѣ и преданность къ Высочайшему престолу Е. И. В. присягу, и до сихъ поръ исполняютъ то на самомъ дѣлѣ, назначилъ я въ производство ихъ пенсіонное жалованье; за сими старшинами тоже вы имѣйте ваше примѣчаніе и при малѣйшемъ нарушеніи ими присяги меня увѣдомте.

Объясненіе гр. Гудовича мирныхъ деревень Чеченскихъ Большой и Малой Атаги, Керменчука, Чажкара, Гехи, Шахи и Алди 'старшинамъ, духовнымъ чинамъ и всему народу, отъ 11-го іюля 1807 года, № 383.—При Архивахъ.

Прошеніе ваше, отправленное ко мнѣ съ почтеннымъ Хаджи-Реджебомъ, я получилъ и увѣдомляю васъ на оное, что управленіе всѣми вообще мирными Чеченцами, по Высочайшей волѣ всемилостивѣйшаго великаго нашего Г. И., возложено на полк Ахвердова, въ г Кизлярѣ пребываніе свое имѣющаго; онъ имѣетъ на предметъ сей мое ему предписаніе, а вы потому по всѣмъ вашимъ дѣламъ и надобностямъ относитесь къ нему во всякое время, принимать онъ отъ васъ будетъ всѣ ваши просьбы и изъясненія ваши о нуждахъ вашихъ и надобностяхъ будетъ имъ по возможности его удовлетворять и вездѣ ходатайствовать и просить за васъ; вы-же напротиву того должны въ полной мѣрѣ всѣ распорядки его между вами и приказанія вамъ, которыя будутъ относиться къ одному токмо благосостоянію и спокойствію вашему, исполнять въ самой точности. Я съ моей стороны увѣряю васъ, что ежели вы пребудете ему послушны, исполните въ точности все то, что онъ вамъ приказывать будетъ, удалите себя отъ всѣхъ шалостей и хищничествъ, не будете имѣть никакихъ связей и сообщеній съ ворами и хищниками, не станете принимать таковыхъ зловредныхъ людей въ деревни ваши и запретите даже имъ проѣзжать на воровства чрезъ мѣста вами владѣемые и пребудете всегда усерд-

ны, вѣрны и преданы всемилостивѣйшему великому Г. И. нашему, на Линіи и вездѣ будете принимаемы вы наравнѣ со всѣми другими подданными Всероссійскими, будутъ доставляемы вамъ всѣ выгоды и пользы, отпущаемъ будетъ вамъ съ Линіи хлѣбъ въ покупку безвозбранно и соль съ озеръ казенныхъ, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно, имѣете всегдашнюю крайнюю надобность, отпущаться вамъ будетъ точно такъ какъ отпущается она Кабардинцамъ и прочимъ усерднымъ и вѣрнымъ Г. И. народамъ и я пребуду къ вамъ всегда доброжелательнымъ.

Репортъ ген.-и. гр. Иселича 3-го гр. Гудовичу, отъ 2-го ноябля 1807 года, № 495. — Владикавказъ.

Во исполненіе ордера в. с. отъ 27-го прошлаго августа съ приложеніемъ пунктовъ, по какимъ правамъ должны Чеченскіе народы вступить въ подданство Россіи, изъ которыхъ прибывъ ко мнѣ во Владикавказъ, Хаджи-Реджебъ вмѣстѣ съ старшинами Большой Чеченской Атаги и дер. Закуровой, показываемые имъ почетными людьми, съ коими пріѣхалъ Цуцу Женбатыревъ и Мурза-бекъ Али-Султановъ по согласію всего Атагинскаго народа и помянутой дер. Закуровой 12 старшинъ, какъ-то Кази-Мулла Салдановъ, Казан-Мурза Бекаевъ, Чаге Дадаевъ, Ума-ханъ Араповъ, Мези Темаевъ, Киса Кандуровъ, Зюкуръ Аматаевъ, Мухаммедъ Козыхановъ, Апа Юсуповъ, Пежъ Вейніевъ, Иса Пежіевъ и Бибулатъ Бисултановъ съ 20 жителями, которые старшины учинили по мусульманскому закону подъ знаменами на Алкоранѣ присягу на вѣрность подданства Россіи, съ тѣмъ, чтобъ впредь быть вѣрными и ненарушителями противу Россійскихъ, а исполнять все какъ права Россійскія повелѣваютъ и во всемъ точно поступать; обязались какъ отъ в. с. въ данныхъ имъ пунктахъ предписано, въ присягѣ помѣстили и аманата ко мнѣ представили, который до прибытія прочихъ пріостановленъ во Владикавказѣ. А что они не всѣ прибыли отъ Чеченскихъ селеній, то Хаджи-Реджебъ объявилъ мнѣ, что Большая Атага имъ приведена, съ тѣмъ чтобъ прочія ихъ Чеченскія селенія о нихъ узнали, что Атага согласна и отдала аманата, чрезъ кое и они прочіе надѣются съ аманатами пріѣдутъ, за коими онъ послалъ отъ себя въ Малую Атагу въ сел. Гехи и 7 ихъ селеній за старшинами, чтобъ и они прибыли во Владикавказъ съ аманатами, коихъ онъ съ помянутыми старшинами здѣсь ожидаетъ. Данную-жь присягу отъ старшинъ Большой Чеченской Атаги и дер. Закуровой къ в. с. при семъ имѣю честь представить. Касательно-жь о ихъ подаркахъ я хотя и требовалъ отъ Хаджи-Реджеба, чтобъ онъ показалъ мнѣ, кому изъ нихъ подарки даны будутъ

и какое количество, на которое онъ отвѣчалъ, что у него присяга съ старшинами учинена, что никому не объяснять кромѣ в. с., которому я, повѣривъ въ томъ, прекословія ему не сдѣлалъ, дабы его не озлобить; а взялъ отъ него на взятую имъ сумму 1,010 р. росписку, которые мною ему отданы. Такимъ образомъ настоятъ онъ,—если всѣ достальные старшины всѣхъ Чеченскихъ селеній къ присягѣ на вѣрноподданство Россіи приведены будутъ со взятіемъ аманатовъ, то достальные деньги ассигнованныя в. с. должны ему вручить; увѣряетъ при томъ, если отъ в. с. не будетъ на сіе согласія, то всю поминутую сумму возвратитъ въ цѣлости. По ихъ Азіятскому обыкновенію, примѣчаю они къ деньгамъ весьма склонны и самъ Хаджи-Реджебъ, чрезъ кое секретъ отъ меня дѣлаютъ въ подаркахъ.

[4]

НОВЕЙШИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВѢСТІЯ О КАВКАЗѢ,
СОБРАННЫЕ И ПОПОЛНЕННЫЕ СЕМЕНОМЪ БРОНЕВСКИМ.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

въ плѣнѣ при взятіи Ананы. Въ сихъ послѣднихъ годахъ (1807) Генералъ Булгаковъ наиболѣе причинилъ имъ урона, покоривъ при независимыя общества: Большую *Атагу*, Малую *Атагу* и *Гихи*, съ приписными къ нимъ деревнями, отъ коихъ, по приведеніи къ присягѣ, взяты аманаты. Такъ какъ

[5]

АКТЫ СОБРАННЫЕ КАВКАЗСКОЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОМИССИЕЮ. ТОМ VII.
ТИФЛИС 1878 [6].

В. Ч Е Ч Н Я.

877. Предписание гр. Паскевича ген. Эмануэлю, отъ 18-го марта 1829 года, № 48.—Секретно.

Препровождаю при семъ къ в. выс-у въ копияхъ два письма ко мнѣ шамхала Тарковского и двѣ бумаги, писанныя къ нему казіемъ Атагинскимъ Абу-Абду - Рахман - Абду - Керимомъ, также копію съ письма разныхъ Чеченскихъ старшинъ къ ген.-м. Краббе и съ письма шамхала къ сему послѣднему.

Весьма постигаю я, что всѣ сношенія сіи происходятъ отъ желанія шамхала выѣшаться въ дѣла Чеченскія и выказать чрезъ то заслуги свои предъ правительствомъ; тѣмъ не менѣе однако-же должно стараться воспользоваться изъясняемою разными Чеченскими старшинами готовностью покориться Россіи и убѣдить ихъ къ принесенію присяги на вѣрнопопданство и къ выдачѣ аманатовъ. А потому прошу васъ предписать ген.-м. Энгельгардту къ исполненію слѣдующее.

1) Тѣмъ, которые писали къ шамхалу, не только не ставить сего въ обвиненіе и не оскорблять ихъ, но, напротивъ того, оказывать имъ всякую привѣтливость и покровительство, стараясь убѣдить ихъ самымъ ласковымъ образомъ, что съ предложеніями своими имъ ближе было обратиться прямо къ ген.-м. Энгельгардту, не ища посторонняго посредства.

2) Если Бей-Булатъ дѣйствительно желаетъ покориться, то отнюдь не отвергать его о семъ просьбы, принять отъ него присягу на вѣрнопопданство и взять въ аманаты изъ ближайшихъ его родственниковъ, обладаживъ его не только въ забвеніи прошедшаго, но и въ благосклонности къ нему начальства, если только онъ чистосердечнымъ раскаяніемъ, покорностью и усердіемъ загладитъ прежніе свои поступки.

3) Деминскому (?) поколѣнію можно позволить построить деревни на р. Аргунѣ между Большою - Атагою и Чеченомъ, если только земля, на которой оно желаетъ поселиться, не принадлежитъ другимъ фамиліямъ, или если сіи фамиліи не будутъ тому противиться.

4) Всѣ прочіе общества и народы, которые пожелаютъ покориться Россіи, приласкать и склонять, дабы они принесли присягу и дали аманатовъ. Если старшинамъ ихъ или прочимъ людямъ благонамѣреннымъ въ Чечнѣ нужно было-бы дать какія награды или подарки, то прошу меня о томъ увѣдомить, и

5) Стараться всячески ласками и привѣтливостью отклонять Чеченцевъ, дабы они не обращались посредствомъ шамхала Тарковского.

Письмо шамхала къ гр. Паскевичу, отъ. . . 1829 года.

(Съ Переводскаго, переводъ старшій)

Вудучи обязана доносить неслѣдно о всѣхъ дѣлахъ и прошестьихъ здѣшняго края, спешу увѣдомить, что народъ Чеченскій и начальники оного просили ко мнѣ людей съ предложеніемъ представить мнѣ ихъ заложникомъ и изъявили желаніе быть управлены правдыми Русскими чиновниками и со всѣмъ усердіемъ служить правительству Тамъ имя означенный народъ просилъ моего поручительства (ибо начальники ихъ, пострадавъ ихъ, обещаютъ и дѣлать всякаго рода притворенія пріезжающимъ съ ихъ или съ нашей стороны), отправилъ я въ Чечню въ вида заложника своего племянника Мехти-Бега съ условіемъ, дабы, прежде его еще къ мнѣ прибытія, всѣ начальники и почетнѣйшіе изъ оного народа посѣщали арбыть ко мнѣ По еяму видно, что сей народъ душевно желаетъ мира и добраго согласія Посему сомнѣваюсь безконотъ и с , дабы соблюденіемъ пожелать начальникамъ его оварскіе чины и смелодное названіе, другимъ почетнѣйшимъ людямъ оного кѣнотоме подарки, а заложникамъ ихъ, которые у меня будутъ, немедленное содержаніе

Томе, отъ 6-го марта 1829 года.

(Съ Переводскаго, переводъ старшій)

Спешу сообщить я с пріятное извѣстіе 4-го марта прибыл ко мнѣ въ Тарку пѣ Чечни итали и ихъ начальники числомъ 120 чел По желанію моему они соглашаются на условія и даютъ аманатовъ Бей Булатъ, главный ихъ начальникъ, поручилъ мнѣ аманатомъ сына своего, и я томѣ сына моего Шахбазу поручилъ взять съ собою въ Чечню О подробностяхъ сего дѣла будетъ доложено въ свое время Написано, что послѣ сего итали Камаза будутъ жить поволю Въ числѣ упомянутыхъ прибывшихъ ко мнѣ находится сынъ Бей-Булатъ и отъ каждаго племени по почетному лицу.

Томе, почетныхъ Чеченцевъ къ шамхалу.

(Съ Арабскаго, переводъ старшій)

Письмо ваше чрезвычайно насъ обрадовало Знал совершенно милостивое ваше расположеніе и пресохлощия качества, мы рѣшились просить васъ даровать намъ миръ, слововеріе и согласіе, въ полной увѣренности, что вы въ семъ случаѣ не будете поступать по арширу какъ подвластныхъ Кумыкскихъ старшинъ, отъ которыхъ мира не ищемъ, ибо нѣтъ у нихъ ни порядка, ни правленія, и притомъ-же они часто намъ навязали Если вы повѣте сіе дѣло согласно съ нашимъ желаніемъ, то мы поворимся и пребудемъ вѣрны Присутствте въ оному съ чистосердечіемъ и доваривностью, безъ жестоности и предательства, направляя насъ на путь истинны и руководствуя отъ труднѣйшаго къ легчайшему.

Томе, шамхала къ ген.-м. Краббе, отъ . . . шаабана 1829 года.

(Съ Переводскаго, переводъ старшій)

Считаю обязанностью увѣдомить васъ о слѣдующемъ происшествіи народъ Чеченскій и его старшины изъявили желаніе покориться Россійскому правительству и въ семъ дѣлѣ мѣся избрала посредникомъ Остапая у себя подлинное письмо ихъ, препровождаю къ вамъ съ оного переводъ, изъ моего усмотрѣнія всѣ обстоятельства дѣла Если признаете нужнымъ, посѣщайте довести о семъ гр Паскевичу

Дѣла миролюбія съ упомянутымъ народомъ почтены мною на законномъ основаніи, и они согласились присягнуть на вѣрнопопданство Россіи, давъ изъ каждаго поколѣнія аманата Рисканталъ въ прежнихъ дурныхъ своихъ поступкахъ, они обещаютъ быть вѣрными подданными, усердно служить, не выдать болѣе въ подобныя пограбности

Основываясь на сей просьбѣ, я отправилъ къ Чеченцамъ племянника своего Махед-Бега, а между тѣмъ, выѣзжаю еще до прибытія его, являю ко мнѣ отъ нихъ старшины и почетныя особы, о томъ тогда-же васъ увѣдомлю Я согласенъ послать къ сему народу одного изъ почетныхъ коней съковей, дабы дѣло привести въ болышую извѣстность

Томе, старшинъ Чеченскаго народа къ шамхалу, 1829 года.

Предписаніе ваше за вашей печатью чрезъ посланнаго мнѣ получило и повѣли пріятное и милостивое оного содержаніе Съ особеннымъ удовольствіемъ соглашаемся мы на всѣ ваши предложенія Нимѣ присланы вы къ

ДЕЙСТВИЯХ В ЧЕЧНЕ.

4 июля 1835 г.

13 июня отряд прибыл в аул Большую Атагу, из коего некоторые жители, подозреваемые были в намерении содействовать Ташев - Гаджи, и потому подполк. Пулло взял от них для большего обеспечения спокойствия двух аманатов. При следовании к Большой Атаге показывавшийся неприятель производил с отрядом ничтожную перестрелку [7].

АКТЫ СОБРАННЫЕ КАВКАЗСКОЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОМИССИЕЮ.
ТОМ VIII. ТИФЛИС. 1881

16-го числа отрядъ оставался на мѣстѣ по случаю сильной мятели. Сего числа прибыли къ подполк. Пулло старшины многихъ деревень, вверхъ по Аргуну лежащихъ, какъ-то. Узекень-юрта, Чюрчи-ирзо, Тембулат-юрта и Шихой-юрта; также отъ непокорныхъ, живущихъ въ Большой Атагѣ и Шали; они всѣ изъявили покорность, представили аманатовъ, внесли подать и заплатили штрафныя деньги. Въ сей день во многихъ мѣстахъ за Аргуномъ показывались толпы непріятельскія, но онѣ ничего не предпринимали.

[8]

АКТЫ СОБРАННЫЕ КАВКАЗСКОЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ КОМИССИЕЮ. ТОМ IX.
ТИФЛИС. 1884.

Рапортомъ, отъ 23-го марта, № 483, я имѣлъ уже честь донести в. с. о положеніи лѣваго фланга Кавказской Линіи, о начавшемся волненіи въ Чечнѣ и о дерзкихъ предпріятіяхъ Шамиля. Вчера получены чрезъ ген.-м. Пулло и чрезъ нарочно посланнаго мною въ Грозную офицера слѣдующія свѣдѣнія Шамиль ежедневно усиливается, собралъ уже весьма значительное скопище и все готовится къ поголовному вооруженію. Послѣ дѣла при Алхан-юртѣ, онъ думалъ снова удалиться въ Аргунское ущелье; но прибывшія къ нему сильныя партіи Шатоевцевъ, Андійцевъ и Ичкеринцевъ, подъ предводительствомъ Ташев-хаджи, Хаджи-Мамед-эфендія, хадія Газіау, Шуаиб-муллы и Джевад-хана, дали ему возможность исполнять продолженіе своихъ замысловъ. Въ Алхан-юртѣ и Закан-юртѣ переправился онъ на правый берегъ Сунжи и чрезъ Гойтинскій лѣсъ перешелъ въ аулъ Атагу, коего жители, послѣ нѣкоторой дерзости, пристали также къ нему, равно какъ и всѣ деревни Большой Чечни.

[9]

РАПОРТ КАП. ПУШКИНА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И
ЧЕРНОМОРИИ ПОЛК. ТРАСКИНУ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ЧЕЧНЕ.

23 марта 1840 г.

15 числа Шамиль был разбит... отступил от селения Гехи, ген. пошел на Атагу в намерении его встретить. Но Шамиль успел пройти в Шали, потом в Мискер-Юрт и в Тепли-Юрт; ген. Пулло узнав о сем движении в ту же минуту (это было в полночь) выступил и дошел до Тепли-Юрт. Шамиль не дождавшись нашего появления пошел в сел. Автур. Генерал прекратил преследования. [10]

КОМАНДИРУ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА Г-НУ ГЕНЕРАЛУ -ОТ -
ИНФАНТЕРИИ И КАВАЛЕРУ ГОЛОВИНУ 1 - МУ КОМАНДУЮЩЕГО ОТРЯДОМ НА
ЛЕВОМ ФЛАНГЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ, ГЕНЕРАЛ - ЛЕЙТЕНАНТА ГАЛАФЕЕВА
РАПОРТ

Войска Чеченского отряда, состоящего из 2-х рот сапер, 2-х батальонов пехотного его светлости (ныне 84-го пехотного Ширванского полка), батальона Мингрельского и 3-х батальонов Куринского егерских полков при 14-ти орудиях и 1,400 человек казаков, 6-го июля (1840 г. - А.О.), выступивши из крепости Грозной, следовали на деревню Большой Чечень; истребили как эту деревню, так и Дубу - Юрт с огромными полями, засеянными хлебом, до самого Аргунского ущелья, оставя деревни Большую Атагу и Чах-Гери в том виде, как их нашли, чтобы иметь лес для будущего построения укрепления в сей последней; оттуда направляясь к Гойтинскому лесу, прошли через оный с бою и уничтожили деревни Ахшпатай - Гойта, Чуторой - Юрт, Урус. Мартан, Чурик - Рошни, Хажи - Рошни и Гехи с их садами, а также с значительными посевами кукурузы [11].

ОТНОШЕНИЕ ГЕН.-АДЪЮТ. ВОРОНЦОВА ГЕН.-АДЪЮТ. ЧЕРНЫШЕВУ
О ПОЛОЖЕНИИ НА КАВКАЗЕ.

25 октября 1847 г.

Я полагал приступить к этому предприятию в будущем же году. Но как я выше имел честь объяснить по причине свирепствовавшей нынешним летом в войсках холере, нельзя было исполнить другого важного дела, а именно возведения башни на р. Гойте, на вновь продолженной просеке при входе в Гойтинский лес.

Откладывать сие должно было бы крайне невыгодно, ибо без этой башни не можем мы быть полными хозяевами Атагинской и Чахкиринской полян, где построено Воздвиженское укр. и движение всякого отряда через Чечню, по так называемой русской дороге, будет всегда сопровождаться с значительной потерей [12].

ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ.
СОЧИНЕНИЕ А.П. БЕРЖЕ.
ТИФЛИСЬ, 1859.

Но когда в 1843 году Шамиль лишился и другаго наиба, Шуаибъ - Муллы, убитаго изъ кровомщенія въ ауле Цонтери, где онъ имель свое местопребываніе, то имамъ для лучшаго наблюденія за Чеченцами, между коими было много недовольныхъ его нововведеніями, стеснявшими ихъ свободу, разделилъ наибства Мичиковское и Большой Чечни на две части, а наибство Малой Чечни на 4 части: надъ обществомъ Ичкеринскимъ былъ назначенъ Магометъ Мусакаевъ, а надъ Качкалыковцами и Мичиковцами Элдаръ. Суаибъ по прежнему былъ оставленъ наибомъ Большой Чечни, съ темъ только, что отъ него отошли аулы, лежащіе у подножія Черныхъ горъ и въ самыхъ горахъ, которые поступили, вместе съ Шатоевскимъ обществомъ, подъ власть Даны. Надъ аулами, лежащими между рр. Аргуномъ и Мартаномъ, а также главной дорогой, идущей изъ Атаги чрезъ Урусъ - Мартанъ, былъ назначенъ Таибъ [13].

ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗ
/СОСТ.А.А. КАСПАРИ

(впервые издана в Санкт - Петербурге в 1904 г.)

Чеченцы сами себя называют нахчойцы, нахче, что значит «народ», лезгины и кумыки называют их мисджегами, грузины — кистами; чеченцами же их, как уже сказано выше, называют только русские. Точно так же, как и горные дагестанцы, чеченцы делятся на множество племен, из которых в недавнем историческом прошлом Чечни наиболее выдающимися были албинцы, атагинцы, ауховцы, назрановцы, карабулаки, джерахи, галгаи, мичиковцы, качкалыковцы, ичкеринцы; сюда же присоединяют и ингушей. Большинство этих названий дано чеченцам уже русскими и самим им неизвестно. Соседи называют их также мычкиз.

[14, с. 111]

После энергичного Ивана Варфоломеевича Якоби кавказским корпусом до осени 1782 года командовал его сотрудник и соратник, генерал Фабрициан, победитель кабардинцев на Малке. Он сумел нагнать такого страха на беспокойных соседей, что только самые отчаянные из чеченцев — атагинцы — время от времени осмеливались нападать на русские пределы и оставались единственным племенем, которое не признавало своей зависимости от русских и не дало русскому правительству аманатов (аманат — заложник; обыкновенно, юноша знатной фамилии). Фабрициан — воин высокой храбрости, вместе с тем, не был уполномочен на самостоятельные действия и ограничивался только тем, что отражал горцев, не предпринимая карательных экспедиций. Такой образ действий всегда производил на горцев ободряющее впечатление. Этим наивным детям природы начинало казаться, что русские обессиливали и становились неспособными к мести, обязательной, по их понятиям, за всякое кровопролитие. Атагинцы становились все более и более дерзкими; соседние чеченские племена начинали примыкать к ним, и набеги на Терек все учащались.

[14, с. 118]

Павел Потемкин, этот первый наместник Кавказа (с 1786 года), перенес свою резиденцию из отдаленной Астрахани в городок Екатериноград, стоявший при впадении Малки в Терек. Благодаря этому высшая власть в завоевываемом крае не была удалена от полей кровавой борьбы. В Екатеринограде появился великолепный дворец наместника, около Потемкина образовалась блестящая свита из высших офицеров и наиболее влиятельных горских владельцев и князей. Великолепие екатерининского вельможи произвело на наивных горцев поражающее впечатление, но граф Павел Сергеевич не забывал, с кем ему приходится иметь дело. В октябре 1782 года он явился на Кавказ, а в марте

[14, с. 188]

следующего, 1783 года буйные атагинцы потерпели такой погром, что после него не могли уже оправиться. Посланный против них отряд полковника Кесса, перейдя Сунжу, сжег главный аул Атаги. Атагинцы, выбитые из своего гнезда, пока шел погром, кинулись было на русский отряд, занимавший Ханкальское ущелье. Произошел кровопролитный бой. Чеченцы как будто сами приговорили себя к смерти; были моменты, когда русским приходилось плохо; однако в конце концов в ущелье подоспел отряд, посланный разорять атагинские аулы, и нападавшие горцы оказались сами атакованными с двух сторон. Это решило исход боя: чеченцы бежали, оставив на месте около пятисот трупов. Ближайшим следствием и победы, и погрома явилось признание атагинцами и союзными с ними племенами своей зависимости от России, но, конечно, по самому ходу дела эта зависимость, как и зависимость других горских племен, была довольно-таки призрачною. Впрочем, атагинцы присягнули на подданство России, и, таким образом, русское правительство приобрело право распоряжаться с ними не как с воюющей стороной, а как с простыми мятежниками, — право, чрезвычайно важное ввиду усиленных притязаний на Кавказский край и Турции, и Персии.

[14, с. 189]

Этот мятеж явился следствием того, что Алексей Петрович не предугадал значения нового религиозного учения, появившегося в Казикумыке и уже распространявшегося по Дагестану. Всю осень 1824 года по Чечне шныряли какие-то неизвестно откуда появившиеся горцы, возвещавшие чеченцам, что появился имам, который призывает всех правоверных на газават, то есть священную войну против христиан. Чеченцы чересчур заспешили. У них явились и свой проповедник, мулла Магома, и народный вождь, знаменитый наездник Бей-Булат; нашелся и свой собственный пророк, герменчугский чеченец Яук. По всей Чечне появились гонцы с вестью об этом и с призывом на священную войну. Магома объявил себя великим имамом Чечни, и в конце июня 1825 года мятеж вспыхнул. Мичиковцы, ичкеринцы, качкалыковцы и вся Большая Чечня поднялись на русских и заняли аул Атаги за Ханкальским ущельем, против крепости Грозной. Эти простые, полудикие люди были так ослеплены Магомой, что искренне верили в свою легкую победу. Им казалось, что стоит только Магоме сказать слово, как все русские сами убегут за Терек. Но русские вместо этого пошли на них. Их повел гроза чеченцев, полковник Греков. Русские шли вперед, а не назад. Чеченцы не удержались и до боя ударились вспять, очистив Ханкальское ущелье. А у Грекова был всего один батальон 43-го егерского полка, так как более Ермолов не мог ему дать: одновременно с Чечней, по тем же причи-

[14, с. 335]

нам, вспыхнул бунт в Кабарде. Греков занял аул Атаги и, видя перед собой бегущих чеченцев, вообразил, что с них и этого будет вполне достаточно. Он возвратился в Грозную, а Бей-Булат воспользовался этим и распустил слух, будто русские бежали перед ним.

[14, с. 336]

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХ НА КАВКАЗЕ
Н. ДУБРОВИНА. ТОМ I. ОЧЕРК КАВКАЗА И НАРОДОВ ЕГО НАСЕЛЯЮЩИХ КНИГА I.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1871

Средняя часть, как болѣе открытая, представляла болѣе удобствъ для жизни, а потому здѣсь—то и было скучено почти все населеніе; здѣсь находились извѣстные по величинѣ и богатству аулы: Бата-Юртъ, Акаюртъ, Маюртупъ, Гельдигенъ, Автуръ, Герменчукъ, Шали, Большая и Малая Атага, Урусъ-Мартанъ и другіе. По мѣрѣ того, какъ наши войска стали двигаться по *русской дорогѣ*, аулы эти стали пустѣть, а жители переселялись въ близлежащія лѣса. До 1840 года, аулы все-таки сохраняли свой наружный видъ и свою многочисленность. Съ возмущеніемъ же Чечни, всѣ жители этихъ ауловъ расселились по лѣсамъ, растущимъ по Сунжѣ и у подножія Черныхъ горъ, и огромные богатѣйшіе аулы ихъ совершенно исчезли. Въ настоящее время о существованіи ихъ говорятъ только остатки ихъ садовъ. Самое густое народонаселеніе укрывалось въ лѣсахъ, растущихъ у устьевъ рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ по Чечнѣ, въ особенности же между рр. Гойтой и Гехи (куда переселилась въ 1840 году большая часть надтеречныхъ чеченцевъ) и между Джалкой и Качкалыковскимъ хребтомъ, составляющимъ крайній отрогъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта. Непрерывное движеніе нашихъ войскъ въ глубь страны и постройка на занятыхъ мѣстахъ укрѣпленій заставляли чеченцевъ удаляться отъ нашей линіи укрѣпленій. Постепенно приближаясь

(¹) Эта дорога получила такое названіе потому, что по ней, начиная со временъ Ермолова, постоянно ходили наши отряды.

параскеви. Ко всему этому можно прибавить то, что при входѣ въ Аргунское ущелье, близъ ауловъ Атага и Чахкери, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построена была Воздвиженская крѣпость, былъ найденъ большой каменный крестъ съ вырѣзомъ для образа; отъ этого креста и крѣпость получила настоящее свое названіе.

[15, с. 383]

ОЛЬШЕВСКИЙ М. Я.
КАВКАЗ С 1841 ПО 1866 ГОД

Отряд остановился на ночлег над мутно - пенящимся Аргуном на месте бывшего аула Большая Атага, разоренного вслед за восстанием Чечни и находящегося верстах в двадцати от Грозной на главном продольном сообщении всей Чечни.

В пяти верстах от Атаги и в трех верстах от ущелья, находился другой разоренный аул Чахкеры. Обретенный возле этого аула в густом орешнике крест, высеченный из белого песчаника, был поводом к избранию этого места для крепости и названия ее Воздвиженской.

Эти аулы, за исключением Хайдакая, Зурмая и еще нескольких жильцов, бывших Атаги и Чахкери (До восстания Чечни в 1840 году Атаги и Чахкери были большие чеченские аулы,

находившиеся на Аргуне; первый - севернее, а последний - южнее крепости Воздвиженской. В 1841 году они были уничтожены нашими войсками, и жители этих аулов расселились хуторами по лесам и горам), составились из разных выходцев «байгушей» или бедняков, Малой и даже Большой Чечни.

Между ними происходили частые драки, доходившие до оружия и кончавшиеся иногда даже смертоубийством. Не раз посылались, по просьбе старшин, вооруженные команды для захвата виновных; но редко когда заставляли их, потому что они ночью уходили, бросив свою убогую землянку, да на прощанье обворовав своего соседа, несмотря на то, что воровство у одноаульцов считалось крайне бесчестным.

Для обуздания чеченцев, живущих возле Воздвиженской, от безначалия и своеволия, а равно для восстановления между ними хотя некоторого порядка, было предложено им удалить из своих аулов всех ненадежных людей. Сверх того, им объявлено было, что за смертоубийство и нанесение ран они будут судиться по нашим законам [16].

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // **Кавказский сборник, Том 13. 1889.**

4-го июня в полночь он (полковник Сорочан - А.Д.) выступил за Сунжу и к рассвету был за Ханкалой, против покорной нам деревни Шавдона. Отсюда он проследовал мимо Атаги и Ставноколя, в трех верстах от последнего, и, став лагерем в шести верстах от большого Чеченя, ожидал прибытия к себе с приветствием старшин; но последние не явились. Из этого Сорочан заключил, что «в народе непокойно». 7-го числа он повернул к аулу б. Атаге с тем, чтобы следовать к Энгелику и потом в Грозную; но узнав, что за Аргуном, в лесу, у сел. Белгатоя, собралась партия в пятьсот человек, чтобы воспрепятствовать его переправе, если бы он пошел туда, а другая такая же в лесу против Энгелика, он двинулся к этому последнему селению.

Малочеченские старшины, под влиянием Мустафы - кадия и Аджи - Енджи, назначили народу место для общего собрания между сс. б. Атага и б. Чечень — и к указанному времени обширная равнина закипела массою пеших и конных. Но, как обыкновенно бывает в такой громадной сходке, мнения разделились, и окончательного, категорического решения не последовало.

Аджи - Енджи тем временем весьма успешно повлиял на кабардинских абреков и на ингуш, а именно — цоринцев, карабулаков и галгаев. Первые из них собрались в деревне Катар-юрте и, пристроив к себе часть герменчуковцев, атагинцев и других чеченцев, пустились в землю ингуш для соединения с ними, образовали партию свыше пятисот человек и открыли свои похождения вдоль всей военно - грузинской дороги от Екатеринограда до Дарьяла, с целью, между прочим, напасть на имения кн. Бековича-Черкасского и других кабардинских владельцев.

По отъезде имама партия малочеченцев, кабардинцев и ингуш, имевшая свое местопребывание, в ожидании усиления ее для нападения на Грозную, в пятидесяти верстах от этой крепости, в горах, расстроилась, и жители Атаги, Чах - кери, Мартана, четырех аулов по р. Рошне и некоторых других оставили ее; атагинцы, кроме того, прислали в Грозную своих представителей с извинением за нефтянский набег и с просьбою о прощении [17].

ЖУРНАЛ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ЧЕЧЕНСКОГО ОТРЯДА С 16 ПО 28 ИЮНЯ

28 июня 1852 г. 23-го числа отряд двинулся к Чах-Кери. Обширное Атагинское поле, ведущее от Аргуна до Гойтинского леса, и самое большое во всей Чечне, совершенно брошено чеченцами. Поле это, на котором они производили главнейшие свои посевы, остается теперь необработанным [18].

ПОЛТОРАЦКИЙ В. А. ВОСПОМИНАНИЯ

// **Исторический вестник. № 3. 1893.**

...пожаловал наконец к нам, в Воздвиженское (путешествие наследника престола,

будущего Александра II на Кавказ в 1850 г. - А.О.). Переночевав здесь, на другой день с утра великокняжеский поезд тронулся отсюда с подобающе торжественностью. Временно заняв гарнизон Урус-Мартана линейными ротами, все пять батальонов Егерского князя Воронцова полка, стянутые накануне в штаб для шествия с государем наследником до р. Валерика, выступили из Воздвиженского в парадной форме с развернутыми знаменами. Колонна двинулась в следующем порядке: впереди гарцевали наездники из мирных чеченцев обоих наших аулов, Атага и Чах - Кери, с Арцу и Али - беком во главе [19].

ИВАНОВ С.

О СБЛИЖЕНИИ ГОРЦЕВ С РУССКИМИ НА КАВКАЗЕ

// **Военный сборник. № 6. 1859.**

Во второй половине 1844 года, на месте бывшего аула Чах - Кири, возникло сперва укрепление, а потом и крепость Воздвиженская, весьма важная для левого фланга Кавказской линии. По обеим сторонам крепости, в расстоянии от нее около 400 шагов, тотчас же образовались два аула (автор пишет «образовались», на самом деле аулы после неоднократных разгромов и разорений восстанавливались - А.О.), оба на левой стороне реки Аргуна, по дороге из крепости Грозной — Атага, а минуя Воздвиженскую на линии к Аргунскому ущелью, Чах-Кири. В первое время население этих аулов было весьма незначительно, но не далее как через два года, как в одном, так и в другом ауле считалось по 500 слишком семейств. Сначала жители, тая еще к нам нерасположение, волнуясь внушениями наибов Шамиля, нередко участвовали в набегах и схватках враждебных партий. После каждого более или менее значительного дела, можно было встретить в котором либо из названных аулов похороны убитого, или увидеть раненого; расследований и розысканий в таких случаях делать было невозможно, чтоб не ожесточить народ. Более же ясных доказательств на проступок нельзя было найти, потому, что убитый, или раненый, всегда по словам горца был из числа удалцов, отправлявшихся на кражу лошадей, или другого скота у немирных горцев. В аулы эти, как офицеры, так и солдаты, ходили за покупкою чего - либо непременно в числе пяти, семи человек, хорошо вооруженные; под вечер никто не отваживался туда пускаться, о ночном путешествии не могло быть и помина. Но вот, год за годом подобные случаи становились реже; Русские стали ходить в аулы по одиночке, без оружия, опасность представлялась только со стороны чеченских собак; некоторые из офицеров засиживались у своих кунаков до поздней ночи, случалось, что и ночевали, а если когда и были провожаемы до ворот крепости в ночное время своими кунаками, то более из опасения со стороны немирных горцев, имеющих обыкновение приезжать к своим родным или знакомым нередко к ночи [20].

Литература:

1. Сахно П.М. - Устимович. Описание чеченского похода 1826 г. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/S_Ustinovich/text1.htm.
2. Потто В.А. Кавказская война. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. Тифлис 1889
3. Бларамберг Иоганн Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Blaramberg/text31.htm>
4. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. III. Тифлис. 1869.
5. Донесение ген. - адъют. Розена ген.-адъют. Чернышеву о военных действиях в Чечне. 4 июля 1835 г. // <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/S.Kavkaz/XIX/Dvizenie/81-100/88.htm>
6. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. Тифлис. 1878.
7. Рапорт кап. Пушкина начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории полк. Траскину о военных действиях в Чечне. 23 марта 1840 г. // <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/S.Kavkaz/XIX/Dvizenie/121-140/134.htm>
8. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VIII. Тифлис. 1881.
9. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. IX. Тифлис. 1884.
10. Командиру Отдельного Кавказского корпуса г-ну генералу - от - инфантерии и кавалеру Головину 1-му командующего отрядом на Левом фланге Кавказской линии, генерал - лейтенанта Галафеева рапорт. /

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Lermontov_M_Ju/text1.htm

11. Отношение ген.-адъют. Воронцова ген.-адъют. Чернышеву о положении на Кавказе. 25 октября 1847 г. // <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/S.Kavkaz/XIX/Dvizenie/301-320/307.htm>
12. Чечня и чеченцы. сочинение А.П.Берже. Тифлиси, 1859.
13. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Часть вторая.
14. Покоренный Кавказ /Сост. А.А. Каспари. Санкт - Петербург, 1904.
15. История войны и владычества русских на Кавказе Н. Дубровина. Том I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Книга I. Санкт - Петербург, 1871.
16. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Olsevskij/text4.htm>
17. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // **Кавказский сборник, Том 13. 1889.**
18. Журнал военных действий Чеченского отряда с 16 по 28 июня. 28 июня 1852 г. // <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/S.Kavkaz/XIX/Dvizenie/361-380/366.htm>
19. Полторацкий В. А. Воспоминания // **Исторический вестник, № 3. 1893.**
20. Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // **Военный сборник. № 6. 1859**

УДК 94(48).083

6-Я ГВАРДЕЙСКАЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА В БОЯХ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ В 1942 Г.

6-TH GUARDS TANK BRIGADE IN BATTLES IN THE TERRITORY OF KALMYKIA IN 1942.

Очиров У.Б.,

*д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории,
археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН*

Ochirov U.S.

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher
of the Department of History, Archeology and Ethnology of the
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

В статье рассматривается история участия 6-й гвардейской танковой бригады в составе 28-й армии (3-го формирования) на территории Калмыкии в ноябре - декабре 1942 г. В ходе боев эта часть неоднократно отличилась и сыграла важную роль в поражении 16-й моторизованной дивизии вермахта и освобождении Калмыкии. Неслучайно в память о подвигах воинов 28-й армии на окраине Элисты воздвигнут памятник в виде танка Т-34.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыкия, 28-я армия, танковая бригада.

The article deals with the history of the participation of the 6th Guards Tank Brigade as part of the 28th Army (3rd formation) in the territory of Kalmykia in November-December 1942. During the fighting this part repeatedly distinguished itself and played an important role in the defeat of the 16th motorized division of the Wehrmacht and the liberation of Kalmykia. It is no coincidence that in memory of the exploits of the soldiers of the 28th Army on the outskirts of Elista, a monument was erected in the form of a T-34 tank.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmykia, 28th Army, tank brigade.

6-я гвардейская Краснознаменная Сивашская танковая бригада (далее - гв. тбр) в годы Великой Отечественной войны прошла недолгий, но славный боевой путь. Она была сформирована в Костерево (под Владимиром) 1 сентября 1941 г. как 1-я отдельная танковая бригада на базе остатков 32-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса Юго-

Западного фронта [5, л. 1-3]. Правда, иногда встречаются утверждение о том, что 1-я танковая бригада формировалась на базе 34-й танковой дивизии, ведущее свое происхождение от записок военного комиссара ГАБТУ Красной армии Н.И. Бирюкова, но там (в записи от 19 августа 1941 г.) указывалось лишь предполагаемое распределение остатков танковых дивизий для формирования новых бригад [2, с. 24], которое потом могло измениться. Сведения из архивов достаточно ясно указывают на происхождение 1-й танковой бригады от 32-й танковой дивизии.

15 сентября 1941 г. новая часть убыла на фронт и 18 сентября прибыла в район Ахтырки, где вошла в состав 2-й конно-механизированной группы П.А. Белова (21-я армия Юго-Западного фронта). В составе этой группы она сражалась в районе Ромен, Богодухова и Томаровки. 19 декабря 1-я танковая бригада, пополненная техникой и личным составом, была переброшена на воронежско-курское направление и участвовала в наступлении 40-й армии. 16 января 1942 г. она вошла в оперативное подчинение 3-го гв. кавалерийского корпуса В.Д. Крюченкина, вместе с которым участвовала в глубоком рейде по направлению к Щиграм. По итогам этого рейда бригада 16 февраля 1942 г. получила наименование 6-й гвардейской [5, л. 1-3].

В феврале - июле 1942 г. 6-я гв. тбр сражалась в составе различных объединений Юго-Западного фронта: с 12 февраля - 21-й армии, с 17 марта - 38-й армии, с 3 апреля - 28-й армии. 27 июля эту часть направили на доукомплектование 23-го танкового корпуса, почти полностью уничтоженного в Харьковской катастрофе. В дальнейшем 6-я гв. тбр сражалась на различных участках Сталинградского и Юго-Восточного (с 30 сентября - Сталинградского) фронтов в составе: 64-й армии, 13-го танкового корпуса, 62-й армии, вновь вернулась в 23-й танковый корпус. При этом в период с 3 августа по 9 сентября эта часть сражалась в районе Абганерово - Тингута - Зеты, который ранее входил в состав Калмыкии. 13 октября 6-я гв. тбр, потерявшая практически всю технику, была выведена из Сталинграда в тыл, а 20 октября направлена в Астрахань [5, л. 5].

26 октября эта часть была передана в состав 28-й армии (3-го форм.) и была доукомплектована заново

С 16 июня и весь период боев в Калмыкии частью командовал гв. подполковник Михаил Наумович Кричман [5, л. 8]. Это был опытный офицер, прошедший «финскую» и воевавший с первого дня Великой Отечественной, трижды раненый и награжденный двумя орденами Красной Звезды (всего к концу войны у него было 10 орденов, не считая медалей). Он воевал в этой части со дня ее формирования, сначала начальником штаба танкового полка бригады, потом начальником штаба бригады.

6-я гв. тбр была развернута на дороге Элиста - Астрахань (к востоку от Ницьяна) вместе со 107-м гв. стрелковым полком и 152-й стрелковой бригадой. Она состояла из двух танковых батальонов, в которых на тот момент числилось 12 КВ, 4 Т-34, 20 Т-60, мотострелково-пулеметного батальона (в составе - танко-десантной роты, двух стрелковых рот, минометной роты), зенитной и противотанковой батарей, минно-саперного взвода.

Вскоре бригаду начали пополнять, в том числе и за материально-технической части 565-го танкового батальона, входившего ранее в 28-ю армию. Получив пополнение, 14 ноября 6-я гв. тбр начала переход в район песков Абумта, где начала подготовку к третьей Хулхутинской наступательной операции, которая должна была начаться одновременно с наступлением Сталинградского фронта (20 ноября). В составе бригады на тот момент было 7 КВ, 16 Т-34, 19 Т-60 (еще 3 Т-34 и 1 Т-60 находились в ремонте и за исключением одной «тридцатьчетверки» были восстановлены к 16 ноября) [6, л. 6-7].

Для проведения третьей Хулхутинской наступательной операции командование 28-й армии на этот раз привлекло большую часть своих сил: 34-ю гв. стрелковую дивизию, часть 248-й стрелковой дивизии, 6-ю гв. тбр и 152-ю стрелковую бригаду. Передвижение войск проходило скрытно, с соблюдением правил маскировки. Силы усиления, в том числе мобильные части и подразделения, подошли буквально накануне операции. Уже 15 ноября управление 34-й дивизии и 107-й гв. полк прибыли в пески Армазрыки, 6-я гв. тбр - в пески

Шар-Хар-Ха и Херен-Улан [4, с. 72].

В предстоящей операции бригада играла важную роль. Пока силы 34-й гв. стрелковой дивизии атаковали Хулхуту группировка, составленная из 6-й гв. тбр и 152-й стрелковой бригады и развернутая в песках нынешнего Черноземельского района, должна была скрытно выдвинуться по целине мимо Хулхуты в тыл противника и занять село Сянчик. Из состава этой группировки выделялся «мотомехотряд» (десантная рота мотострелково-пулеметного батальона и взвод Т-60 6-й гв. тбр, взвод автоматчиков 152-й бригады), который должен был продвинуться еще дальше на запад и произвести рейд на Утту [7, л. 2].

С началом наступления части 6-й гв. тбр и 152-й бригады сумели скрытно обойти Хулхуту с юга и 20 ноября, в 7.50 вышли на рубеж атаки. 3-й батальон 152-й бригады атаковал Сянчик с юга, 4-й батальон - с юго-запада, 1 и 2-й танковые батальоны и мотострелки перерезали дорогу на Утту и нанесли удар в тыл противнику. Немцы были явно ошеломлены, но быстро отреагировали, и уже в 14.20 танки 116-го немецкого танкового батальона, подошедшие с запада, нанесли контрудар по рейдовой группировке. Однако к 17.50 Сянчик, зимовники колхозов им. Куйбышева и Заготскота оказались полностью заняты советскими подразделениями. В Сянчике были захвачены два танка, зенитная САУ, 4 зенитных орудия (2 - 88-мм и 2 - 20-мм), автомашина и склад ГСМ [6, с. 75].

Мотомехотряд, направленный на Утту, прибыл к цели лишь к вечеру и в 18.40 20 ноября вступил в бой с превосходящими силами противника. Однако здесь командование 28-й армии явно недооценило противника. В ходе ожесточенного ночного боя мотомехотряд был почти полностью уничтожен. Из 103 бойцов и командиров, участвовавших в рейде на Утту, вернулось лишь 9 человек (в том числе 6 раненых) на двух автомашинах. Лейтенант Афанасенко сообщил: «Остальной отряд погиб... подавляющее большинство личного состава и матчасти уничтожено противником» [8, л. 85об. -88].

Дальнейшее наступление на Яшкуль застопорилось, мало того, немцам удалось отрезать и разгромить два полка 34-й дивизии. После этого бои вновь перешли в позиционную фазу. Некоторые частные операции оказались весьма успешными, как, например, рейд группы гв. майора П.Я. Роя (6 танков с десантом 6-й гв. тбр) на Чилгир 11 - 13 декабря. Утром по ориентиру самолета танковая группа вышла к вражескому опорному пункту и внезапно атаковала его гарнизон. Враг был парализован, фашистские захватчики в паническом страхе бросали оружие и разбежались [3, с. 288].

Командование 28-й армии готовило новое наступление, пополняло фронтовые силы. 18 декабря танковая группировка была усилена 51-м танковым полком. В ночь на 28 декабря 1942 г. 28-я армия начала атаку на укрепленную линию противника от Яшкуля до Ньюкн и прорвала ее в нескольких местах. Фашисты начали отступать. 6-я гв. тбр двигалась вне дорог вдоль северного берега реки Яшкуль, пытаясь обогнать противника, и первой достигла Элисты. 30 декабря танки 2-го батальона ворвались в село Троицкое и двинулись в направлении Элисты. Однако эта атака была отражена сильным огнем противника. Один танк КВ, достигший северной окраины города, был подбит на холме. Теперь на этом месте стоит «тридцатьчетверка» - памятник воинам-освободителям 28-й армии.

Бригада вернулась к Улан-Эрге, где переправилась через Яшкуль и устремилась вдоль грейдера (уже с южной стороны) к Элисте. пытаясь охватить пути отхода противника. 31 декабря 1942 г. танкисты вышли к курганам Три брата и Хамур, перерезали дорогу Элиста-Приютное. Совместные усилия бригады с частями 28-й армии позволили освободить столицу Калмыкии.

Продолжая бои, 2 января бригада овладела Ленинским и вышла в район Приютное, где наши танки попали в засаду. Однако противник был подавлен огнем «катюш». Приютное было освобождено. Вскоре танкисты соединились с частями 91-й стрелковой дивизии 51-й армии.

Отмечая заслуги бригады по освобождению Калмыкии Президиум Верховного Совета республики Указом от 20 февраля 1943 года 13 гвардейцев бригады были награждены почетной грамотой Совета: М.Н. Кричман, М.Г. Жуков, Т.Г. Фомичев, Ф.Ф. Вовк, Ф.Д. Пархоменко, Г.В. Бурцев, В.П. Негреба, С.У. Бавжиков, Г.М. Коровин, И.А. Горбунов,

И.Г. Белоусов, Красиков [3, с. 289-290].

В ходе тяжелейших боев 6-я гв. танковая бригада достойно показала себя в боях с немецкими захватчиками и внесла решающий вклад в освобождение Калмыкии.

Литература:

1. 6-я отдельная гвардейская танковая Сивашская Краснознаменная бригада URL: <http://tankfront.ru/ussr/tbr/gvtbr06.html>.
2. Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. Смоленск, 2005.
3. Воспоминания и письма ветеранов 28-й армии (3-го формирования): Сб. док. и матер. Элиста, 2015.
4. Очиров У.Б. Наступление 28-й армии и освобождение Калмыкии в ноябре 1942 г. - январе 1943 г. // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы. Элиста, 2014. С.70-84.
5. ЦАМО РФ. Ф.6 гв.тбр. Оп.1. Д.3.
6. ЦАМО РФ. Ф.6 гв.тбр. Оп.1. Д.10.
7. ЦАМО РФ. Ф.28А (3-го форм.). Оп.8465. Д.8. Л.2.
8. ЦАМО РФ. Ф.152сбр. Оп.1. Д.9. Л.85об-88.

УДК 93/94

**О ВЛИЯНИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА РАЗВИТИЕ
РУССКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ДАГЕСТАН
НА РУБЕЖЕ XIX - XX ВВ.**

**ON THE INFLUENCE OF THE RAILWAY CONSTRUCTION ON THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN RESETTLEMENT MOVEMENT IN DAGESTAN ON A
BOUNDARY XIX - XX CENTURIES**

И.А. Суздальцева,

*к.и.н., доцент кафедры истории России,
заместитель декана исторического факультета по научной работе,
Дагестанский государственный педагогический университет*

I.A Suzdaltseva,

*Ph.D., Associate Professor of Russian History
Deputy Dean of the Faculty of History of scientific work
Dagestan State Pedagogical University*

В статье обращено внимание на тесную взаимосвязь железнодорожного строительства с активизацией русского переселенческого движения на Северо - Восточный Кавказ. В конце XIX - начале XX вв. линия Владикавказской железной дороги прошла по приморским районам Дагестана, связала регион с внутренними губерниями России и стала важным рычагом его социально-экономического развития, способствовала притоку населения в города и слободы Дагестанской области, активизировала процесс формирования рабочего класса края.

Ключевые слова: *крестьяне, горожане, промышленность, рыболовство, рабочий класс.*

The paper drew attention to the close relationship of railway construction with the activation of Russian resettlement movement in the North - East Caucasus. In the late XIX - early XX centuries Vladikavkaz railway line crossed the coastal areas of Dagestan, a region linked with the internal provinces of Russia, and has become an important lever of the socio-economic development, contributed to the influx of population into the cities and settlements of the Dagestan region, intensified the process of forming the edge of the working class.

Keywords: *peasants, citizens, industry, fisheries, the working class.*

Во второй половине XIX в., по окончании Кавказской войны началось официальное хозяйственное освоение Северного Кавказа и его интеграция в социально-экономическое

пространство России. Важную роль в этом процессе сыграло железнодорожное строительство. Кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич еще в январе 1869 г., отмечал, что окончательное включение Кавказа в состав России возможно лишь при сокращении расстояний, отделяющих его от империи ... и «только железная дорога может прикрепить Кавказский край и Закавказье к России прочными и неразрывными узами» [6, с. 36].

В 1875 г. была торжественно открыта железная дорога Ростов - Владикавказ; были пущены ветки до Петровска (1894 г.) и Дербента (1899 г.), Баладжары и Баку (1900 г.). В 1914-1915 гг. велось строительство железнодорожной ветки до Темир - Хан - Шуры (48 верст) и Кизляра (70 верст). Таким образом, на рубеже XIX - XX вв. благодаря железной дороге Северный Кавказ и Закавказье были соединены с центральными губерниями России, что имело большое значение для дальнейшего социально - экономического и политического развития кавказского региона.

Железнодорожное строительство имело большое значение для развития Дагестана. Здесь начался активный рост городов и городского населения, развивалась промышленность, появились новые отрасли экономики и т.д. Особую роль железная дорога сыграла в развитии миграционных процессов, которые способствовали развитию русского переселенческого движения в регион, привели к изменению национального и социального состава дагестанского общества.

Строительство Дагестанского участка Владикавказской железной дороги облегчило переезд крестьян - переселенцев из России, которые устремились в северные и приморские районы Дагестана. На рубеже XIX - XX вв. значительная часть их обосновалась на территории Хасавюртовского округа, входившего в состав Терской области, где были сравнительно благоприятные земельные и природно - климатические условия для расселения и ведения хозяйства. Переселенцы устраивали поселки и хутора на купленных и арендованных участках казенных и частновладельческих земель. Уже в 1902 - 1903 гг. в Хасавюртовском округе проживало 1738 семей крестьян-переселенцев численностью 10370 человек, которые составили 14,3 % населения.

После проведения Дагестанского участка железной дороги наблюдался быстрый рост городского населения края. Если с 1862 г. по 1897 г. удельный вес горожан в Дагестане увеличился с 2,1 % до 5,9 %, то в 1913 г. они составляли уже 11,0 % населения. Быстрый рост городского населения в Дагестане был отмечен после ввода в эксплуатацию Петровского участка железной дороги. За 10 лет (в 1886-1897 гг.) городское население Дагестана увеличилось с 20129 до 33835 человек или на 68 %, в то время как по всем городам Закавказского края оно возросло в среднем на 49,8 % [12, с. 58].

В конце XIX - начале XX вв. рост городского населения Дагестана происходил за счет переселенцев из России: русские составили около половины городского населения края, а в Дагестанской области по данным 1914 г. 75,5 % русского населения проживало в городах.

В пределах Дагестанской области на железнодорожной линии было сооружено 10 станций: Чир - Юрт, Темиргое, Петровск - Кавказский, Порт - Петровск, Манас. Бойнак, Каякент, Мамед - Кала, Дербент, Белиджи, где так же проживало русское население.

Особую роль железная дорога сыграла в развитии города Петровска, который на рубеже XIX - XX вв. превратился в крупный транспортный узел и торгово - промышленный центр региона. Население Петровска постоянно росло за счет притока переселенцев из внутренних районов России. Однако, если во второй половине XIX в. динамика роста населения города была стабильной, но невысокой (в 1871 г. здесь проживало 3665 человек, в 1874 г. - 3890 человек), то после строительства железной дороги в Петровск прибыла волна переселенцев: в 1898 г. в городе числилось уже 11594 человека. Значительную часть его населения составляли представители «городских сословий»: 674 ремесленника, 4759 купцов, торговцев, промышленников и т.д. [12, с. 59]. Быстрый рост населения Петровска имел некоторые негативные последствия: город начал расширяться в сторону низменной болотистой части. Массовое производство саманного кирпича для строительства новых жилищ, приводившее к возникновению котлованов, увеличивало заболочиваемость местности вокруг города. Здесь

образовывались обширные ямы со стоячей водой, и началось обострение эпидемии малярии [11, с. 79].

Строительство железной дороги создало условия для строительства в Дагестане крупных промышленных предприятий, на которых было занято несколько сотен рабочих. Уже в 1898 г. статский советник И.О. Петрококин, и московский купец С.И. Решетников учредили общество «Каспийская мануфактура» и начали строительство текстильной фабрики в Петровске, которая находилась «в прямом сообщении: с одной стороны - пароходами со Средней Азией - местом получения хлопка, с другой - железной дорогой с местами сбыта готовых изделий» [7, с. 36]. В начале XX в. фабрика стала самым крупным промышленным предприятием Дагестана: число рабочих фабрики в разное время колебалось от 800 до 1000 человек. Так, в 1901 г. здесь работало 700 рабочих и служащих, а в 1905 г. - более 1 тыс. человек. Большая их часть была нанята в промышленных районах России. Об этом свидетельствует их религиозный состав: 766 православных рабочих, 221 мусульман, 12 армян, 21 еврей, 1 католик [9, с. 31]. Нерусские рабочие составляли около 1/3 трудящихся (по данным 1902 г. - 33,4 %).

Строительство железной дороги способствовало развитию в Дагестане рыболовства и становлению рыбной промышленности. Русские купцы и промышленники на публичных торгах приобретали право прибрежного лова и арендовали у местных князей рыболовные участки на побережье Каспия. Так, почти все рыболовные воды в Темир - Хан - Шуринском округе, принадлежавшие наследникам шамхала Тарковского, арендовались астраханским купцом К.П. Воробьевым. На его рыболовных промыслах работало от 900 до 1500 рабочих. Кроме того, разработкой рыбных промыслов занимались Егор Киреев, Иван Бурлаков, Дмитриев, Башакин, Иван Тушманов и др. В Кайтаго - Табасаранском округе в Терекемейских водах 41 промысел был арендован русскими предпринимателями из разных городов Кавказа и России. Часть этих арендаторов проживала в Петровске: А. Фоменко (55 рабочих), Д. Горбунов (55 рабочих), А. Акуменич (55 рабочих), Н. Рогаткин (90 рабочих), А. Окунев (75 рабочих), И. Лисочинский (120 рабочих), Г. Белянинов (135 рабочих) и другие [2, с. 75-76].

С развитием рыбных промыслов было связано появление бондарных мастерских. В 1897 г. в Петровске открылись бондарные мастерские Рябцевых, Наумкина и Матюхиных. В 1901 г. Воробьев построил у железнодорожной станции Петровск-Кавказский бондарный завод, где работало 70 человек. Тогда же им было построено «заведение для искусственного охлаждения (замораживания) рыбы», на котором было занято около 250 рабочих [7, с. 38].

Значительное число работников, связанных с рыбной промышленностью, составляли сезонные рабочие и переселенцы из России. Статистические данные свидетельствуют, что в начале XX в. на рыбных промыслах Дагестанской области было занято около 10 тыс. человек, половину их составляли русские рабочие [8, с. 32-33; 10, с. 22].

Сама железная дорога стала крупным торгово - промышленным предприятием Дагестана и способствовала притоку рабочей силы в регион. Строительство и эксплуатация Дагестанского участка железной дороги требовали много квалифицированной рабочей силы, наем которой обычно производился в центральных губерниях России. Русские рабочие составили большинство дагестанских железнодорожников, так как обладали хотя бы минимумом грамотности на русском языке, имели технические знания и производственный опыт на других дорогах страны. Количество рабочих, занятых в строительстве и обслуживании железной дороги, в среднем колебалось от 5 до 13 тыс. Железнодорожники стали самым крупным отрядом постоянных рабочих в крае. На Дагестанском отрезке Владикавказской железной дороги в 1903 г. число рабочих и служащих вместе с членами семей достигло 13667, а в 1917 г. - 16 тыс. человек. В 1917 г. на Петровском участке железной дороге работали 1575 русских рабочих и 25 горцев [1, с. 120].

В связи со строительством железной дороги и промышленным развитием Дагестана, в крае началось формирование рабочего класса, который имел свои особенности: местная промышленность и транспорт в большей степени обслуживались квалифицированными русскими рабочими, переселенными из России. Русские составляли половину всех рабочих в

промышленности и на транспорте Дагестана по той причине, что местные крестьяне, не понимавшие русского языка и не имевшие технических навыков, не могли в короткий срок встать за станки. В этих условиях владельцы предприятий стали выписывать рабочих из промышленных центров России: текстильщиков - из Подмосковья и Иваново-Вознесенска, бондарей - из Рязани и Астрахани, рыбаков - с Волги и т.д. [3, с. 210].

Таким образом, на рубеже XIX - XX вв. переселенческий поток на юге страны переместился на Северо - Восточный Кавказ, в том числе в Дагестан. В значительной степени этому способствовало строительство железной дороги, соединившей Кавказ с внутренними районами страны, способствовавшей включению региона в социально - экономическое пространство России. В ходе железнодорожного строительства и промышленного развития Дагестана начался процесс формирования рабочего класса края, основу которого составили переселенцы из России. Дагестанские города и железнодорожные станции являлись центрами, куда стекались массы русских рабочих и крестьян.

Литература:

1. Асваров Н.А., Суздальцева И.А. Роль железной дороги в формировании рабочего класса Дагестана на рубеже XIX - XX вв. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 119-125.
2. Дагестанский сборник. Выпуск 2. Темир - Хан - Шура, 1904.
3. История Дагестана. Т. 2. М., 1963.
4. Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183.
5. Нахшунов Р.И. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
6. Наша железнодорожная политика по материалам Архива Кабинета министров. Т. 2. СПб., 1902.
7. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир - Хан - Шура, 1903.
8. Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир - Хан - Шура, 1905.
9. Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир - Хан - Шура, 1906.
10. Обзор Дагестанской области за 1906 г. Темир - Хан - Шура, 1907.
11. Суздальцева И.А. О создании системы здравоохранения города Порт - Петровска во второй половине XIX - начале XX века. // Вторые Васильевские чтения. Материалы региональной научно - практической конференции. Кизляр, 2010. С. 77-82.
12. Суздальцева И.А. Проблемы формирования русского городского населения Дагестана на рубеже XIX - XX вв. // Известия высших учебных заведений. Северо - Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 6. С. 57-60.

УДК 93/94+902/904

ПУБЛИКАЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ ЮГА РОССИИ НА СТРАНИЦАХ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (1818 - 1845 ГГ.)

PUBLICATIONS ABOUT THE ARCHEOLOGY OF THE SOUTH OF RUSSIA ON THE PAGES OF «OTECHESTVENNIYE ZAPISKI»

И.С. Тахушева,

магистрант 2 г. о. направления «История»

ИИФoSМИ, КБГУ, г. Нальчик

Научный руководитель: профессор, д.и.н. Кузьминов П.А.

I.S. Takhusheva,

Master of history of Institute-of-hist-fil-msm, KBSU

Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

Scientific adviser: doctor of history, professor Kuz'minov P.A.

В статье анализируется проблема публикации на страницах столичного периодического издания «Отечественные записки» материалов по археологии Юга

России. В журнале часто появлялись материалы о городах южных российских губерний, археологических находках в Судаке, Керчи, Кавказском регионе, античных поселениях в Одессе и др. Редакторы пропагандировали проблему охраны историко-культурного наследия и использования исторических ценностей: экспонирования предметов древнего быта и искусства и музеефикации архитектурно-археологических объектов: курганов, склепов.

Ключевые слова: Археология, Юг России, Керчь, Одесса, Кавказ, публикация, журнал, «Отечественные записки».

The article analyzed the problem of the publication on the pages of the periodical «Otechestvenniye zapiski» the materials on the archeology of the South of Russia. The editors often published materials about the cities of the Southern Russian provinces, archaeological finds in Sudak, Kerch and the Caucasus, ancient settlements in Odessa. The journal promoted the issue of protection of historical and cultural heritage and the use of historical values: the exposure of objects of ancient life and art and the preservation of architectural and archaeological sites: mounds, crypts.

Key words: Archeology, the South of Russia, Kerch, Odessa, the Caucasus, publication, journal, «Otechestvenniye zapiski».

Имя Павла Петровича Свиньина было известно каждому читающему человеку в России 1810 - 1840-х годов. Издаваемый им журнал «Отечественные записки» (1818 -1838) и иллюстрированные книги были популярны и расходились в продаже большими тиражами [4, с. 109]. Число подписчиков журнала доходило до 1400, что для первой трети XIX в. считалось внушительной цифрой [16, с. 195].

В отличие от большинства других журналов «Отечественные записки» помещали материалы, прежде всего, по русской истории и истории других народов России. Интерес к истории России, ко «всему отечественному» во многом определял и деятельность самого издателя журнала - коллекционера, литератора, художника и историка П.П. Свиньина [2, с. 90]. Таким образом, «Отечественные записки», подчиненные цели описать «все любопытное, достойное примечания по части древностей и изделий отечественных», стали новым типом «преимущественно-исторического» журнала [5, с. 284], точнее первым «историко-археологическим» журналом в России [15, с. 208-212].

Примечательно, что интерес к русской истории в то время начал причудливым образом облекаться в поиски «русской античности». Не избежал этого и Павел Петрович. В «Отечественных записках» часто появлялись материалы о городах южных российских губерний, археологических находках в Судаке и Керчи, античных поселениях в Одессе и др. [8].

Особый статус Керчи, как одного из древнейших городов мира, культура Боспорского царства, представляющего наиболее удачный вариант греко-варварского синтеза в Северном Причерноморье и оставившего немало памятников классической древности [3], по - видимому, привлекли внимание коллекционера Свиньина. Редактором было принято решение опубликовать на страницах «Отечественных записок» результаты ценных историко-археологических экспедиций по Крыму и Кавказу.

Присоединение Крымского полуострова к России в конце XVIII в. и начало проникновения Российской империи на Кавказ при Екатерине II открыли новую волну интереса для российской и западноевропейской общественности, желающей наглядно ознакомиться с далеким прошлым Тавриды и горскими народами Кавказа. Для Керчи отдельную группу путешествий представляли историко-археологические экспедиции, особенно активизировавшиеся с 1820 г. и прерванные Крымской войной в 1853 г. Это были попытки дополнить историческую справку о городе античных и средневековых авторов, создать и реконструировать археологическую карту Керченского полуострова, изучить всевозможные и конкретные памятники древности. Однако все путешественники и исследователи в своих сочинениях также уделяли внимание многочисленным аспектам жизни современного им города - его экономике, в том числе торговле с народами Кавказа, культуре, быту [1, с. 17].

В 33-й части «Отечественных записок» в 1828 г. было помещено письмо военного губернатора Тифлиса в 1827 - 1828 гг. Н.М. Сипягина под названием «О древностях, найденных близ Тифлиса», адресованное П.П. Свиньину [11]. В нем губернатор сообщал, что в числе монет, найденных в Грузии, были обнаружены три персидских сребреника, отнесенных ими к временам Сассанидов (800 лет назад). Сипягин раскрыл историю обнаружения монет и советовал издателю журнала обратить внимание на эти находки. Свиньин, как любитель и собиратель русских древностей и предметов искусства, активно печатал эти сообщения о разных археологических находках в своем журнале. Этим же объяснялась публикация письма И.Т. Радожицкого из Ставрополя 1827 г. о находке четырех серебряных монет времен Петра Великого в 1815 г. за Теремом у кумыцкого селения Ендера на берегу реки Акташ [10]. Эти монеты, по - видимому, попали туда во время Каспийского похода Петра I в 1722 - 1723 гг.

Научный интерес представляют работы Ивана Алексеевича Стемпковского (1789 - 1832), градоначальника Керчи в 1828 - 1832 гг., опубликованные в «Отечественных записках». Статьи были посвящены описанию путешествия французского консула Ж.Ф. Гамбы по Кавказу [12], открытию надгробного камня в Керчи [14] и обнаружению древних амфор и сосудов времен греческой колонизации в Одессе [13] и др.

Благодаря Стемпковскому, много внимания уделявшему благоустройству города, развитию архитектуры и сохранению памятников глубокой древности, в 1826 г. в Керчи был открыт историко-археологический музей, положивший начало археологическим изысканиям сокровищ керченской земли. Об одном из таких важных открытий, обнаружении надгробного памятника в Керчи в 1827 г., Стемпковский сообщал в журнале. Памятник представлял собой сидящую в кресле женщину, перед которой на подножии стоял ребенок, а сзади еще женская фигура. На камне под барельефом литерами была начертана греческая надпись, в переводе означающая: «Пантагафа, супруга Аполлониева и сын ее Матродор, радуйтесь» (перевод И.А. Стемпковского. - И.Т.) [14, с. 150]. В другой работе автор выражал надежду, что к предметам, которые будут обнаружены при сооружении новых зданий на территории Одессы, строители отнесутся бережно и передадут их специалистам для подробного описания и объяснения [13, с. 462].

Таким образом, по инициативе Стемпковского началось систематическое изучение памятников Северного Причерноморья, была развернута активная деятельность по сохранению местных находок в 20-е гг. XIX в. Эта инициатива известного археолога была поддержана редколлегией «Отечественных записок». Свиньин часто печатал в журнале выдержки из писем Стемпковского об археологических открытиях в южных губерниях страны, привлекая внимание общественности к проблемам охраны историко - культурного наследия.

Начало археологических изысканий на территории Керченского полуострова связано с именем Антона Бальтазаровича Ашика (1801 - 1854). Историк и археолог А.Б. Ашик родился в семье купца. Отец был далматинским сербом. В 1812 г. семья переселилась в Одессу. В 1817 г. Антон поступил на службу в канцелярию Херсонского военного губернатора графа Ланжерона.

В 1822 г. Ашик перешёл в управление, организованное в городе Керчь генуэзцом Рафаилом Скасси для организации меновой торговли с адыгскими народами, проживающими на северо-восточном побережье Черного моря. Его обязанности заключались в ведении переписки, касавшейся отношений с черкесами и абазинцами, а в 1829 г., после ухода от дел Скасси, Ашик в течение полугода заведовал его делами.

В начале 1830 г. он был приставлен к начальнику Кавказской области (г. Ставрополь) для выполнения особых поручений. Но через год Антон Бальтазарович снова был направлен в Керчь. Здесь он сблизился со И.А. Стемпковским, благодаря которому, а также директору Керченского музея И. Бларамбергу, пристрастился к археологии и начал заниматься раскопками окрестных курганов. В 1833-1849 гг. (после смерти Бларамберга) по предложению князя М.С. Воронцова он исполнял должность директора Керченского музея древностей.

Ашик сделал много драгоценных открытий для науки, в том числе открыл в 1837 г. Царский курган, отыскал немало предметов, обогативших Императорский Эрмитаж.

Отрывок из его работы «Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками» появился в 1846 г. на страницах «Отечественных записок» [6]. К этому времени периодическое издание редактировалось известным журналистом А.А. Краевским [7], сохранившим преемственность в освещении проблем археологии Юга России.

Редакция своими публикациями сообщала широкой аудитории о вкладе А. Ашика в исследование древнего Пантикапея. Подчеркивалась мысль об открытии им впервые в Керчи в 1842 г. иссеченных в скале катакомб и первого расписного склепа [6, с. 19-20]. По описанию Ашика, практически все катакомбы были ограблены, вероятно, ещё в древности. Стены и потолки склепа были покрыты разнообразными изображениями, основной смысл которых заключался в представлении о блаженном существовании умерших в загробном мире, а также о путях достижения этого мира. На одной из нижних стен склепа, по сообщениям археолога, была представлена битва в честь покойника «шести пантикапейских всадников с обитателями Кавказа и Грузии» [6, с. 23].

Ашик советовал расширить территорию раскопок до Новороссийского края и Кавказа, что, по его мнению, позволило бы русским археологам сделать много ценных открытий [6, с. 19-20].

В Приазовье первые, документально засвидетельствованные исследования проводились выходцами из Германии П.И. Кеппенем (1793 - 1864) и И. Корнисом (1789 - 1848). П. Кеппен сделал первое описание ставшей известной впоследствии Каменной Могилы, ряда курганов, способствовал организации финансирования раскопок И. Корнисом. Последний сыграл значительную роль в освоении Приазовья - занимался скотоводством, земледелием и садоводством, «способствовал цивилизации ногайцев» [9, с. 98]. В 1837 г. он на собственные деньги раскопал несколько курганов на берегах р. Молочной. После освещения результатов этих работ П. Кеппенем на одном из заседаний Академии Наук, последняя выделила денежную дотацию на продолжение этих работ. Это дало возможность И. Корнису в течение трех лет (1842 - 1844 гг.) вблизи р. Молочной раскопать 13 курганов, содержащих в основном материалы эпохи средневековья. Часть находок хранилась в усадьбе Корниса, судьба остальных неизвестна.

Краткое обозрение результатов исследования немецкого колониста было опубликовано в журнале в 1845 г. [9]. Данные, представленные в виде таблицы, состояли из четырех колонок и включали: номер и время разрытия кургана, описание местности, высоту и диаметр кургана, перечень основных находок. Так, раскопанный Корнисом в сентябре 1842 г. на правом берегу р. Молочной в 8 верстах от Мелитополя курган № 1 достигал в высоту 8 рейнских футов и являлся самым большим на данной территории. Среди найденных там предметов были: человеческий скелет новейшего времени, медная кружка, лошадиные кости, занесенные туда, по предположениям археолога, волками и лисицами и др. [9, с. 98]. Систематизация представленных Корнисом сведений позволила выделить четыре категории степных курганов: «1) простые искусственные насыпи; 2) курганы, покрывающие могилы и содержащие в себе лошадиные кости; 3) обыкновенные могильные курганы; 4) кочки, сделанные кротами» [9, с. 98].

Следует отметить, что всесторонняя многогранная деятельность И. Корниса высоко оценивалась современниками. «Такие люди, каким был Корнис, рождаются не каждое столетие», - писал Я. Штах [17]. В газете «Крымский вестник» в 1900 г. отмечалось: «Для Новороссии давно пора подумать о памятнике И. Корнису» [17].

Таким образом, анализ публикаций в «Отечественных записках» в 1818 - 1845 гг. позволяет утверждать, что редколлегия много внимания уделяла историко-археологическим проблемам Юга России. Периодическое издание публиковало результаты исследований отечественных и иностранных ученых (Стемпковского, Ашика, Корниса и др.), внося тем самым значительный вклад в становление отечественной археологии. «Отечественные записки» пропагандировали проблему охраны историко - культурного наследия и

использования исторических ценностей: экспонирования предметов древнего быта и искусства и музеефикации архитектурно-археологических объектов: курганов, склепов.

Литература:

1. Авсенева С.Н. Историко - археологическое изучение Крыма путешественниками первой половины XIX в. (на примере Керчи) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 17-20.
2. Афиани В.Ю. Из истории русской археологии. Публикация исторических источников в «Отечественных записках» П.П. Свиньина (1818 - 1830) // Археологический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 89-97.
3. Боспор Киммерийский (в древности так назывался Керченский пролив) - один из важнейших центров греческой колонизации на северном берегу Чёрного моря. Здесь сложилось и на протяжении 1000 лет (V в. до н.э. - V в. н.э.) существовало самое крупное в регионе Боспорское царство. Его основная территория состояла из Восточного Крыма и Таманского полуострова. По представлениям древних авторов, прежде всего, Геродота и Страбона, первая часть находилась в Европе (европейский Боспор), а вторая - в Азии (азиатский Боспор). Государство включало в себя ранее независимые греческие города-государства, основанные на берегах пролива, и ряд местных варварских племён (синдов, торетов и пр.). Столицей этого объединения стал Пантикапей, руины которого находятся на территории современного города Керчь, вокруг горы Митридат (Виноградов Ю.А., Швембергер С.В. 3D реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского. URL: http://www.bosporuscrypt.ru/content/library/text_05.htm (дата обращения: 15.11.2016).
4. Вишленкова Е.А. Виртуальный «музей» Павла Свиньина - забытая сокровищница русского искусства // История и историческая память. 2011. № 3. С. 108-120.
5. Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1976. С. 276-284.
6. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками [А.Б. Ашика]. Одесса, 1845 // Отечественные записки. 1846. Т. 49. № 11. С. 19-23.
7. Краевский Андрей Александрович (1810 - 1889) - русский издатель, редактор, известный журналист. Учился в Московском университете, на философском факультете. Служил в департаменте министерства народного просвещения; преподавал историю в Пажеском корпусе, был одно время помощником редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения»; состоял членом Археологической Комиссии. В 1839 -1867 гг. издавал журнал «Отечественные записки» (Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_k/kraevski_aa.php (дата обращения: 16.11.2016)).
8. Кулакова И.П. Отечественный мечтатель // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/3/otechestvennyy-mechtatel> (дата обращения: 15.11.2016).
9. Курганы на северной стороне Азовского моря // Отечественные записки. 1845. Т. 41. № 8. С. 97-101.
10. Радожицкий И.Т. О монетах, найденных в Акташе // Отечественные записки. 1827. Ч. 30. С. 489-494.
11. Сипягин Н.М. О древностях, найденных близ Тифлиса // Отечественные записки. 1828. Ч. 33. С. 578-580.
12. Стемповский И.А. Взгляд на путешествие Ж.Ф. Гамбы в Южную Россию // Отечественные записки. 1827. Ч. 30. С. 156-168.
13. Стемповский И.А. Известие о древностях, найденных в Одессе, в течение 1826 г. // Отечественные записки. 1827. Ч. 30. С. 440-462.
14. Стемповский И.А. О новой находке в Керчи // Отечественные записки. 1827. Ч. 30. С. 150.
15. Формозов А.А. Первый русский историко-археологический журнал // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 208-212.
16. Формозов А.А. Тиражи исторических изданий в первой половине XIX в. в России // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 192-196.
17. Цит. по: Тоцев Г.Н., Ельников М.В., Дровосокова О.В. Древности Запорожского края (Материалы к Своду памятников истории и культуры). Запорожье: Запорожский государственный университет, 2003. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5081333/> (дата обращения: 16.11.2016).

**ОБРЯДОВАЯ ФУНКЦИЯ ОДЕЖДЫ В ОБРЯДЕ С «РЯЖЕНЫМ» В
ТРАДИЦИОННОМ НАРОДНОМ КАЛЕНДАРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ В XIX - XX ВВ.**

**ORDINARY FUNCTION OF CLOTHES IN THE BOOK WITH "RYZHEN" IN THE
TRADITIONAL NATIONAL CALENDAR OF CHECHENANS IN THE NINTH - XX
CENTURIES**

З.И. Хасбулатова,

*д.и.н., профессор кафедры истории культуры и музееведения
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
гл.н.с. Академии наук ЧР*

Z.I. Khasbulatova,

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department
of the History of Culture and Museology
FGBOU VO "Chechen State University,"
gl.n.s. Academy of Sciences of the Czech Republic*

В данной статье показано значение обрядовой функции одежды с ряженым в народном календаре чеченцев.

Ключевые слова: чеченцы, народный календарь, обряд, ряженный, весенний праздник.

This article shows the significance of the ritual function of clothing with riches in the Chechen people's calendar.

Key words: Chechens, people's calendar, rite, mummer, spring holiday.

Обряд с «ряженым» играл значительную роль в традиционных народных календарных обычаях, которые включали в себя целую систему определенных действий, связанных с сезонной производственно-хозяйственной деятельностью человека. В весеннем празднике чеченский пахарь надевал вывернутую шубу и шапку для того, чтобы всходы были более густыми, как шерсть шубы [1].

Одним из распространенных обрядов вызывания дождя был обряд с ряженым. «Раздетого мальчика - подростка, реже девушку окутывали ветвями, травами или надевали на голову свисавшие до земли ветви черной бузины, сноп из конопли или растения «хьогули». Иногда на голову ряженого надевали мешок с отверстиями для глаз, также украшенный зелеными ветвями. Вместо пояса ряженого повязывали веревкой. Главного персонажа сопровождала процессия, состоящая из 20-30 подростков в вывернутых наизнанку овчинных тулупах» [2, С. 60-61]. Участников процессии всегда одевали в вывернутые шубы (шерсть - символ растительности «для урожая»). Главного участника обливали водой с пожеланиями богатого урожая и обильной влаги [2, С.62].

Обряды, связанные с переряживанием, являлись магическими способами трансформации человека в другой условный образ (при этом одежда играла ведущую роль), который приобретал иные функции и вместе с тем открывал возможность отступать от обычных принятых норм поведения. Символика ряженья, которая в XIX-XX вв. носила в основном развлекательное действие, видимо, в прошлом была более многозначна.

Литература:

1. ПМА, Бериев Нурди, 1927 г. рожд, с. Герзель, 1987; Эльдаров Усман, 1936, с. Дуба - Юрт, 1986.
2. Мадаева Э.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1991.

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ДАРГАВСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА
(ХРИСТИАНСКИЙ КРЕСТ И ЕГО АНАЛОГИИ)

NEW FINDS FROM DARGAVA CATACOMB BURIAL
(THE CHRISTIAN CROSS AND ITS ANALOGY)

А.А. Цуциев,

*к.и.н., доцент, Министр по вопросам национальных отношений
Республики Северная Осетия - Алания*

A.A. Tsutsiev,

*Ph.D., Associate Professor, Minister for National Affairs
Republic of North Ossetia-Alania*

В статье публикуются новые находки предметов христианской пластики - крестов с медальонами из аланских памятников центральных районов Северного Кавказа, свидетельствующие о распространении в среде местного населения христианства с X в.

Ключевые слова: *Даргавский катакомбный могильник, камера, бронзовый крест, погребальный инвентарь.*

The article publishes new finds of Christian plastic objects - crosses with medallions from Alanian monuments of the central regions of the North Caucasus, which testify to the spread of Christianity from the 10th century among the local population.

Key words: *Dargava catacomb cemetery, camera, bronze cross, funeral implements.*

Полевой сезон 2016 г. на Даргавском катакомбном могильнике принес ряд интересных находок. Одна из них, на наш взгляд, заслуживает отдельной публикации, поскольку может дать повод для пересмотра верхней даты функционирования названного памятника. Речь идет о бронзовом кресте с христианской символикой, обнаруженном в катакомбе № 92. В камере катакомбы находилось трое погребенных, уложенных головами направо от входного отверстия (на Ю). Из-за плохой сохранности костяков и небольшого количества погребального инвентаря, удалось определить пол лишь одного из погребенных. У дальней стенки камеры была похоронена женщина, о сем свидетельствуют стеклянный браслет, туалетный набор (копоушка и ногтечистка) и типичные для женского костюма нагрудные застёжки. На центральном костяке (пол которого не установлен) было обнаружено всего два предмета. В районе пояса были найдены небольшой железный нож и бронзовый христианский крест. Отметим, что данная находка является первой находкой меднолитой христианской пластики в катакомбах Даргавса.

Высота креста - 69 мм (с петлей), ширина - 45 мм. На его лицевой стороне помещено изображение Богородицы Одигитрии (Путеводительницы) в полный рост, держащей младенца Христа на левой руке и поддерживающей его правой. Обратная сторона креста гладкая (рис. 1).

Хотя икона Богородицы Одигитрии известна с V - VI вв., поклонение данному образу и почитание святого источника у константинопольского монастыря Одигон (отсюда название Одигитрия) становится устойчивой традицией в X-XI вв. В XI-XIV вв. икона Богородицы Одигитрии считалась охранительницей Константинополя и личной святыней императоров. Изображение Одигитрии на иконках, складнях, печатях и крестах часто сопровождалось погрудными образами евангелистов, архангелов, святых в медальонах. Это мы видим и на обнаруженном в Даргавском могильнике кресте, стороны (концы) которого имеют по два округлых медальона с изображениями ликов избранных святых. Количество медальонов - это очень интересная особенность, имеющая важное значение для дальнейшего изучения даргавской находки и ее аналогий. Дело в том, что оформление концов креста изображениями

святых характерно для многих типов как византийских, так и русских энколпионов, односторонних нагрудных крестов и т.д., однако медальонов обычно бывает три - четыре.

Поиск ближайших аналогов кресту из Даргавса дал следующие результаты.

1. В 2014 г. в катакомбе № 15 Змейского катакомбного могильника был обнаружен крест-псевдоэнколпион, состоящий из двух склепанных односторонних крестов¹. Одна его сторона в точности соответствует находке из Даргавса. Вторая сторона имеет изображение Распятия в центре и восемь медальонов на концах (рис. 2). Качество отливки змейского предмета несколько хуже чем даргавского, детали изображений проработаны менее четко. Вместе с тем, кресты настолько близки, что, на наш взгляд, можно говорить об одном центре их производства. Эта мысль подтверждается находкой в катакомбе № 93 Даргавского могильника и в катакомбе № 19 Змейского могильника практически идентичных нагрудных застежек женского платья, наверняка произведенных в одной мастерской (рис. 3). Названные материалы из ст. Змейской датируются автором X - XII вв.

2-3. В 2011 г. в средствах массовой информации прошел ряд сюжетов о расхищении археологических предметов с территории средневекового городища у горы Калезж, на правом берегу р. Малки, примерно в пятистах метрах от въезда в с. Каменноостское (Зольский р-н Кабардино-Балкарской Республики). По некоторым сведениям, в течение трех лет из верхнего культурного слоя поселения было извлечено от 2000 до 3000 христианских крестов и других предметов культовой пластики [1, 119]. Все они были распроданы и осели в частных коллекциях. Среди калезжских находок для нашей темы представляют интерес два предмета. Один из них в точности соответствует кресту из Даргавса, отличаясь от него лишь формой петли и немного меньшим размером (58x40 мм) (рис. 4). Второй крест иконографически повторяет сцену Распятия на псевдоэнколпионе из Змейки. Он также имел восемь медальонов, но верхняя его лопасть утрачена (рис. 5). Размеры креста - 48x35 мм [1, 127]. Опубликовавший находки С. Н. Малахов высказался за датировку подобных крестов в границах X - XII вв.

4. Следующий предмет данного типа был обнаружен в одиночном погребении (каменный ящик) Келийского могильника в горной Ингушетии (Назрановский р-н). Это двустворчатый энколпион с изображениями распятого Христа на лицевой стороне и Богородицы Одигитрии на оборотной. Вместе с крестом на груди погребенного были найдены два фрагмента бронзовых цепочек (рис. 6). Погребение датируется концом XIII - XIV вв., но при этом авторы подчеркивают, что «дата изготовления креста неизвестна» [2, 7]. Данная находка вместе с другими материалами из Кели хранилась в Грозненском музее. В настоящее время, по сообщению Е. И. Нарожного, ее местонахождение неизвестно.

5. Еще один крест с восемью медальонами на концах сторон и Распятием в центре (рис. 7) был опубликован В. А. Кузнецовым. Исследователь информирует о находке целой серии (7 экз.) различных крестов, поднятых И. Е. Волковым на городище на горе Развалка близ Железноводска в 1996-1997 гг. [3, рис.5]. Подробностей и обстоятельств находки неизвестно. Датировки предмета В. А. Кузнецов не предлагает, констатируя лишь «присутствие на Пятигорье христианских общин по крайней мере в X - XIII вв.» [3, 79].

6. О последнем известном на сегодняшний день кресте данного типа информации практически нет. Имеется лишь фотография предмета, найденного черными копателями где-то «на Кавказе» и проданного на одном из интернет - ресурсов. Фотография креста, размещенная в Интернете, свидетельствует, что данный экземпляр, в сравнении с другими известными, имеет лучшую сохранность и более качественную начальную проработку. И фигура Богородицы, и лики святых рельефнее, детали отливки четче (рис. 8). Примерные размеры предмета по фото - 62x43 мм. К сожалению, даже этот, пока лучший по сохранности экземпляр, не дает нам возможности установить изображенных на сторонах креста святых.

Подведем некоторые итоги. Все известные сегодня экземпляры крестов «с восемью медальонами» происходят с территории Северного Кавказа, что свидетельствует о локальном

¹ Автор искренне благодарит автора раскопок М. А. Бакушева за предоставленные материалы из Змейского катакомбного могильника и возможность их публикации.

характере, местной кавказской традиции изготовления и бытования крестов данного типа ¹. Центральный сюжет - Распятие или Одигитрия - типичен для византийских средневековых крестов в целом, и энколпионов в частности. Наиболее вероятная датировка предметов данного типа - X-XII вв., что ставит вопрос о пересмотре верхней даты функционирования Даргавского катакомбного могильника в пользу ее омоложения как минимум до X в. н.э.

Литература:

1. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Новые предметы средневековой христианской мелкой пластики из Кабардино - Балкарии // Историко - археологический альманах. Вып. 11. Армавир - Краснодар. М., 2012. С. 119-139.
2. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Голованова С.А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко - культурного единства). Грозный, 1990. С. 6-17.
3. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002.



Рис.1



Рис. 2

¹ Аналогичная точка зрения была высказана независимо друг от друга целым рядом специалистов, любезно проконсультировавших меня в частной переписке. С благодарностью привожу их мнения. Н. И. Асташова (ГИМ, г. Москва): «Такое оформление концов неизвестно ни для Руси, ни для Средиземноморья в средние века. Возможно, это вариант собственно кавказских крестов периода развитого средневековья». Чхаидзе В. Н. (ИА РАН, г. Москва): «Прототип у креста, несомненно, византийский, однако мне не известен точный по форме односторонний крест или энколпион. Имею ввиду изображение двух святых в медальонах на концах креста. Думаю, это местная, аланская особенность». Малахов С. Н. (АГПУ, г. Армавир): «Особенностью некоторых «аланских» находок является размещение на концах крестов двух медальонов с ликами святых».



Рис. 3. Нагрудные застёжки из Змейского (а) и Даргавского (б) катакомбных могильников



Рис. 4



Рис. 5

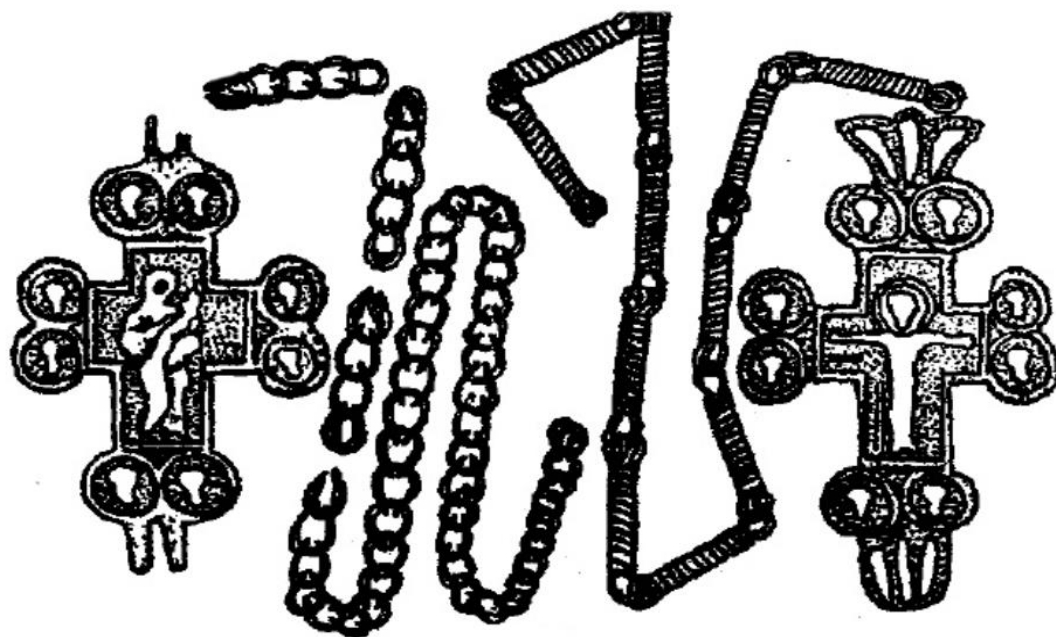


Рис. 6



Рис. 7



Рис. 8

**ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ**

**PROBLEMS OF RESTORATION OF NATIONAL AUTONOMIES
OF REPRESSED PEOPLES**

С.С. Цуцулаева,

*к.и.н., доцент, заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

S.S. Tsutsulaeva,

*candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of the
history of the ancient world and the Middle Ages
FGBOU VO "Chechen State University"*

*В статье освещены проблемы восстановления автономий репрессированных народов
России в годы Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, депортация, спецпереселенцы
реабилитация, восстановление автономий.*

*The article shows the contradictions that arose during the restoration of the autonomy of
repressed peoples, liquidated during the Great Patriotic War. The unresolved nature of some
problems leads to an aggravation of relations between peoples.*

Keywords: *Great Patriotic War, deportation, special resettlers rehabilitation, restoration of
autonomies.*

В результате выселения за пределы своих национальных образований народы (калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, и др.), подвергшиеся репрессии лишились своей государственности и территории, на которой проживали их предки сотни лет, а также имущества, многих культурных достижений и условий для нормального экономического и культурного развития.

В начале 1950 - х годов, после смерти И.Сталина, начинается процесс реабилитации депортированных народов. Огромную роль в этом процессе сыграл XX съезд партии, состоявшийся в феврале 1956 года. Вот здесь власти стали выяснять, а что же стало с этими обездоленными народами, в каком они находятся состоянии? Вот некоторые сведения о численности выселенных народов.

карачаевцев - 15332 семей (66682 чел.);
калмыков - 28577 семей (91059 чел.);
чеченцев и ингушей - 105674 семей (496460);
балкарцев - 8830 семей (37400 чел.).

Для сравнения приведем следующие данные. В сентябре 1965 года, т.е. через 22 (карачаевцы и калмыки) и 23 года (чеченцы, ингуши и балкарцы) их численный состав был следующим:

карачаевцев - 13231 семей (56505 чел.);
калмыков - 21410 семей (82806 чел.);
чеченцев и ингушей - 89854 семей (394713 чел.);
балкарцев - 7790 семей (30446 чел.).

Как видим, ввиду нечеловеческого обращения с репрессированными народами, среди них отмечалась, особенно в первые годы, очень высокая смертность. Во многих местах спецпоселений депортированные народы были на грани катастрофы. Районы расселения депортированных народов не были своевременно подготовлены к приему, размещению трудоустройству огромного контингента людей и что немаловажно, в зимних условиях. Только 8 марта 1944 года (т.е. после переселения) ГУЛАГом НКВД СССР были утверждены

правила жизнеобеспечения спецпереселенцев - калмыков, карачаевцев, чеченцев, балкарцев и немцев, все, кто из них был способен трудиться, как записано в правилах «в целях создания им нормальных условий существования», должны были быть в самые короткие сроки устроены на работу. В первые месяцы более 80 % спецпереселенцев не были трудоустроены. На почве голода среди спецпереселенцев наблюдается массовая смертность. Вот один из примеров: В Андреевском районе Алтайского края на почве отсутствия хлеба имелись случаи массового опухания спецпереселенцев - калмыков [1, с.140-144]. Подобные данные можно привести по всем депортированным народам.

С конца 1955 года по 1956 год были приняты Постановления ЦК КПСС «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». Но права вернуться на родину эти постановления не давали. Особенно категорическое возражение встретили попытки властей по созданию национально - административных образований в местах ссылки. В одном из писем карачаевцев, в котором стояло 1168 подписей, адресованному руководству страны, говорилось, создание автономий вне пределов прежних границ, является «новым наказанием». Такие письма шли и от других репрессированных народов. В частности, обсуждалась перспектива создания автономии Чечено - Ингушской республики в пределах Казахской ССР, фактически - в районах их ссылки!

Тем не менее, истосковавшиеся по родным местам спецпереселенцы массами возвращались домой. Самовольное возвращение репрессированных народов ускорило принятие официальных решений о восстановлении их упраздненной государственности. 24 ноября 1956 года ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов».

9 января 1957 года, наконец, был принят ряд Указов Президиума Верховного Совета СССР, восстанавливавших ранее ликвидированные автономные образования карачаевского, калмыцкого, чеченского, ингушского и балкарского народов. Также для руководства и организации всей работы, связанной с восстановлением автономий, впредь до выборов руководящих советских органов, был утвержден Организационный комитет по вновь образованным республикам.

К сожалению, в ходе восстановительного процесса, который происходил в условиях господства командно - административной системы в стране, были допущены серьезные нарушения национальной политики. Руководством партии и Советского государства предприняты также непродуманные действия, которые и по сей день продолжают негативно отражаться на судьбах народов, обостряют межнациональные конфликты, подрывают традиционную дружбу братских наций и народностей нашей страны.

Однако, как известно, в ряде случаев, не в старых границах были восстановлены автономии. Ряд территорий оказались не включенными в Калмыцкую АССР, т.е. два самых мощных и экономически развитых района Калмыкии, расположенных на Нижней Волге и Северном Прикаспии - Долбанский и Приволжский, остались в составе Астраханской области. Калмыцкое население отторгнутых Астраханской областью двух бывших районов Калмыцкой АССР, приехав из Сибири к родным очагам, не могло примириться с вопиющей несправедливостью, допущенной по отношению к ним. В центральные органы власти направлялись сотни писем, резолюций схода граждан калмыцкой национальности. Однако проблема и по сей день не решена.

После восстановления Чечено - Ингушской АССР не был возвращен Пригородный район, включенный в состав Северо - Остинской АССР. В 1990 - е годы нерешенность проблемы привело к военным столкновениям между ингушами и осетинами. До сих пор не решена и проблема бывшего Ауховского района Дагестана. Буквально пару месяцев назад произошли столкновения между чеченцами - акинцами и аварцами. Не изменилось положение о восстановлении законной территории упраздненных республик и после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов».

Восстановление национальных автономий представляло собой сложный процесс. Не просто было решить те сложные проблемы, которые возникали в связи с восстановлением

автономий. Например, по районам Чечено - Ингушской АССР из 2269 населенных пунктов осталось 324 [3, с.90]. Сразу же после восстановления Чечено-Ингушской АССР необходимо было решить вопрос о ее административно - территориальном делении. До ликвидации Чечено - Ингушской автономной республики на ее территории находились: г. Грозный - республиканский центр и 24 административных районов:

1. Ачалукский — с. Средние Ачалуки
2. Ачхой-Мартановский — с. Ачхой-Мартан
3. Веденский — с. Ведено
4. Галанчожский — с. Галанчож
5. Галашкинский — с. Галашки
6. Грозненский — г. Грозный
7. Гудермесский — с. Гудермес
8. Итум-Калинский — с. Итум-Кали
9. Курчалоевский — с. Курчалой
10. Малгобекский — рп. Малгобек
11. Надтеречный — с. Нижний Наур
12. Назрановский — с. Назрань
13. Ножай-Юртовский — с. Ножай-Юрт
14. Пригородный — с. Базоркино
15. Пседахский — с. Пседах
16. Саясановский — с. Саясан
17. Старо-Атагинский — с. Старые Атаги
18. Старо-Юртовский — с. Старо-Юрт
19. Сунженский — ст-ца Слепцовская
20. Урус-Мартановский — с. Урус-Мартан
21. Чеберлоевский — с. Шаро-Аргун
22. Шалинский — с. Шали
23. Шароевский — с. Шарой
24. Шатоевский — с. Шатой

С марта 1944 года территория упраздненной республики претерпела существенные изменения. Ее частями передали соседним национально-государственным и административно-территориальным образованиям. При этом районные центры и практически все остальные населенные пункты, ранее входившие в состав Чечено - Ингушской АССР, были переименованы.

Два дня, 5-6 января 1957 года, под председательством Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева проходило заседание Президиума ЦК КПСС. Под номером 32 в его повестке дня стоял вопрос «О территории Чечено - Ингушской АССР» [2, с.10].

21 января 1957 года Оргкомитет ЧИАССР и Бюро Чечено - Ингушского Обкома КПСС обратились в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Президиум Верховного Совета РСФСР с предложениями о новом административно-территориальном делении ЧИАССР. Под юрисдикцию Чечено - Ингушской АССР, в соответствии с решениями вышестоящих органов власти, вошли: г. Грозный и г. Малгобек - республиканского подчинения и 17 административных районов:

1. Ачхой-Мартановский — с. Ачхой-Мартан
2. Веденский — с. Ведено
3. Грозненский — г. Грозный
4. Гудермесский — с. Гудермес
5. Каргалинский — ст-ца Каргалинская
6. Курчалоевский - с. Курчалой
7. Надтеречный — с. Надтеречное
8. Назрановский — с. Назрань
9. Наурский — ст-ца Наурская

10. Ножай-Юртовский — с. Ножай-Юрт
11. Первомайский - с. Первомайское
12. Саясановский - с. Саясан
13. Советский - с. Советское
14. Сунженский — ст-ца Орджоникидзевская
15. Урус-Мартановский — с. Урус-Мартан
16. Шалинский — с. Шали
17. Шелковский — ст-ца Шелковская

Сокращение их (в 1944 году их было 24) произошло за счет укрупнения сельских районов. В частности, в состав нового Советского района вошли территории бывших Шатоевского, Чеберлоевского, Шароевского и Итум - Калининского районов. Кроме того, как сказано выше Пригородный район, в состав которого входило 39 ингушских сел, остался под юрисдикцией Северо - Осетинской АССР. Неоднократно на самых разных уровнях ставился вопрос о возврате земель Пригородного района, но он так и остался нерешенным. Осевшие после возвращения из республик Средней Азии и Казахстана ингуши - уроженцы этого района, так и не были воссоединены с основной массой своего этноса. Впоследствии это привело к возникновению спорных, конфликтных вопросов. Осенью 1993 года произошел кровавый осетино - ингушский конфликт.

Многие населенные пункты, где ранее проживали карачаевцы - полностью были разрушены, или находились в крайне запущенном состоянии. Оставшийся жилой фонд 10375 домов в большинстве своем пришел в негодность. Не лучше было и по другим народам. Места, куда возвращались репрессированные, как правило, были заселены другими людьми, часто перемещенных сюда принудительно. Для многих молодых поколений Кавказ стал Родиной. Требовались огромные средства и время для разрядки сложившейся ситуации. Много сделано было в те годы волевыми решениями. Завязались новые противоречия.

Итак, репрессии, беззаконие, а затем и сам ход реабилитации нагромодили массу противоречий как объективного, так и субъективного порядка. Принятый в апреле 1991 года Закон «О реабилитации репрессированных народов» должен был решить многие противоречия, которые имелись и продолжают быть сегодня. К сожалению, Закон бездействует, а противоречия приводят к возникновению новых спорных, конфликтных вопросов.

Литература:

1. Ссылка калмыков: Как это было: Сборник документов и материалов. Элиста, 1993. Т.1. Кн. 1.
2. Восстановление Чечено - Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов. / Отв. сост. А.М. Бугаев. Нальчик, 2013. Т.1.
3. Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: Согласно Вашему указанию ... М., 1995.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX В.¹

THE PROCESS OF FORMING CENTRALIZED RULING IN THE NORTH CAUCASUS
IN EARLY OF THE XX CENTURY.

Е.С. Шавлохова,

*д.и.н., профессор, проректор по научной работе,
Академия маркетинга и социально-информационных
технологий - ИМСИТ (г. Краснодар)*

E. S. Shavlokhova,

*Dr. (History), Professor, Pro-rector for scientific work,
Academy of Marketing and Social Information Technologies - IMSIT (city of Krasnodar)*

В статье рассматривается процесс формирования централизованного управления на Северном Кавказе в начале XX в. Особое внимание уделяется таким-то вопросам как создание Русского централизованного государства, политическим методам, которые применялись российским правительством, для решения национального вопроса. Основное внимание уделяется сложившейся в России новой структуре местного управленческого аппарата, основанной на более совершенной законодательной базе, восстановленному наместничеству которое было нацелено на решение проблемы полного присоединения Кавказа к России, включение его в законодательное поле империи. Делается вывод о том, что выход был найден в создании национально-территориальных образований, что сыграло существенное значение в деле расширения власти советов и укрепления ее позиций на территории всего государства.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, российское правительство, политика, административно - правовая система, национальные территории.

The article deals with the forming centralized ruling in the North Caucasus in early of the XX century. Particular attention is paid to some issues such as creating the centralized Russian state, political methods which were used by the Russian government to solve the national question. The focus is on the current new structure of local administrative apparatus in Russia at that time, based on an improved legal framework, restored governorship which was aimed at solving the problem of full accession to the Russian Caucasus, its inclusion in the legislative field empire. The article concluded that the solution was found in creating national - territorial areas that played a significant role in expanding Soviet power and strengthening its position in the entire state.

Keywords: North Caucasus, Russia, the Russian government, policy, administrative and legal system, the national territory.

Создание Русского централизованного государства в средние века наложило отпечаток на всю дальнейшую историю России, способствовало становлению, развитию и укреплению авторитарных черт государственного устройства. В России все более укоренились черты наиболее жестких моделей абсолютизма, и это не было прямым заимствованием у Запада или Востока, а являлось следствием воздействия окружающей действительности. В начале XX

¹ Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Присоединение Осетии к России как процесс интеграции народов Северного Кавказа в административно-правовую систему России» (конец XVIII – начало XIX вв.), проект № 16–11–23014
The publication article has been made with the help of financial support of the Russian Foundation for Humanities, with the framework of the project research "Joining Ossetia to Russia as the process of integration of the peoples of the North Caucasus in the administrative and legal system of Russia" (the end of XVIII – early XIX centuries.), the project is № 16–11–23014

столетия в отношении народов, проживавших на территории Империи, стала проводиться политика русификации, которая подчинялась стратегии их вовлечения в единое экономическое пространство. Новое развитие получили либеральные идеи государственного строительства, которые ранее декларировались самим самодержавием, но в силу его неспособности поступиться собственными правами на власть, оказавшиеся неволевыми. Теперь они были взяты на вооружение российской общественностью [1, с. 282].

Каждая из политических сил имела и предлагала собственные варианты выхода из кризиса. Однако ни один проект в области государственных преобразований независимо от того, был ли он применен на практике, или же отклонен, не предусматривал отмены сословной дифференциации общества. Таким образом, одним из важных факторов становления и укрепления авторитарного режима правления в России является многосложный процесс формирования государства, в результате которого Россия к началу XX столетия оказалась неспособной к восприятию конституционной власти. Царь в России постоянно находился выше закона, в нем олицетворялись порядок, справедливость, право, власть. Поэтому любые попытки изменить что-либо в системе правления во благо общества, могли быть отвергнуты этим же обществом.

В этот же период на территории расселения горцев Северного Кавказа господствовали традиционные устои жизни. В нормах адата большинства народов недвусмысленно указывалось на главенствующее положение князей. Их власть распространялась на все внутренние дела горских сообществ, они имели право на объявление войны, заключение мира, в их руках находились суд и расправа. Кавказские дворяне составляли двор и княжеский совет, их обязанности состояли в ежегодной выплате определенных налогов серебром или продуктами питания, а также в необходимости выставлять во время военных действий необходимое количество вооруженных людей. Вопрос о причислении высших горских сословий к дворянству Российской империи был решен довольно своеобразно. Им разрешалось воспитывать детей в кадетских корпусах, предоставлялись определенные права по службе. Но полного причисления к дворянству все же не произошло, ибо у горцев не существовало землевладения [2, с. 131-138].

Подвластное население обязано было выполнять повинности и платежи в пользу высшего сословия: пахать и убирать поля, пасти скот и лошадей, уплачивать подать за пользование землей, а также часть калыма в случае выдачи дочерей замуж. Адат не только устанавливал обязанности бедняков по отношению к их владельцам, заключавшиеся в исполнении повинностей в доме и поле владельца, но и некоторым образом защищал их права. В противостоянии с родовой знатью горские крестьяне использовали общину, основой экономической независимости которой являлась ее собственность на пахотные и частично на непахотные земли. У многих народов Северного Кавказа община в рассматриваемое время оказалась в руках трудового крестьянства тем оружием, которое давало им локальную сплоченность и средства к сопротивлению. Община, еще довольно сильная в рассматриваемый период, некоторым образом являлась сдерживающим фактором, не позволявшим высшему сословию окончательно захватить всю полноту власти, однако, ее позиции постепенно слабели.

Опыт проживания в пределах одной Империи со временем выработал у горцев традицию мирного сосуществования, однако российская история в этом смысле располагает не только позитивным опытом. К началу исследуемого периода сложилась практика выработки универсальных форм противодействия негативным тенденциям в жизни общества, которые имели надэтническую сущность. Полицейские меры никак не дифференцировались в зависимости от этнической принадлежности среды, в которую они были направлены. Российские власти вплоть до вступления в новое столетие практически не уделяли внимания процессам на национальных территориях, не придавали им того значения, которого они заслуживали [3, с. 316-317]. Это не говорит о том, что обстановка в регионах с этническим населением была спокойной и не требовала вмешательства. Исторически сложилось так, что многие народы империи традиционно проживали рядом друг с другом и развивались в

условиях взаимовлияния и взаимодействия. С течением времени места их обитания приобретали конкретные очертания и включались в общую административно - территориальную систему государства. В общем, этот процесс проходил безболезненно на основе взаимного согласия, которое, однако, документально не фиксировалось. Так постепенно формировался ареал расселения больших и малых народов с весьма условными, но признанными всеми заинтересованными сторонами границами. Одновременно стабильные очертания принимало и расположение народов относительно друг друга, что способствовало их привыканию и терпимости к внешней среде, а также расширяло возможности социального, экономического и культурного взаимообогащения.

В условиях российской действительности начала XX века локальная напряженность в отношениях между различными народами в совокупности с кризисным состоянием всех сфер имперского общества, ослаблением самодержавной власти послужили фундаментом для зарождения массовых национально ориентированных движений. В советский период российской истории это объяснялось главным образом состоянием отношений между центральной властью и зависимыми народами, которые выразили свое недовольство национальной политикой царизма в форме организованного выступления в защиту своих прав и интересов. [4, с. 67-81]. Современные исследователи связывают повышение уровня политической активности народов не только с недовольством властью, но и ослаблением государственности в империи.

К концу XIX века в России сложилась новая структура местного управленческого аппарата, основанная на более совершенной законодательной базе. Создавая земства, власть рассчитывала не только на поддержку своего политического курса, но и на беспрекословное послушание со стороны органов местного самоуправления. На деле ситуация поначалу развивалась несколько иначе. Земства привлекли к себе внимание либерально настроенной части помещиков, которые намеревались использовать властные рычаги для реального изменения положения в стране.

На этот же период приходится возросший уровень противоречий в межнациональных отношениях, которые были обусловлены многими факторами поступательного развития общества. Национальные образования стали постепенно втягиваться в общероссийскую систему управления, при этом на их территории продолжали действовать и традиционные административные структуры [5, с. 74-76]. Создание наиболее важных институтов власти на местах не исключало совмещения управленческой деятельности с выполнением задач военного значения, что сохраняло ее особый статус. Имевшийся опыт подсказывал, что локальное национальное образование в пределах великой Империи, обладающее собственными культурными, экономическими, религиозными и другими традициями, рано или поздно проявит стремление к автономии, а затем и к государственной самостоятельности. Чтобы укрепить государственное единство, необходимо было упредить разрастание сепаратизма, сохраняя при этом право за каждой нацией на ее культурные и духовные особенности. Главными составными элементами этого процесса, по убеждению теоретиков государственного строительства того времени, являлись единое законодательство на всей имперской территории, однообразная система управления и один государственный язык. Революционные события в стране заставили правительство пересмотреть свою кавказскую политику. Восстановленное наместничество было нацелено на решение проблемы полного присоединения Кавказа к России, включение его в законодательное поле империи. Опыт взаимоотношений с кавказскими народами, приобретенный ранее, подсказывал два основных пути решения поставленной перед наместничеством задачи. В первую очередь, следовало не просто усилить, а форсировать колонизацию региона за счет увеличения потоков направленной миграции русского населения из центральных губерний. Одновременно требовались меры по всесторонней поддержке наиболее лояльно настроенных горцев к российскому присутствию на Кавказе.

Российская система управления на Северном Кавказе распространялась поэтапно, поскольку не удавалось одновременно интегрировать в имперскую административную

структуру все горские сообщества сразу. В решении этих вопросов наблюдалось постепенное и основательное изучение обычаев, нравов, социально-экономических основ жизни, организации власти и судопроизводства. Тщательный подход к формированию административных учреждений свидетельствовал о том, что Россия сильно заинтересована в своем присутствии на Кавказе, поэтому основательно готовилась к реализации мер в рамках своей кавказской политики. Со временем институты государственного управления стали распространяться вглубь территории горских народов. В процессе укрепления административных институтов и политической позиции самодержавия на Северном Кавказе у представителей власти на местах сформировалось представление о состоянии дел в том или ином горском обществе, на основании которого можно было прогнозировать дальнейшее развитие ситуации и отношений между горцами и государством. Власть сознательно шла на политический компромисс, чередуя невмешательство во внутренние дела общин и ограничение давления с жесткой требовательностью и принципиальной позицией в вопросах выполнения своих предписаний и распоряжений. В силу регулярного использования переходных мер, характер которых зависел от состояния общественно-политической обстановки на конкретном отрезке времени, имперская власть придала динамичность всему процессу социального и нравственного слияния русского и этнического населения и подчинения всей общности различных народов законам и нормам, действовавшим на территории Империи. Все это делалось с учетом этнической принадлежности обществ, в то время как в территориальном отношении Северный Кавказ по-прежнему оставался единым регионом. Только после того как были улажены все формальности с учреждением административных структур, встал вопрос о распределении территорий и установлении границ.

Что касается национальных регионов, то для их закрепления в составе Империи правительство приняло ряд действенных мер законодательного порядка. Все эти меры применялись дифференцированно по отношению к разным народам, находившимся на различных ступенях общественного и социально - экономического развития. Однако ни один из рассмотренных проектов не был принят в полном объеме, хотя отдельные их положения в той или иной мере применялись на практике.

До революции партия большевиков склонялась к построению унитарного государства, однако практика противостояния с политическими оппонентами заставила пересмотреть идеологические установки [6, с. 320]. Свои коррективы в этот процесс внес и национальный вопрос, от решения которого зависел уровень поддержки советской политики в национальных регионах. Стремление малых народов к реализации лозунга о свободном самоопределении на первом этапе было выгодно большевикам. С одной стороны, можно было легко удовлетворить жажду власти национальных лидеров, с другой - укрепить свои собственные позиции. После этого федерация стала своеобразным средством достижения главной цели - построения социализма. На этом этапе и возникла потребность соединения в одно целое перспектив решения национального вопроса в России и организации власти на местах. Выход был найден в создании национально - территориальных образований, что сыграло существенное значение в деле расширения власти советов и укрепления ее позиций на территории всего государства. Национальная составляющая давала возможность использования этнических механизмов управления, территориальный аспект сохранял все существовавшие вертикали.

История развития северокавказского региона в составе России показала, что предоставленная возможность свободного общения, сотрудничества и взаимодействия обладает значительно большим потенциалом сближения национальных, государственных и других интересов различных народов, в том числе находящихся на разных уровнях развития, нежели вмешательство в устоявшуюся веками традиционность самоорганизации с целью замены ее принципов на незнакомые и чуждые основы централизованного управления.

Литература:

1. Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии / А.Черных. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 282 с.
2. Шавлохова Е.С. Проблема независимости в контексте теоретического осмысления

- понятия «национальное государство. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 131-138.
3. Соловьев Ю.Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Ю.Б. Соловьев // Археографический ежегодник. М., 1974. С. 316-317.
 4. Сенцов А.А. Национально-государственное устройство России накануне Октября 1917 г. / А.А. Сенцов // Советское государство и право. 1990. № 11. С.67-81.
 5. Шавлохова Е.С., Степанова Л.Г. Власть и общество в России и ее регионах в начале XX в.: состояние, тенденции и противоречия развития. // Культурная жизнь юга России. 2014. № 3(54). С. 74-76.
 6. Материалы по истории осетинского народа. Т. 2: Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Орджоникидзе, 1942. 320 с.

УДК 93/94

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИИ «ТОТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING TRADITIONAL KABARDIN SOCIETY FROM THE POSITION OF "TOTAL HISTORY"

А.Ж. Шереужев,

*магистрант Института истории, филологии и СМИ
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»*

A.Zh. Shereuzhev,

*graduate student of the Institute of History, Philology and Media
FGBOU VO "Kabardino-Balkarian State University
them. H.M. Berbekova »*

Статья посвящена теоретическому рассмотрению кабардинского общества в рамках тотальной истории. Показывается исследовательское направление исторической науки. Рассматриваются причины и последствия применения новых методологических приемов при исследовании тех или иных вопросов. Дается перечень возможных тем для глубокого раскрытия в рамках нового направления исторической науки.

Ключевые слова: *традиционное кабардинское общество, тотальная история, микроистория, история повседневности.*

The article is devoted to the theoretical consideration of Kabardian society within the framework of total history. The research direction of historical science is shown. The causes and consequences of the application of new methodological methods in the study of various issues are considered. A list of possible topics for deep disclosure within the framework of the new direction of historical science is given.

Key words: *traditional Kabardian society, total history, microhistory, history of everyday life.*

По мере развития исторического знания периодически возникает потребность в переосмыслении исторических явлений и процессов. Это естественное для исторического познания явление связано с изменением научных концепций, выявлением и введением в научный оборот новых источников, совершенствованием приемов и методов изучения исторической информации.

Целью доклада является теоретическое рассмотрение кабардинского традиционного общества в фокусе «тотальной истории».

Традиционно в советской историографии внимание исследователей сосредотачивалось

на масштабных, переломных событиях истории. При таком подходе не менее значимые проблемы «жизненного мира» оставались вне поля зрения историков. За пределами исторических исследований оказались внутренние побудительные мотивы человеческой деятельности в конкретной исторической реальности, т.е. главная составляющая исторического процесса - человек, творящий историю и формирующий ее внутреннее содержание.

В последние годы в отечественной исторической науке, в т.ч. и кавказоведении, наблюдается рост интереса к проблемам повседневности, являющийся следствием самоисчерпания позитивистских приемов работы с источниками, ветшанием прежних интерпретационных подходов и когнитивных парадигм. Эти проблемы продиктованы сложившейся культурно-исторической ситуацией, вызваны движением культуры, сдвигами пластов мысли, глубинными запросами общества. «История - это не бегство от жизни, но существенный ее компонент». Как отмечали основатели Школы «Анналов» М.Блок и Л.Февр, именно современность ставит перед историком актуальные проблемы изучения и, собственно, на такие жизненные вопросы историк-аналитик, а не пророк, только и способен давать ответы [1, с. 27]. Среди специалистов, применяющих междисциплинарные методы исследования и обращающихся к повседневной истории народов Северного Кавказа, следует отметить М.А. Текуеву, Ю.Ю. Карпова, А.С. Марзея, Е.А. Нальчикову [2].

«Тотальная история» Кабарды и Горских обществ XIX в. должна стать, прежде всего, историей людей, проживавших на конкретной территории и в определенном времени, жизнь которых рассматривается с максимально возможного числа точек наблюдения, в целях реконструкции доступных нашему познанию фрагментов их жизнедеятельности, понимания их поступков, познания многоуровневости их событийной жизни, перипетий самых различных обстоятельств и побудительных причин.

Исследование Кабарды и Горских обществ XIX в. как объектов «тотальной истории», в рамках которого предполагается обращение к проблемам бытовой культуры, образа жизни, стереотипов поведения, позволит осмыслить данное локальное сообщество в качестве субъекта исторического процесса. Реконструкция подробностей и мелочей быта, анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, изучение религиозных культов, политической организации людей даст нам возможность рассмотреть своеобразие исследуемых обществ.

Тенденция расширения сфер изучения Кабарды и Балкарии предполагает наполнение их социальной истории живым человеческим содержанием. Обращение к социокультурным аспектам исторического процесса уже стало неотъемлемой частью научного дискурса. Вследствие этого мировидение и картина мира людей прошлого, как результаты процесса переработки и реорганизации фрагментов внешней реальности, должны привлечь особо пристальное внимание исследователей-кавказоведов. Необходимо подвергнуть изучению и сам процесс трансформации - перекодирования значимых элементов внешней среды социокультурными системами прошлого. Современное исследование требует от историка понимания того, что «поведение людей соответствует не столько объективным условиям их существования, сколько картине мира, навязанной им культурой» [3, с. 21-36], при том каждый индивид усваивает картину мира в зависимости от социальной принадлежности, образования, личных качеств, возраста и культурно-исторической ситуации, в которой он существует.

Принципы «тотальной истории» реализуясь в виде локального, регионального исследования Кабарды и Горских обществ, рассматривающего самые различные аспекты истории и функционирования данных социальных общностей людей, позволяют рассмотреть их таким образом, чтобы в результате сложилась связанная и целостная картина их жизни. «Такого рода локальное исследование «тотальных социальных фактов» представляет собой образчик «микроистории», в которой отражаются черты «макроистории»; микроанализ служит средством моделирования истории более обширных образований» [4, с. 285].

«Тотальный» подход к изучению Кабарды предполагает широкое привлечение

исследований материальных проявлений жизнедеятельности населявших их народов, их социальных структур, а также коллективных представлений и культуры, как взаимодействующих элементов исторического процесса. Такой материал позволяет связать биологические циклы жизни индивидов с системой стратификации и социальными процессами в микроструктурах. История населения Кабарды и Горских обществ XIX в. может рассматриваться сквозь призму смены поколений, ритмов повседневной жизни, социально-культурных контекстов, включая фольклор и традиционные ежегодные ритуалы, в результате чего, по меткому выражению британского историка Ч.Фитьян-Адамса, «социальные скелеты обрастают индивидуальностью, жизнью, культурой».

Историки, собирающиеся использовать методики и подходы, выработанные в рамках «тотальной истории», должны быть готовы к анализу эмоциональных реакций, переживаний отдельных людей прошлого в связи с теми обстоятельствами, которые окружали их в быту. В центр исследования «тотальной истории» Кабарды XIX столетия должен быть поставлен не просто быт людей, но жизненные проблемы и их осмысление этими людьми. Как отмечает А.Я. Гуревич, предметом исследования историка должны быть «люди, мыслящие и эмоциональные существа» [4, с.15]. Новое понимание прошлого как «истории снизу», дает нам возможность расслышать голос «маленького человека», жертве модернизационных процессов, преодолеть снобизм в отношении людей «второго плана», рядовых персонажей жизненной драмы.

Стоит внимательнее присмотреться к духовной жизни Кабарды и Горских обществ, учитывая одновременное существование множества культурных традиций, культурой образованного населения и необразованной части, лиц духовного звания и мирян, социальной элиты и непривилегированной части общества.

В своей совокупности рассмотрение всех этих аспектов картины мира и поведения людей прошлого создает возможность построения истории именно как человеческой истории, ибо, как пишет А.Я. Гуревич, «история - не наука о политико-экономических абстракциях и не «социальная физика», это наука о живых людях и коллективах, в которые они организованы, и, следовательно, современный историк, намеревающийся раскрыть тайны прошлого, не может не обращаться со своими вопрошаниями к людям, некогда жившим, и пытаться завязать с ними диалог, т.е. поставить сохранившимся источникам, созданным этими людьми, интересующие его вопросы и стараться расслышать их ответы, расшифровывать их послания» [5, с. 293].

Таким образом, современное развитие исторической науки практически требует применения новых методов исследования. Рассмотрение традиционного кабардинского общества в рамках тотальной истории позволит изучить такие темы, как быт и повседневность простых людей, семейную жизнь, проблемы этики и поведения, трактовку пространства и времени и их связь с ментальными установками, чувства и мысли людей и многие другие. Эти сведения дают возможность глубоко и обстоятельно конструировать прошлое.

Литература:

1. Цит. по: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
2. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006; Карпов Ю.Ю. Джигит и Волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; Его же. К мировоззренческим основам функционирования горских обществ Кавказа // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 2000-2001 гг. СПб., 2002. С. 34-35; Марзей А.С. Черкесское наездничество - «Зек1уэ» М., 2000; Нальчикова Е.А. Генезис феномена «Добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. 2007. № 8. С. 71 - 73; Ее же. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2007.
3. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3.
4. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. Анналы на рубеже веков-антология / Под ред. А.Я.Гуревича. М., 2002.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮГА РОССИИ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 75-летию доктора исторических наук, профессора Мусы
Хароновича Багаева
16 ноября 2016 года*

Подписано в печать 01.12.2016 г. Формат 60x84 1/8
У.п.л. 21.4. Бумага офисная. Печать-ризография.
Тираж 500 экз.

Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный,
ул. Киевская, 33.